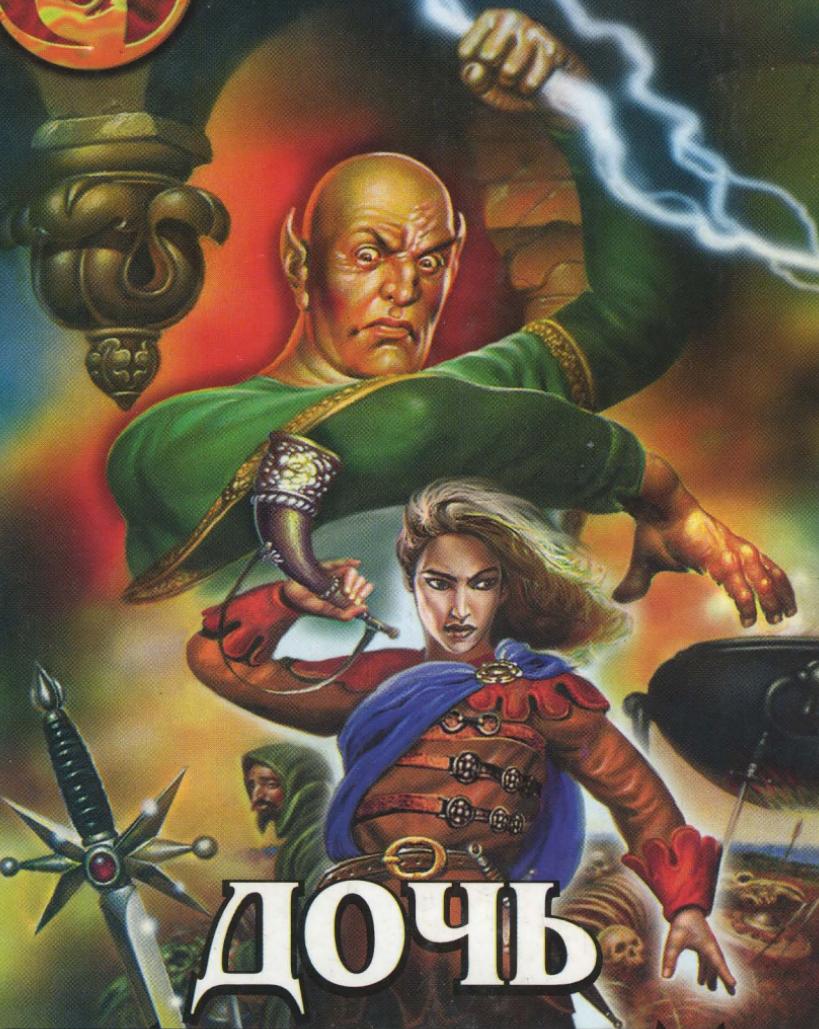

НИК ПЕРУТОВ

ДОЧЬ НЕКРОМАНТА

ДОЧЬ
НЕКРОМАНТА

•
ВЕРНУТЬ
ПОСОХ

ЭКСМО-ПРЕСС

2000

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 26

Разработка серийного оформления
художника *И Саукова*

Перумов Н. Д.
П 26 Дочь некроманта. Фантастические произведения —
М Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000 — 336 с
ISBN 5-04-004103-9

Страшную цену платит мотодой некромант за полученные от древних дуэтов тайные знания. Магия его крови будит Зверя, способного уничтожить Эвиал, мир чародейства и волшебства. Теперь, согласно преданию, остановить это порождение Тьмы, убив некроманта, сможет только его сын. Однако рождается девочка. Именно ей вопреки природе предстоит пройти путь воина, закалив свою душу презрением к страху и лютой ненавистью к Врагу, предавшему смерти ее родных, превратившему ее жизнь в кошмар. Кто Он, юной волшебнице сужено узнать только в последнем бою, когда два сильнейших мага сойдутся лицом к лицу?

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-004103-9

© Перумов Н. Д., 1999
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2000

ДОЧЬ НЕКРОМАНТА

Роман

Он придет, мой противник неведомый,
Взвоет яростный рог в тишине,
И швырнет, упоенный победами,
Он перчатку кровавую мне
Тьма вздохнет пламенеющей

бездною —

Сердце дрогнет в щемящей тоске —
Но приму я перчатку железную
И надену свой черный доспех
На каком-то откосе мы встретимся
В желтом сумраке знойных ночей
Разгорится под траурным месяцем
Обнаженное пламя мечей
Разобьются щиты с тяжким грохотом
Разлетятся осколки копья, —
И безрадостным, каменным хохотом
Обозначится гибель моя

Роальд Мандельштам

ЧАСТЬ I

КЛИНОК ВОСТРЕБОВАН

аверное, когда-то это был прекрасный и величественный замок. Именно прекрасный и величественный, несмотря на то что выстроили его нечеловеческие руки и, собственно говоря, он даже не мог называться «замком» — укрепленным жилищем сеньора и его семьи.

Здесь до сих пор жили те, чьей расе в незапамятные времена пришлось уступить место в Эвиале человеческому роду. Отгремели две страшные войны: Война Быка и Война Волка — после чего уцелевшие отступили на северо-восток, за полуночные ру-

бежи Синь-И, где, всеми позабытые, продолжали тянуть лямку жизни. Их оставалось немного, однако жили они долго и умирали редко. Магия, которую не смогли отобрать победители, могла бы помочь изгнанникам устроиться гораздо лучше, но они берегли каждое заклинание, словно бедняк последнюю полудюжину золотых монет.

Долгие века в подземельях их замка продолжалась работа, медленная, неторопливая, осторожная. Маги древнего народа отринули незыблемые когда-то правила, пытаясь отыскать пути в области, испокон веков считавшиеся запретными и смертельно опасными.

О нет, они не приносили кровавые жертвы и не творили жуткие обряды, не вызывали демонов тьмы и не пытались обрушить на головы овладевших Эвиалом людей чуму, ураганы, пожары и другие бедствия. На такую мелочь древние не разменивались.

Временами в их работе случались заминки. Иногда — на целые годы. Иногда — даже на десятилетия. Это их не слишком трогало — что такое десять лет для того, кто проживет еще самое меньшее тысячу?

Древние думали, что о них все забыли, даже люди-волшебники, самые страшные враги, чья молодая магия некогда превзошла их утонченное, но слишком уж запутанное чародейское искусство. Но они ошиблись.

Нашелся тот, кому захотелось своими глазами взглянуть на Последнее Прибежище, как звали этот замок (а точнее, его развалины) нынешние хозяева.

Человек был еще молод, однако в длинных черных волосах, заплетенных сзади в причудливую косу, уже проблескивала седина. Узкие глаза с приподнятыми внешними уголками напоминали эльфы, но тонкие губы и нос придавали лицу какое-то странное, пожалуй, даже несколько зловещее выражение. Оружия человек не носил, не было при нем и посоха, непременного атрибута волшебников — хотя в одиночку проде-

лать весь путь от пограничья Синь-И до Последнего Прибежища никто, кроме волшебника, просто бы не смог.

— Добрался, — прошептал он, глядя на странные, склонившиеся друг к другу треугольные башни, увенчанные причудливыми венками изогнутых длинных рогов какого-то давно исчезнувшего чудовища. Стены между башнями превратились в бесформенные груды щебня, сводчатая крыша длинного здания внутри обвалилась, а все подступы густо заросли резко пахнущей пустырницей, получившей свое название как раз за обыкновение укореняться вокруг давно заброшенных жилищ. — Добрался, — повторил человек, не двигаясь с места, словно чего-то ожидая.

Он оказался прав. Немного погодя высокие метелки пустырницы заколебались. Человек усмехнулся:ходить по зарослям обитатели этого места явно не умели. Не умели или разучились прятаться, подкрадываться, наверное, уже не смогли бы и ударить в спину. На долгие века люди оставили их в покое, не трогая жалкую горстку изгоев — и кто знает, не ошиблись ли возгордившиеся победители?

Зеленые заросли раздвинулись, перед человеком появились три фигуры — вытянутые, удлиненные черепа, заостренные сверху, покрытые коричневатой чешуей, желтые глаза, окруженные мягкой бахромой коротких шевелящихся щупалец, безгубые тонкие рты.

Человек улыбнулся и поднял безоружные руки. Пришельцы не шевелились, просто смотрели на него, очень пристально, изучающе. Он не отвел взгляда, давно уже приучившись не бояться подобного.

— Зачем ты пришел? — наконец спросил один из них. Он говорил на языке Синь-И, с сильным акцентом, медленно подбирая даже самые простые слова.

— Я пришел учиться, — ответил человек на том же

языке и тоже с акцентом, правда, легким. Синь-И явно не был его родным.

— Ты — враг, — услышал он. — Мы не учим врагов.

— Я не враг. Присмотритесь получше, — ответил человек, широко разводя руки в стороны, вздохнул поблуже, задержал дыхание и, не мигая, взглянул в желтые глаза.

Он ощущал напор Силы, слишком далекой и слишком чужой, чтобы мгновенно уловить управляющие ею законы. Не пытаясь сопротивляться, раскрыл навстречу ей свой разум — так вежливый гость протягивает хозяину свое оружие, сам стоя в тени вскинутых и готовых для удара мечей.

Кажется, ему удалось их озадачить. Они переглянулись — даже на уродливых, с человеческой точки зрения, масках, заменявших им лица, где не отражалось ничего или почти ничего, — пропустило нечто, похожее на недоумение.

* * *

Он не был засланным прознатчиком. За его плечами не было лукавой школы Ордоса, не было и хитросплетений Волшебного Двора. У него был наставник, колдун-самоучка, бывший наемник, шатавшийся с разными ротами по всему Эвиалу и поднабравшийся приемов и заклятий — и у эльфов, и у людей, и у гномов, и даже у полуудицких гоблинских шаманов. Способного мальчишку он довольно быстро научил всему немногому, что знал сам, — после чего перед переросшим наставника учеником встал вопрос, что делать дальше.

— Иди в мир, — сказал ему бывший наемник. — И вот что я скажу тебе, малец, держись подальше от ордосских магов. Ничему хорошему они тебя не научат.

— А как же ты, дядюшка Эйвери?

— Какой же из меня маг? Так, ковыряюсь потихоньку. А у тебя-то силенки настоящие, не в пример моим. Искать тебе надо того, кто тебя впрямь чему-то дельному научит.

— Но где ж такого найти, дядюшка?

— Не знаю, малыш, не знаю. Знал бы — сам бы помог тебе туда добраться. И думаю я, что иного пути, как в Вольные роты, тебе нет. Ты годами хоть и не вышел, да только в ротах любого, кто хотя бы дым без огня наколдовав сумеет, загребут с руками и ногами, так что потом и не отвертишься. Погоди, я не я буду, если к толковому ротному тебя не пристрою.

Старик Эйвери сдержал свое слово. Всего лишь полгода спустя его малолетка-ученик уже примерил алый бархатный берет «Костоломов Диаза».

Да, его ценили. Не ущемляли в добыче, хотя сам он, понятное дело, в разграблении городов не участвовал. Сперва не участвовал, пока не подрос и не наловчился как следует вертеть мечом. «Костоломы» то мерили тяжелой своей поступью дороги Семиградья, то разбивали шатры на самых подступах к сумрачному Нарну, то жарились на испепеляющем салладорском солнце. Знамена Вольной роты трепал соленый ветер на обрывистых меловых скалах Кинта Дальнего, их рвали острые сучья в джунглях Кинта Ближнего, они стояли под ливнем легких стрел из ядовитого тростника в топких болотах на берегу Южного Океана к востоку от салладорской Стены; врагами роты, случалось, бывали и люди, и нелюди, как-то раз они даже чуть было не взяли приступом тот самый Храм Мечей, о котором в западных пределах ходило столько страшных рассказней, — правда, в последнем случае защитники Храма, не дожидаясь штурма, сами ворвались в лагерь осаждающих и учили там форменную резню.

И он учился. Во всякое время, при любых обстоятельствах. Рота не раз и не два сталкивалась с враждеб-

ной магией — а нет лучшей школы для чародея, нежели открытый бой. Ты или превозможешь заклятье врача — или погибнешь.

Ему удалось выжить. Погибли его враги. С каждым выигранным боем рота смотрела на него со все большим и большим уважением. Ему несли найденные на мертвых амулеты и обереги — разумеется, если они не представляли ценности для нашедшего. Он и сам прихоровился обирать тела — в первую очередь охотясь за магическими артефактами, пусть даже самыми слабыми или непонятными.

А потом ему повезло. Повезло вместе со всей ротой — их наняла сама Святая Инквизиция. Надо было положить конец одной из богомерзких ересей, которой, увы, предались и некоторые из прошедших обучение в Ордосе волшебников. На подавление мятежа разящий кулак матери нашей, Вселенской Церкви Спасителя, отправил своих лучших отцов-экзекуторов, в свою очередь владеющих великим даром святого чародейства.

В битве с обеих сторон сошлись мечи и магия. Но тяжеловооруженная, скованная железной дисциплинной рота раздавила наспех оборуженное крестьянское ополчение, а маги-отступники не смогли помочь своим, будучи связаны по рукам и ногам поединком с инквизиторами.

Там он и нашел свою первую настоящую книгу заклинаний. В горящем с одной стороны доме, рядом с мертвым телом — меч наемника оборвал жизнь чародея, волшебство не устояло перед простой сталью.

После того как все закончилось, отцы-инквизиторы долго и тщательно перетряхивали все уцелевшие строения, сносили в кучу зловещего вида книги в черных кожаных переплетах; а потом предали их огню. Перед строем роты прочитали строгий указ — всякие рукописания, найденные на поле боя альбо в домах,

сдать всенепременно отцам-экзекуторам под страхом казни на медленном огне.

У него дрожали коленки — инквизиторы это вам не обычный враг, за ними стояла сила — быть может, ничуть не меньшая, чем у магов прославленной Академии Высокого Волшебства или загадочного Волшебного Двора. И все-таки книгу он не отдал. И с трудом дождался ночи, чтобы начать читать — у костра, завернувшись в видавшее виды походное одеяло.

Он не знал, что ему достался один из томов Искусства ночной магии — робкой и неуверенной попытки самоучек нашупать дорогу во Тьму. Он не знал, что в лунном свете на желтых страницах из тонковыделанной человечьей кожи ожидают совсем другие письмена, нежели днем. Только много времени спустя он начал догадываться, какой ценой оплачен каждый ее лист, каждая строчка. Да что там строчка, каждая буква в книге, казалось, написана была чистой кровью, хотя на самом деле это было, конечно, не так — кровь использовалась только для главнейших схем и начертаний.

Он погрузился в книгу целиком, с головой, забыв об окружающем мире. Блеклая луна услужливо светила сквозь желтоватые страницы, дрожали и расплывались буквы, внезапно меняя очертания; четкий почерк, сделавший бы честь начальнику Писцовой палаты имперского сената, сменялся каракулями, чеканные буквы эбинского алфавита — рунами северных мореходов с Волчьих островов, а порой и причудливыми эльфийскими завитушками. Он то и дело приходил в отчаяние, натыкаясь на совершенно непонятные фразы, обозначения и схемы.

Там говорилось о Великом Древе и Западной Тьме, источнике силы и свободы. Там говорилось, что настанет день, и с запада придет свежий ветер, которому суждено отрясти листья с ветвей Мирового Ясеня, и

тогда каждый лист — понимай, человек, или, точнее, его бессмертная душа — получит истинную, только во Тьме достижимую свободу.

Он не знал, что основой для этого труда послужили ставшие достоянием отступников отрывки из великих Анналов Тьмы.

Там перечислялись обитатели Ночи, подробно рассказывалось о всех мыслимых видах нечисти, нежити и нелюди, приводились заклинания, обереги, но самое главное — там имелись законы построения новых заклятий. Именно этот, наиболее тщательно оберегаемый секрет Ордоса ренегаты-волшебники предали огласке — и он попал в те руки, которых они ждали так долго и не дождались лишь совсем чуть-чуть.

После этого он уже недолго ходил с «Костоломами». Однажды ночью молодой волшебник просто исчез со всем своим нехитрым скарбом.

А еще через два дня рота попала в засаду и погибла вся, до последнего человека.

Потом было еще много чего. Он исходил Эвиал из конца в конец, побывав даже на Утонувшем Крабе, едва вырвался оттуда и дал себе страшную клятву в один прекрасный день вернуться и стереть этот проклятый остров с лица земли.

Но для этого нужно было знание, нужны были наставники, превосходившие по силам чародеев острова Запекшейся Крови, как он звался на исконном, древнем языке его обитателей.

Старые рукописи, разрозненные намеки, недомолвки и тому подобное, как ни странно, указали дорогу.

На восток, туда, к последней крепости истинно древней магии.

И вот его путь завершался. Нигде в мире он не нашел себе достойного учителя — его последняя надежда

связана была именно с этим местом. Если его не станут учить змееголовые — больше ему идти будет просто некуда.

* * *

— Я не враг, — повторил он, глядя в желтые глаза. И на сей раз в них уже не чувствовалось подозрительности.

— Хорошо, — медленно упали тяжелые слова, и сердце его подпрыгнуло, словно в давным-давно забытом детстве. — Ты пойдешь за нами и будешь послужен. Хотя нет, ты никогда не станешь послушным. Что ж, мы постараемся, чтобы ты ненароком не стер наш замок с лица земли.

* * *

Дни, недели и месяцы под высокими сводами. Они свивались в причудливые спирали, и казалось, будто ты — в раковине громадного моллюска. Здесь не было привычных людям комнат, залов, коридоров и лестниц. Весь замок — система вырастающих один из другого спиральных куполов, пологих пандусов, висящих галерей. Здесь не принято было передвигаться на собственных ногах. Левитация, сиречь парение, — вот единственный достойный мага способ передвижения, говорили ему, земная плоть нечиста, она осквернена любой и похотью, не отринув мира, не позабыв обыденное, ты никогда не проникнешь в тайны истинного волшебства, которое не смогли постичь даже чародеи Ордоса.

— Но вы же проиграли войну, — дерзко возражал он своим наставникам. И неизменно слышал в ответ:

— Война еще не закончена. Конец ей придет, лишь когда на земле не останется либо ни одного человека, либо ни одного дуотта.

— Значит, следует убить и меня? — спрашивал он.

— Зачем? — отвечали ему. — Победить в войне можно и не обязательно силой оружия. Пройдет еще много-много времени, и люди уйдут сами. Например, истребив друг друга в бесчисленных битвах. Так что нам даже не придется никого убивать. Наоборот, нам придется спасать — таких, как ты, потому что с уходом людей не должна исчезнуть их магия.

Откровенность поражала. От него ничего не скрывали. Ему прямо говорили — да, настанет день, и твоя раса погибнет, а мы, выждав и затаившись на время, как и встарь, вновь будем властвовать над Эвиалом. Казалось бы, он должен возмутиться, если не броситься на обидчиков с кулаками, то по крайней мере покинуть это место, добраться до людских пределов, поднять тревогу, объяснить, насколько опасен этот медленно зреющий нарив на теле Эвиала — однако он по-прежнему оставался в Последнем Прибежище и ничего не предпринимал. Потому что слишком уж захватывающие горизонты тайной магии открывались перед ним.

Он узнал, почему его родной мир стал закрытым и что это значит. Он своими глазами видел вискрящееся кристалле приведшие к тому события, и кровь леденела у него в жилах, а дыхание пресекалось — он никогда не думал, что могут происходить на свете такие злодейства. Даже самый отвратительный, бесчеловечный преступник, лишившийся рассудка безумный палач, наслаждающийся мучениями и предсмертными стонами жертв, не додумался бы до такого.

Ему открыли, что Эвиал не одинок в пределах великой совокупности миров, именуемых Упорядоченным, границы которого неведомы никому, даже богам, если, конечно, таковые есть там на самом деле. Потрясенный, он впервые поднялся в астрал и даже выше, увидав отражение того, что его учителя называли Межре-

альностью и куда рожденным в Эвиале путь считался крепко-накрепко закрытым.

За звездным куполом, что словно гигантская крышка, наглухо замкнул пределы Эвиала, он видел мерцание иных миров. Теряя сознание от восторга, он посыпал своего бесплотного двойника вперед, как можно дальше, насколько хватало сил удерживать заклинание.

Да, ради всего этого стоило проделать пешком весь неблизкий путь от Ордоса до Последнего Прибежища.

Медленно, исподволь учителя подводили его и к тому, чтобы повернуть свой взгляд на запад, решиться посмотреть туда, где нет ни людских, ни нелюдских поселений, где безраздельно властвует Тьма, всеобщая, бездонная и непобедимая. Ему осторожно, не торопясь, раскрывали страшные секреты Анналов Тьмы, и он чувствовал, как по вискам и лбу его стекает пот, — книга говорила о неизбежном приходе Темного Мессии и кровавом урагане, что сметет весь мир после его появления.

Ничто в этом мире — ни золото, ни власть, ни утехи плоти не могли сравниться с чувством *постижения* неведомого.

Змееголовые не требовали платы, они учили присельца, казалось, как одного из своих. За исключением единственного — с ним никогда не говорили на их родном языке. Даже книги, которые он читал, специально для него переписывались человеческой речью. И на все его просьбы следовал вежливый, но неизбежный отказ.

Он так же вежливо кивал в ответ, не задавая больше вопросов. В конце концов, каждый имеет право на свои странности.

И вновь времена года сменяли друг друга в вечной, неизменной погоне, за окнами то выла выюга, то неслась сорванные ветром осенние листья, то ярко светило весеннее солнце, то тяжко наваливался летний

зной. Однако обитатели Последнего Прибежища мало обращали внимания на время. В замке ничего не менялось. Ничего не происходило. Что такое «праздник», тут не знали. Здесь вообще не знали ничего, кроме работы.

Мало-помалу человека допускали до все более и более важных ритуалов. Дуотты пытались понять, что же такое Тьма, откуда она взялась сама и откуда, собственно говоря, взялась ее сила.

И он, захваченный этой лихорадкой, подобно своим наставникам, едва не забыл об окружающем мире. В небольшой каморке, где он обосновался, были только голые стены да лежак. Ничего больше. Он не нуждался в уюте и комфорте. Он не нуждался ни в чем, кроме знания.

Однако пришел день, когда и его учителя попросили кое-что взамен.

Была глухая осень, здесь, на дальнем северо-востоке громадного континента, уже вовсю пели победную песнь холодные полуночные ветры. Последнее Прибежище штурмовали неисчислимые полчища незримых воздушных ратей, вытягивая, высасывая тепло из-под спиральных куполов, несмотря на все усилия мастеров-заклинателей погоды.

Но внизу, в подземелье, было тихо. Пахло разогретым металлом, какой-то кислотой, еще чем-то неуловимым, вроде специй. Вокруг царил полумрак, лишь слабо светились голубоватым извины купола над головой.

Разумеется, он не раз бывал здесь. Главный заклинательный зал Последнего Прибежища. Несколько раз ему доверяли участвовать в сложных и тонких магических построениях, требовавших совокупных сил всех чародеев древнего народа. Но обычно подготовка к такому действу начиналась загодя, и он знал обо всем заранее. Сейчас же все происходило как раз наоборот.

Его позвали внезапно, оторвав от чтения манускрипта, посвященного одному из труднейших и тайных разделов тварной магии — некромантии. Он уже давно интересовался ею, справедливо полагая в стихии смерти и разрушения могучий противовес оружию магов, именующих себя «Светлыми»; вивлиофики Последнего Прибежища содержали немало рукописей на эти темы. Сами дуотты уделяли этому не слишком много времени, повинуясь своим неимоверно сложным моральным запретам и установлениям, вникнуть в которые обычный человек, пусть даже и маг, не смог бы даже за десять жизней.

Большинство этих трактатов оказались переводами с другого древнего языка, языка тех, чье имя в буквальном переводе с речи змееголовых означало не то титаны, не то гиганты; утверждалось, что они появились тут чуть ли не одновременно с дуоттами, если вообще не раньше. Но в отличие от змееголовых, относительно быстро расселившихся по берегам теплых морей, основавших царства и империи, титаны обосновались на одном-единственном южном острове, отгородились от мира, где и занялись какими-то своими делами, оставшимися непонятными даже многомудрым дуоттам.

Тем не менее некая часть их трактатов оказалась в руках змееголовых — что означало все-таки не полное отгораживание титанов от мира. Дуотты то ли купили, то ли выменяли труды, посвященные тому, чем они сами не занимались, — магии смерти. После чего древние рукописи множество веков пролежали без движения — змееголовые не нашли им применения даже в черные дни собственного разгрома.

Что потом произошло с означенными титанами, манускрипты повествовали скромно. Вроде бы они сумели найти дорогу прочь из закрытого Эвиала и покинули его, пройдя великим звездным путем куда-то за пределы ведомого мироздания. А чтобы их наследство не

досталось бы никому, они затопили свой остров, так что не осталось ни малейших следов, которые не отыскать, опустись ты даже на дно морское.

Это было интересно, но не больше; у ученика дуотов имелись куда более насущные дела и вопросы, которые следовало разрешить. И которые он разрешал — до того мига, когда за ним пришли посыльные хозяев Последнего Прибежища.

Его ввели в заклинательный зал, и он мимоходом удивился числу собравшихся здесь дуоттов, — вдоль стен выстроились едва ли не все обитатели древнего замка.

Тихо-тихо, на самом пределе слуха, шелестел тысячеголосый хор, повторявший одно-единственное слово на языке дуоттов — человек, естественно, не знал его значения, но отчего-то по спине его пробежала дрожь. Он уже давно не боялся никого и ничего, смело шагал в неизведанные области той же некромантии, заставившие бы трепетать от ужаса любого другого мага; но тут ему впервые за все проведенное в Последнем Прибежище время стало не по себе.

И притом очень сильно.

Он остановился. Еще в далекой юности он научился разумной осторожности, пока шатался по Эвиалу под флагом знаменитых «Костоломов». Никогда не следует соваться в воду, не зная броду, — он в полной мере разделял мнение безвестного автора сей пословицы.

— Что смущает тебя? — проскрипел голос справа.

— Ты устрашился неведомого, человече? — про скрипел голос слева.

— Нельзя колебаться, нельзя колебаться, — подхватили все остальные дуотты, стоявшие вдоль стен.

— Я не понимаю, — начал было он, однако его тотчас прервали.

— Магия крови, человече, магия крови. То, что мы

не можем ни постичь, ни воспроизвести. Это дар только вашей расы, почему — мы не знаем. Но сегодня мы хотим положить конец нашему незнанию, — торжественно-скрипуче провозгласил старый дуотт, выступая ему навстречу: тот самый, что в свое время встретил его, пришедшего проситься в ученики.

Человек на миг напряг мускулы и снова расслабил их. Он не забывал и о честной стали, он не заплыл жиром и не растерял боевого умения, что не раз спасало ему жизнь во время походов Вольной роты; если надо будет, он сумеет прорваться силой. Дуотты почти все стары, они плохо владеют оружием; но сперва надо все-таки понять их намерения.

— Вы хотите принести меня в жертву? — спокойно спросил он.

Дуотты позволили себе тихо рассмеяться.

— О чем ты говоришь, ученик? Желай мы принести тебя в жертву, мы сделали бы это так, что ты ничего бы и не заметил. Трудно ли подмешать сонное зелье в твою пищу или оглушить внезапным ударом из-за угла? Смог бы ты помешать нам? Так что иди вперед и не бойся.

— Я не боюсь, — он сделал шаг, другой, несмотря на не отпускаяшую его тревогу. Что-то было не так. Слова дуотта казались разумными — но, похоже, слишком уж разумными. Слишком уж старались змееголовые убедить его, что никакой опасности нет и в помине. А раз так, значит, опасность есть.

Тем не менее он вышел на середину. Рядом с ним никого не осталось, дуотты все как один прижимались к стенам.

Хор не умолкал, по-прежнему звучало одно-единственное слово, заставляя человека трепетать, внушая ему смутный, невнятный ужас, страх перед неведомым, перед тем, что в принципе невозможно ни описать, ни увидеть.

— Нам нужна твоя кровь, — прозвучало за его спиной. Скрипучий голос дрожал — или это только казалось растревоженному воображению?

— Моя кровь? — эхом откликнулся он, стараясь выиграть время.

— Твоя кровь, — подтвердили за спиной. — Не так много. Разрежь себе руку.

«Как же, — подумал он. — А если придется драться?»

Дуотт возник на мгновение рядом, протягивая темный обсидиановый поднос с коротким кривым ножом — для боя такой бесполезен, годится как раз (и только) вскрывать себе вены.

— Обойдусь, — грубо отрезал человек. — Обойдусь своим.

Из простых кожаных ножен появился его собственный клинок — широкий и длинный, в полный локоть. Таким, если надо, можно биться и против настоящего меча.

— Так все-таки, сколько вам нужно? — он старался говорить буднично и даже равнодушно, но дуоттов не так-то просто обмануть. Если они почувствуют его страх...

Собственно говоря, он не знал, чего же именно страшится, что же такого ужасного произойдет, если дуотты поймут-таки, что он боится. Но закон боя всегда один: враг не должен увидеть твоей слабости. А дуотты были сейчас его врагами, в этом он почему-то не сомневался. Несмотря на все проведенное в Последнем Прибежище время, когда они кормили его и заботились о нем, учили и оберегали. Но не так ли и обычный крестьянин заботится о своей скотине, заботится целый год, чтобы зимой забить на мясо?..

Он аккуратно уколол острием безымянnyй палец на левой руке. Если что — в драке не помешает.

— Пусть твоя кровь коснется пола, — прошелестело за спиной.

Он повиновался.

JK®

Темная капля нехотя оторвалась от кожи, пугающе медленно полетела вниз, светясь все ярче и ярче, разгораясь, полыхая, подобно живущей последние мгновения падающей звезде. Она летела, не замечая земной плоти, гранита, базальта и всего остального, той несокрушимой брони, перед которой бессильны даже кирки подземных гномов. Набирала силу и мощь, превращаясь из слабой крошечной капельки в могучий таран. Так небольшой камешек превращается во всесокрушающий камнепад, увлекая за собой со склона горы своих собратьев. Только в отличие от лавины капля крови ничего за собой не увлекала — просто сама становилась все больше и больше.

Человек зачарованно следил за ней — никогда еще его взорам не открывалось ничего подобного.

За его спиной зашевелились дуотты, он ощутил мгновенное плетение заклятий, сложных, непонятных, — его никогда не учили ничему подобному. Они словно к кому-то обращались, кому-то грозили, к кому-то взвывали. Это было чародейство высшей пробы. Последнее Прибежище щедро вбрасывало Силу куда-то в нутряные земные слои, не грубую позаимствованную у Стихий, что, возможно, проделали бы маги Ордоса, не выклянченную у своего Спасителя, к коей прибегали отцы-инквизиторы, а сотворенную здесь, прямо на месте, возникшую почти что из ничего, из противоположностей, из естественного течения вещей, подобно тому, как любой человек изгоняет холод из своего жилища, разводя огонь в печи.

Вот только понять, какие же именно «древа» горят на сей раз в топке, было невозможно.

Дуотты начали медленный ритуальный танец, отделившись в конце концов от стен. То разбиваясь на пары, то соединяясь в длинные цепочки, они пересекали зал из конца в конец, двигаясь какой-то странной, подпрыгивающей походкой, их руки то моляще при-

жимались к груди, то, напротив, словно бы грозили кому-то невидимым оружием — и каждый жест, каждое движение непостижимым для человека образом оборачивалось Силой, той самой Силой, что гнала ярко пылающую каплю его крови все глубже и глубже под землю — или же, возможно, куда-то через саму Межреальность.

Казалось, от него больше ничего не требуется. Всего-то одна капля крови для какого-то непонятного волшебства его учителей. Никто не обращает на него внимания, никто даже не подходит к нему, все словно бы забыли о нем, так стоит ли беспокоиться, похоже, дуотты и в самом деле сказали правду — им ничего от него не надо.

Вот только какое-то звериное чутье, которым в той или иной степени одарен каждый человек, то наследство, что досталось нам от четвероногих предков, зубами и когтями отвоевывавших свое право на жизнь, — именно это чутье не давало ему успокоиться окончательно.

Волк чувствовал настороженный капкан. И в то же время — вышедшую на охоту свору псов.

— Теперь твоя очередь, — услыхал он вдруг. — Твоя очередь, человече! Ты проникал разумом в суть смерти — пусть эта суть соединится с твоей кровью!

— Зачем? — он едва сумел разлепить губы. Задавать подобные вопросы во время чародейской церемонии означало нарушить все до единого каноны — но сейчас ему было не до канонов.

Свора уверенно взяла его след и сейчас гнала в неизримую ловушку.

— Затем, что мертвое можно одолеть только мертвым! — грянуло в ответ со всех сторон. — Затем, что только нашими силами не преодолеть глубинных препядствий!

«Разве некромантия способна справиться с мертвыми же камнями? — чуть было не сорвалось у него с

языка. — Разве так пробивают дорогу, хотя кто знает, где именно они ее пробивают?..»

Суть смерти не гибель, не распад, не уничтожение, как часто и ошибочно полагают страшасиеся ее люди, а переход, великий переход, новое рождение, обновление через гибель, освобождение из уз, побег из темницы.

Горе и отчаяние склепов, скорбь потерь, безумие надежд на встречу «там, за гранью» — все это он послал вдогонку остановившейся и плавающей в своем Ничто капле собственной крови. И ту Силу, что вызывает плоть умерших ко второй жизни, отвратительной и ужасной, он послал вслед тоже. Быть может, она пробьет барьеры?

«Остановись, что ты делаешь?!» — крикнул он сам себе, но было уже поздно.

Со всех сторон хлынул ликующий гимн. Никогда еще человек не слышал, как дуотты поют на собственном языке, — сегодня они, похоже, пренебрегли обычной осторожностью.

Он остался стоять, потерянно озираясь по сторонам — теперь ошибки не было, все и впрямь о нем забыли, поглощенные небывалым и непонятным ликованием. Змееголовым удалось нечто очень важное — знать бы при этом еще, что именно.

* * *

На следующий день он, как обычно, отправился в вивлиофику. Однако на пороге зала манускриптов его остановили трое дуоттов, те самые, некогда встретившие его перед Последним Прибежищем.

— Тебе не туда, — проскрипели они хором.

Он замер, уже догадавшись обо всем, но еще боясь себе признаться в неизбежном.

— Твое учение кончилось, — сказали ему.

Порыв схватиться за кинжал он, к счастью, пресек

вовремя. Не приходилось сомневаться, что дуотты хорошо подготовились к этой встрече.

— Уходи, — сказали ему.

— Почему? — спросил он — хотелось услышать, что они ему скажут и какую придумают причину — или не станут придумывать никакой?

Они не стали. Наверное, для этого они слишком его презирали.

— Ты исполнил то, что нам было от тебя нужно. Теперь уходи.

Почему они отпускают его? Ведь он наверняка опасен?..

Старый дуотт словно бы угадал его мысли.

— Если ты умрешь от нашей магии, все усилия окажутся напрасными. Поэтому иди. Больше ты здесь не нужен.

Все трое дуоттов разом повернулись к нему спиной и двинулись прочь, в глубь коридора, подозрительно быстро исчезнув во мраке, сомкнувшемся за ними, точно вода.

Больше он никого из этого народа не видел.

В одиночестве он собрал то немногое, что имел. В одиночестве пересек пустой двор. И в одиночестве, не оглядываясь, двинулся прочь от Последнего Прибежища.

Он шагал, криво усмехаясь, у него разом появилось сразу две цели: выжить и понять, что же за колдовство позволила совершить дуоттам его кровь.

* * *

О том, что приключилось с ним в дороге, можно было бы написать длинную сагу. Ему пришлось драться с красными монахами, орденом Охотников за Свободными, он побывал в знаменитом Храме Мечей, где его, единственного чародея за многие века, принимали с почетом; он тонул в болотах крайнего юга, в черной,

кишащей гадами воде и спасся только чудом; он бродил по дикой пустыне, о которую разбивается натиск Полуденного Океана, в занесенных песком городах отыскивая древние рукописи, забытые свитки, частенько сжатые белыми пальцами скелета, пролежавшего в развалинах хранилища незнамо сколько лет; он искал, искал с муравьиным упорством и таким же упрямством, не веря, что тайное знание минувших веков сгинуло навеки.

Он прошел там, где спасовали даже маги Ордоса и Волшебного Двора. Знание некромантии помогло слиться со смертью, стать ее частью — и он поднял сам себя из-за великой грани, когда наконец добрался до оазиса.

Он был рядом с проливом, отделявшим Салладор от Кинта Ближнего. По правую руку вздымались вершины Восточной Стены, по левую — шумел океан, впереди, в дымке, на самом горизонте смутно виднелась земля. Глаз простого морехода не смог бы различить ее, но глаза некроманта давно уже не были глазами обычного смертного. Он забирался все выше и выше по лестнице истинного колдовства, зная, что в один прекрасный день за все это придется заплатить поистине небывалую цену. Однако он должен был понять, что же совершилось тогда, в Последнем Прибежище — без этого он просто не мог жить.

Его заплечный мешок — прочный, из грубой толстой кожи, какую пробьет далеко не всякая стрела, — хранил немало свитков и летописей, найденных им в руинах некогда процветавшей страны сразу за Восточной Стеной Салладора. Не приходилось удивляться, что ни купцы, ни иные прознатчики так и не нашли сюда дороги, и древние могилы стояли нетронутыми — обитатели этого края как раз знали толк в некромантии и сумели поставить у своего последнего порога надежных и вечных стражей — разумеется, бестелесных.

Но что значила эта стража для того, кому случалось

ходить куда более мрачными дорогами? Он прорвался сквозь их призрачные ряды, он вырвал бесценные лепотиси из мертвых рук — и он знал теперь, куда идти и что искать.

Вернее, ему предстояло не идти, а плыть. Плыть довольно далеко на запад, вдоль южных берегов благодатного Арраса — до островов Огненного архипелага. Отлично известные купцам и мореходам, населенные редкими и слабыми племенами, — какие тайны они могли скрывать?

Однако ж, утверждали свитки, скрывали.

Он вздохнул и двинулся к полуобвалившемуся колодцу — наполнить фляги. Предстоял последний, самый трудный переход — через мертвые, прокаленные солнцем горы. Пустыня все же таила в себе оазисы, и странник даже в одиночку мог преодолеть ее; горы были совершенно безжизненны, но иного пути к порту он не знал.

* * *

— Здесь, господин хороший, — сказал ему шкипер, немолодой уже краснолицый моряк с коротко стриженной седой бородой. — Не знаю, зачем вам потребовалось на этот остров, но скажу в последний раз — оттуда никто не возвращается, и вам туда соваться нечего. Добра ведь вам только желаю, — торопливо прибавил он, видя сдвинутые брови волшебника.

— Спасибо, капитан, — чародей несколько раз кивнул. — Спасибо, что беспокоитесь обо мне. Но, увы, есть вещи поважнее наших жизней. Прикажите дать мне лодку, я доберусь сам. Начинается прилив, надо торопиться.

— Ну, как знаете, — буркнул шкипер и отошел давать распоряжения.

Некромант вздохнул. Путь до заветного острова оказался долг и труден, немало судов плавало из Сал-

ладора к Огненному архипелагу, но ни одно почему-то не останавливалось возле нужного ему места. Среди мореходов бытовало немало легенд об ужасе, живущем здесь, — и волшебник очень сильно подозревал, что расторопные маги Ордоса, у которых эта диковина находилась, считай, под боком, уже побывали тут. А тогда — прощай, надежда что-то узнать!

Ему оставалось только надеяться на удачу.

Остров возвышался из морских вод громадным усеченным конусом, над срезанной верхушкой курился темный дым. Пальмы теснились вдоль полосы прибоя, выше начинался голый черный камень.

Чародей выбрался на песок. Да, ошибки быть не могло. Он чувствовал Силу великую и равнодушную. И не удивительно, что он, похоже, первым из волшебников отыскал сюда путь — другие просто не почувствовали бы это, настолько странна и чужда обычному колдовству Эвиала была эта магия.

Он поднял голову, окидывая взглядом мертвый склон, покрытый застывшими потоками огненной земной крови. Трудновато будет туда забраться, но ничего не поделаешь, другой дороги нет и не будет.

А о том, что ждет его за острым краем кратера, оставалось только гадать. Конечно, если рукописи, найденные им в пустыне, не лгут.

* * *

Рукописи не лгали.

Человек стоял над окружной каменной чашей, заполненной кипящей человеческой кровью. Вокруг вздымались полуобрушенные стены зала дворца, возведенного в забытые времена чародеями забытого ныне народа. Он долго, очень долго искал это место — скрытое в кратере не погасшего, но давно уже не извергавшегося в полную силу вулкана на крошечном островке Огненного архипелага, спинном хребте ушед-

шего на дно морское большого древнего острова, где некогда процветали науки и искусства, и прежде всего, конечно же, искусства магические. Еще и в помине не было знаменитой ныне ордосской Академии Высокого Волшебства, еще не заложили ни одного камня в фундамент того, что позже стало именоваться Волшебным Двором, дикие племена еще только-только постигали огонь, бродя по пределам того, что ныне стало Семиградьем, Эгестом, Мекампом, Аркином, Салладором или Империей Эбин, а здесь уже высились города и храмы ныне забытых и ушедших во Тьму богов, здесь творились великие заклятия; конечно, большую их часть маги нынешние смогли бы и повторить и отразить, если потребуется; но кое-какие шедевры, например вроде той чаши, над которой он склонялся ныне, не смог бы воссоздать даже Белый Совет в полном составе.

Предсказания, пророчества. Люди верят им куда больше, чем эти слова того заслуживают. В отличие от всех предсказателей и прорицателей эта чаша не оставляла места ни для сомнений, ни для колебаний.

Зверь родился. Звезды сошлись-таки на небосводе в злой для Эвиала час. И он, именно он, нес за это ответственность.

Плечи человека поникли, он сгорбился, словно под неподъемной тяжестью.

Теперь он знал все.

Титаны были истинными титанами. Они уничтожили свой собственный дом, но их сила обернулась против них же — часть их наследства уцелела. В том числе и это.

Едва увидев одинокую каменную чашу посреди полуобрушенного зала, он понял, что его странствие закончено. Он нашел то, что искал.

И очень скоро он узнал и ответ.

Он проследил путь собственного заклинания, проложенный его пролившейся кровью, увидел, куда ушли

громадные силы, вложенные дуоттами в их странное колдовство. Чаша, по сути, была зеркалом, позволявшим отследить чуть ли не любое сотворенное в пределах Эвиала заклинание — причем сотворенное неважно когда.

Но, разумеется, чтобы добраться до заклятий первичных, исходных, требовалась куда большая сила, чем у него.

Теперь он видел — видел каплю своей крови, погружающуюся в земную плоть, и видел то существо, которое эта кровь частично пробудила, частично сотворила, вложив в него человеческие ярость и ненасытность. Магия смерти сделала существо гибельным оружием, а то, что кровь была человеческой — породило у него неутолимый вечный голод, утолить который на время могла только она же, чистая и алая человеческая кровь.

Он схватился за голову, закричал, не слыша собственного крика.

Как разумно! Как ловко! И даже бросься он сейчас в огненное жерло — Зверя это не остановит. И никакие маги с чародеями ничего с ним не сделают — дуотты старались не зря. Много лет провели они в изгнании, постигая тайны враждебного им колдовства, — и в конце концов достигли успеха.

Кровь медленно переставала кипеть, отдав все силы, ей предстояло теперь превратиться в прозрачный темно-алый камень. Чародей заметил еще несколько таких же вокруг — иные целы, иные расколоты на части.

Не медля больше ни минуты, он двинулся прочь — сквозь густые заросли внутри кратера вскарабкался по отвесному гладкому склону, и вниз, вниз, вниз, туда, где его ждала лодка.

Теперь он знал, в чем состоит его долг. Не дело, а именно долг, какой редко выпадает в жизни человеку.

ЧАСТЬ II

КЛИНОК ВЫКОВЫВАЕТСЯ

О ярмарке он ходил долго, не пропустив ни одного ряда. Примеривался, присматривался, приценивался, иногда покупал для вида какую-нибудь мелочь. По-настоящему он ни в чем не нуждался, вещи его не интересовали. То, что ему действительно было нужно, не продавалось ни на одном из всех рынков Эвиала, не исключая и запретного для прочих рас Торжища эльфов в самом сердце Зачарованного леса.

Людской мир тек сквозь него, словно быстрая вода в потоке. Мириады мыслей, страстей, желаний, стремлений сталкивались над ним и вокруг него, высокие и низкие, благородные и не очень (вторых, конечно же, оказывалось неизменно больше), зависть, любовь, страх, ненависть, голод, алчность, вожделение и все прочее, чем богаты любые скопления двуногих разумных (или почитающих себя таковыми) существ. Он пропускал все это мимо себя, не замечая или, по крайней мере, стараясь не замечать.

Единожды вошедшему в истинную, великую и вечную Тьму нет больше дела до этого кипучего людского муравейника. Его дела и заботы — за гранью понимания толпы, и с этим ничего не поделаешь. Нет, он не испытывает презрения к своим собратьям, так же, как и он, вышедшим из материнских утроб, вовсе нет, ему просто открывается совершенно иной мир, по сравне-

нию с которым сам Эвиал — лишь бледная декорация в нищем странствующем театре.

Но сейчас ему волей-неволей приходилось заниматься как раз людскими делами, хотя цели он при этом преследовал свои, и только свои. Иначе нельзя. Начинающий помогать всем и каждому волшебник неминуемо истирается, истаивает, растрачивая свою силу по пустякам. А когда он исчерпает себя, если он Светлый, то его ждет преждевременное расставание с посохом и тихая смерть в ордосском доме для престарелых чародеев; ну а если он Темный — то он просто долго не протянет. Хотя Темных и так уже почти не осталось. Может, бродят еще где-то по миру с десяток-полтора его собратьев по Силе.

А не протянет он долго потому, что Инквизиция не дремлет, что после ухода великого Салладорца церковники никак не могут успокоиться, хватают всех хоть сколько-нибудь подозрительных — и порой среди сотен невинных попадется-таки или настоящая ведьма, или начинающий малефик. Но притом, если ты попался в руки Инквизиции, считай, что тебе еще повезло. В конце концов, произнесешь формальные, ничего не значащие слова отречения, примешь причастие, покашься — и умрешь безболезненно и быстро. А вот если угодишь в лапы пресловутого Белого Совета...

Он заметил притаившегося под ярмарочным помостом вампира, из малых, совсем еще молодых, не успевших даже отрастить настоящие клыки. Такой вампир может справиться разве что с ребенком, которого он наверняка тут и подстерегал. Правда, вампир был один, что странно — обычно такие молодые охотятся в паре со старшими упырями, опытными и бывальными, кто может не допустить трансформации жертвы в еще одного вампира. Потому что случись такое — Инквизиция перевернет вверх дном весь город, и горе тогда

всем, кто привык лакомиться алой влагой из человеческих вен!

Но как бы ни был он слаб и ничтожен, он уже испытал ту неодолимую жажду, которая раз и навсегда отделяет упыря от человека и после которой уже нет возврата. Она врезается в сознание, навеки калеча несчастное существо. Любой нормальный волшебник, конечно же, остановился бы, самое меньшее — отвесил бы упырюку знатную оплеуху, потому что не дело это — устраивать засады на торжищах, и уж последнее дело — охотиться на детей. Настоящий же Белый чародей не просто бы остановился, а скрутил бы супостата по рукам и ногам, после чего кровопийца прямиком угодил бы в казематы Святой Инквизиции, где узнал бы, почем фунт лиха. Ну а напоследок истинно Светлый волшебник не преминул бы прийти на площадь, где совершилась бы казнь означенного вампиреныша, — вязаночку там хвороста в костер подбросить или еще чем заплечных дел мастеру пособить.

Он же прошел мимо.

Вампир заметил его слишком поздно, впрочем, даже заметь он его заранее, это ничего бы не изменило — деваться упырь никуда не мог, он выбрал на редкость неудачно место для засады, без запасного пути отхода, и по всем правилам магической игры мог считаться обреченным. Все, что ему оставалось делать, — это прижать уши от ужаса.

Ведь как бы там ни было, вампиры тоже хотят жить.

Не приходилось сомневаться, кровососу уже мерещились пыточные камеры и неизбежный, последний костер на площади — однако неведомый маг совершенно жуткого вида, отвернувшись, равнодушно прошел мимо. Вампир знал, что волшебник видел его как на ладони и чародею достаточно было пошевелить пальцем, чтобы...

Однако он не пошевелил. Значит, так надо было.

Упырь облегченно вздохнул, стер проступивший на лбу и скулах обильный пот, серый и едкий, как и у всего вампирьего племени. Волшебник мог его убить — но прошел мимо. Упырь понял это так, что на сегодня ему позволено если не все, то, во всяком случае, многое.

Серые щеки и заострившиеся уши вампира люди, конечно, не видели. Им он казался щупловатым, болезненного вида пареньком, невесть почему забившимся под торговый помост вблизи от рядов, где торговали сладостями.

И теперь упыреныш уже намечал себе жертву: хорошенькую черноволосую девчушку лет семи, что как раз тянула мать за руку к сладкарным рядам.

* * *

Он успел добраться до рынка рабов, пока наконец не увидел того, что искал.

Женщина была молодой, но крепкой, не толстой, лишь в меру широкобедной, со славным и простоватым лицом, но зато в роскошном выходном платье, донельзя дорогом, где по зеленому шелку искрились настоящие самоцветы вперемежку с крупцами самородного золота, сливавшиеся у ворота в настоящий блистающий панцирь. На пальце блеснуло кольцо — никакого там серебра, положенного незамужним девицам, или даже золота, позволительного матронам, — настоящая чистая платина, явно из алхимического тигля, и настоящий, чистый ауралит, сиречь Камень магов, в вычурной и массивной оправе. Несколько драгоценных мгновений он потерял — рискуя, вглядываясь в нее куда пристальнее, чем следовало бы, — да, ошибки нет, все правильно, девушка и впрямь заслужила право носить на пальце кольцо чародейки. В ней дремали немалые силы, правда, дремали они где-то в глубине ее существа, так что ничего странного, что местные провинциальные маги из богатого, торгового, да —

вот беда! — никогда не отличавшегося изобилием талантливых чародеев города так и не смогли докопаться до истины, пробудить, сделать настоящей волшебницей.

Хотя... было в ней и что-то еще, что насторожило волшебника. Конечно, дар редкий... и силы немалые... но читался, отчетливо читался в самой дальней дали ее астральной тени неумолимый Знак Разрушения, символ гибели и разора, символ, которому истинно радеющий о деле света чародей никогда не даст дорогу.

К счастью, он сам об этом никогда особенно не радел.

Он колебался только краткое мгновение. То, что нужно, это женщина сделает... а Знак Разрушения скрее всего так и останется туманной тенью.

Быть может, со временем кто-то из Белого Совета и подобрал бы к ней ключик, попадись она случайно на глаза, например, той же Мегане, хозяйке Волшебного Двора, упрятал бы зловещий Знак подальше, запер бы его на сотни засовов и замков — и тогда девушка по праву заняла бы высокое положение среди чародеев Востока, — но это лишь в том случае, если бы он оставил все идти так, как оно идет.

Правда, именно этого он и не собирался допустить ни в коем случае.

Разгадка ее силы оказалась несложной — рядом с девушкой чинно шествовал пожилой дородный мужчина, словно знамя неся на лице выражение собственной значительности. Долгополый кафтан из золотой парчи, с небрежно рассыпанными по нему тут и там рубинами стоил целое состояние — наверное, не меньше, чем нашлось бы товаров на всей этой ярмарке. Он слегка опирался на посох — длинный, покрытый вычурной резьбой и камнями, самосветящимися даже сейчас, под яркими солнечными лучами.

Отец девушки. Окончил ордосскую Академию Вы-

сокого Волшебства. Не в первых рядах, но и далеко не в последних. Обычная человеческая душонка, обремененная некоей долей похоти, жадности, страсти к удовольствиям и власти (небольшой, как раз по чину), да еще, как водится, — страхом смерти. Потенциально способен на многое, но растратил почти весь свой талант на мелкие повседневные чародейства вроде вызывания дождя. Было ли это виной или бедой немолодого волшебника, уже не важно. В открытом бою старай не продержится и минуты. Серьезно помешать он не сможет, но вот потратить на него время, если события начнут разворачиваться не по плану, придется — и это сейчас, когда каждая секунда на счету! Начав осуществлять свой план, он, по сути, отрезал себе все иные пути — день, потраченный на поиски, уже не наверсташь. Остается только встретить судьбу лицом к лицу и дать бой.

Размышлял он недолго. Убить отца девушки нельзя, значит, остается одно — действовать настолько быстро, чтобы он не успел вмешаться.

За спиной раздалось деликатное покашливание. Он обернулся, не торопясь, зная, что опасности нет — ее бы он почувствовал за тысячу шагов, не меньше.

Перед ним стоял давешний вампиреныш, упырь, которому он подарил жизнь. Стоял, смущенно переминаясь с ноги на ногу и не зная, куда девать руки. Глаза его сыто поблескивали — верно, уже насосался крови, — но при этом в них невесть почему читался и не-прикрытый страх. Не перед грозным волшебником, перед совсем иным.

— Что с ней? — отрывисто спросил он упыря. — Что с девочкой?

— Н-ничего, о высокочтимый и могущественный, я отпил совсем немного, а то помирал совсем с голодухи, достовеликий, спасибо, что не выдали меня, сирого, — выпалил упырь одним духом.

— Ты понимаешь, что она теперь может стать вампиром? Если на нее наткнется кто-то из вампиров настоящих, — последнее слово он произнес с нажимом, так что упыренок вздрогнул, — почувствует твой укус, возьмется за трансформу. Тебе мало Инквизиции? Хочешь, чтобы здесь собрался бы весь Белый Совет с Волшебным Двором в придачу? Ты забыл, что должен был или прикончить ее, или привести с собой кого-то из набольших, чтобы не допустить перерождения?

— Не забыл, — горестно вздохнул упыренок. — Не забыл, о великий мастер. Потому и вас нагнал. Нельзя ли...

— Поправить это дело? — губы сами скривились в желчную усмешку. — Делать мне больше нечего — за тобой прибираться.

— Я отслужу, — торопливо сказал упырек. — Вы же сами знаете, мастер, что будет, если мои об этом предведают.

— Толку мне с твоей службы, — он повернулся к вампиру спиной.

— О великий! — истощно завопил вампиреныш, падая на колени. — Не погубите! Спасите! Век рабом вашим буду!

— Век рабом, говоришь? — кажется, из этого и впрямь можно будет извлечь пользу. — Ну ладно, тогда пошли. Клятву я с тебя брать не буду, успеется. От меня все равно не убежишь.

Понимая всю справедливость этих слов, упыренок обреченно кивнул.

Разумеется, люди вокруг не слышали ни единого слова из этого разговора.

* * *

Дальше они шли уже вдвоем. Молодой вампиреныш вел себятише воды, ниже травы, держался на шаг позади новообретенного хозяина и не осмеливался нарушать его мудрые раздумья своей пустой болтовней.

Заполучив в помощники этого упырька, теперь можно было потратить немного времени и на его жертву — тем более что выигрыш, если все правильно рас считать и, когда нужно, ввести вампира в игру, все равно получался большой.

Потерять девушку в толпе он, раз увидев, уже не боялся. Конечно, ее отец-маг вечером мог обнаружить небрежно закрепленное заклинание, но до вечера весь план так и так будет выполнен, и дела свои в этом несчастном городке он закончит.

Едва ли еще в этой жизни ему придется побывать здесь.

Девочку они нашли быстро — в палатке ярмарочного лекаря. Вокруг волновалась небольшая толпа, и, что самое плохое, в ней уже виднелись коричневые монашьи рясы.

Вампиренок за спиной затрясся мелкой дрожью. Кажется, он только сейчас начал по настоящему понимать, что натворил.

Разумеется, прикасаться к девочке или даже входить в палатку не было никакой нужды. Вампиренок слишком спешил, голод мучил его слишком сильно, он не прокусил шею жертвы, а почти что разорвал ее — и оставил в ране слишком много вампирьего яда. Яда, который не выжечь даже каленым железом.

Он вздохнул. Оставалось только надеяться, что коричневые рясы не успели привести сюда никого с дипломом ордосского факультета Святой магии.

Встрихнул пальцы, хрустнул суставами, полуприкрыл глаза и начал работать.

Вампиреныш за спиной, похоже, даже дышать перестал.

* * *

— С твоего племени мне причитается, — проворчал он, когда они шли прочь от палатки. Лекарю удалось остановить кровь, девочка пришла в себя, и священник

уже успокаивал мать, говоря, что рана чистая, опасности заражения нет и малышке ничто не угрожает.

— Попотеть пришлось изрядно, у тебя что, все зубы в разные стороны торчат? Как ты ее исхитрился так изуродовать?.. Хорошо еще, что она у тебя на руках не умерла. Тогда бы тебя даже учитель церковно-приходской школы выследил. Чего выпятил зенки, корова кровососущая? Не знаешь, что, когда жертва умирает, пока вампир еще не насытился, ее тень начинает неотступно преследовать убийцу и никакая ваша магия не поможет? И что эту тень увидит любой, владеющий хотя бы азами магии Спасителя?

Из горла упырька вырвался сдавленный хрип.

— Смотри-ка, похоже, это имя и впрямь на вашего брата неважно действует, — удивился волшебник. — Век живи, век учись, как говорится...

Они покинули ярмарку и теперь окольными путями пробирались к центру города. Мало-помалу вечерело, на юге вообще темнеет рано. Кое-где появились уже первые фонарщики.

— Будешь делать только то, что я тебе сказал, — глядя прямо в расширенные от страха вампиры глаза, сказал он. — Ослушаешься — пряником к святым отцам отправлю. Ваш брат меня знает.

Упырь торопливо закивал:

— Не извольте беспокоиться, мастер, все сделаю, как говорено, ни на йоту не отступлю, пусть даже луна на землю падать начнет.

— Вот и хорошо, — кивнул волшебник. — Сворачиваем, нам сюда.

В сгущающемся мраке они быстро шли неприметной грязной уличкой, кривой и узкой, где, похоже, кроме мусорщика со своей тележкой, вообще никто не бывал. Улица вывела их на другую, широкую и мощную, с дорогими лавками и аккуратными гостиницами по обе стороны. Здесь ходила ночная стража, здесь

можно было встретить и нанятого городом чародея, чьей обязанностью было следить, чтобы Ночной Народ не слишком безобразничал на улицах.

Сейчас этой улицей шла его добыча.

Та самая девушка в зеленом платье, в сопровождении отца и нескольких слуг с факелами.

— Ты понял, что надо сделать? — в последний раз спросил он вампира.

— Конечно, мастер, — не без гордости ответил упырь.

— Тогда иди.

— Иду, мастер.

Упырь растворился в сумерках — только один шаг, и его уже нет. Серое пятно, просверлившее темноту, заметное только для глаза того, кому не впервые ходить по темным дорогам — дорогам, где нет и не может быть фонарей.

Ибо мертвым они не нужны.

Он запахнулся в плащ. Время еще оставалось, звезды и планеты как раз сходились в одно-единственное сочетание, которое только и годилось для его замысла. Хорошо, что ему встретился этот вампир. Упростит дело, хотя... Впрочем, после того что он совершил в эту и ряд последующих ночей, станут неважны никакие «хотя».

Смутные пятна факелов приближались. Ну что ж, актеры на местах, декорации расставлены, разве что добавить пару-тройку завершающих штрихов.

Мрак вокруг него стал еще гуще, свет факелов исцивал бессильно и бесцельно, улица казалась теперь узким ущельем, пробитым призраками в неприступных скалах темноты. Дома исчезли, вместо них высились угрюмые громады скалящихся исполинских лиц — словно закопанные по плечи в землю каменные великаны со всей нерастряченной злобой щерились окрест.

Да, сцену ему удалось подготовить на славу.

Трепещущие огоньки факелов приближались. Упирю пора бы и появиться.

В следующий миг из ниши, там, где мрак был совершенно непроглядным, возникла жуткого вида фигура. Какой там младший вампир! — чуть ли не сам великий Основатель этого странного рода представал глазам волшебника! Алый плащ разевался, подобно паре громадных крыл, вокруг лица и рук расползалось холодное серое свечение, не рассеивающее мрак, а, наоборот, словно б сгущавшее его еще больше; из-под верхней губы тянулись вниз настоящие, тонкие, словно иглы, клыки; глаза полыхали зеленым.

Чародей увидел оцепеневшую от ужаса жалкую кучку людей, а затем слуги с воплями ринулись кто куда, на бегу швыряя факелы. Самые разумные, они первыми поняли, что происходит.

Девушка же, похоже, просто окаменела от страха, у нее словно бы отнялись ноги — отец ее засуетился было рядом, но миг спустя, поняв, что бежать бессмысленно, заслонил ее собой, высоко поднимая свой роскошный, но, увы, сейчас почти что бесполезный посох. Бесполезный, разумеется, потому, что противостоял провинциальному волшебнику отнюдь не вампир, пусть даже самый могущественный из всех ныне живущих.

Что-то слегка сверкнуло, слегка полыхнуло — мрак вокруг набегающего вампира сгустился плотным щитом, алый плащ обернулся вокруг тела, словно латы, — жалкое подобие молнии бессильно ушло в землю, не причинив никакого вреда.

Только ему, наблюдавшему всю сцену со стороны, пришлось посильнее сжать зубы, чтобы не застонать от боли, — противник оказался отнюдь не слабаком, и, чтобы заставить его выглядеть таковым, пришлосьпустить в ход едва ли не все, на что он был способен.

Вампир захочтал — замогильным жутким смехом, именно так, как и положено хохотать упырю из сказок,

неизменно побеждаемому добрым чародеем, в последний миг приходящим на выручку беспомощной жертве.

Вот только они, увы, находились отнюдь не в сказочном мире.

Вампир взмахнул сухощавой рукой; мелькнули длинные когти, и посох полетел в одну сторону, а пожилой волшебник — в другую. Вновь захочтав, упырь склонился над так и севшей на землю девушкой.

Пора было вступать в игру.

Сбитый наземь чародей между тем с неожиданной для него ревностью сумел вскочить на ноги, бросился на вампира сбоку, мелькнул короткий взблеск серебряного клинка, распоровшего алый плащ и скользнувшего по ребрам кровососа.

Создатель всего этого плана едва устоял, принимая на себя внезапную вспышку нестерпимой режущей боли. Да, если такое ощущают вампиры, когда их касается серебро, изначально зачарованный против них металл, — им не позавидуешь.

Но сейчас другой заслонил упыря своей силой, и оставленная магическим оружием рана оказалась самой обычной, даже серой крови выпекло совсем немного — плащ мгновенно прилип к телу, останавливая ее истечение.

Вампир отшвырнул от себя старого чародея, однако тот успел ударить вторично. Упырь вновь не сумел защититься — оно и понятно, заклятие изменило его облик, но не смогло даровать истинного умения высших, настоящих вампиров.

Сознание прояснялось, боль отступала. Все-таки он не был вампиром, хотя сейчас ему приходилось играть его роль. План явно начинал трещать по швам, следовало торопиться.

Он возник перед насмерть испуганной девушкой, точно демон из преисподней. Вокруг него вилось и

плясало пламя, рука заносила над головой кривую саблю, выкованную из сгустков черного огня, глаза метали молнии. Это была сама смерть, это было нечто хуже смерти, страшнее даже упыря-кровососа, страшнее всего, что она только могла себе представить, — а ведь ничто не страшит сильнее непредставимого. Страх силен и могущественен, пока это скрип половиц за нашей спиной, отблеск лунного луча в запыленном зеркале, движение тени, схваченное уголком нашего глаза; если же ты нашел в себе силы повернуться к ужасу лицом — он потеряет половину своей мощи.

Девушка не смогла. Она даже не закрыла лицо руками. Глаза ее, широко раскрытые, не мигая, смотрели на волшебника. И он чувствовал, как то, что не смогли заметить и разбудить все здешние чародеи, то, что могло бы стать ее гордостью и призванием, — медленно ожило и стало пробуждаться к жизни.

Именно на это он и рассчитывал.

Теперь у него оставалось совсем мало времени. Когда эта несчастная осознает свою силу, она разнесет вдребезги полгорода — и хорошо еще, если только половину.

Клинок в его руке взлетел и рухнул, разрубая пышные юбки. Он опрокинул девушку на спину, резко и грубо растолкнул в стороны судорожно сжавшиеся в последний миг колени. И — вошел в нее.

Рядом катались сцепившиеся насмерть упырь и отец девушки, старый волшебник явно начинал брать верх, но это уже было неважно.

Он вжал себя в нее, вжал до предела, впечатывая не только свою плоть, но и свою память, свою душу, свое могущество. Он заскрежетал зубами от боли, когда ее потайное естество, окончательно сбрасывая оковы, рванулось ему наперерез — это было словно стремительное чирканье бритвы, оставляющее за собой полосу кровоточащего разреза.

И все-таки он успел.

— У тебя будет сын, — прохрипел он прямо в ее лицо, уже искаженное от подступающего безумия. — У тебя будет сын, мой сын. И тогда...

Впрочем, что будет тогда, эта несчастная, конечно же, не знает.

Она уже билась в корчах, теряя сознание не от причиненной им боли или страха — от того, что в ней сейчас пробуждалась ее собственная сила, не замеченная никем в этом городишке или же никому не поддавшаяся.

Дело было сделано. Теперь оставалось только уйти.

Удар — самый вульгарный удар тяжелым кастетом, — и отец несчастной рухнул подле нее бездыханным. С ним ничего не случится, он оправится — но нельзя же было позволить, чтобы он убил этого вампира-реныша, будь он неладен!

— Уходим! — бросил колдун упырю. — Уходим быстро!

— А-а вы возьмете меня с собой, мастер? — жалобно пролепетал упырек. — А то я, то есть я хотел...

— Заткнись и держи меня за руку. Конечно, я возьму тебя с собой. Куда ж я теперь тебя дену, такого убогого...

* * *

Минуло девять месяцев.

Волшебник и его слуга-вампир стояли под странным небом темно-зеленого цвета, по которому стремительно, точно детские мячики, катились сразу два солнца — как будто играя в диковинные догонялки. За спиной вздыбливались черные как смоль горы — над тупорылыми вершинами курился дым, плотный и едкий, выпадавшая на землю черная пыль забивала горло, так что едва можно было дышать.

И хозяин, и слуга выглядели не лучшим образом. Одежда истрепалась и по большей части обратилась в

самые что ни на есть отвратные лохмотья, перепачканые невесть чем, от которых с презрением бы отвернулся даже самый последний побиушка Княж-города. Оба держали в руках оружие: вампир длинную тонкую саблю явно эльфийской работы; рукоять, чтобы не жгла его мертвую плоть, он обернул полосами сырой мятной кожи. Волшебник закинул на плечо нечто вроде короткой алебарды, усеянной жуткого вида остриями, лезвиями и крюками. Лезвия были иззубрены, крюки и наконечники покрыты странного вида бурыми пятнами с тонкими темно-зелеными разводами.

— Мы должны были вернуться сегодня, мастер, — позволил себе осторожно заметить вампир.

— Сам знаю, — буркнул волшебник.

— Им удастся ускользнуть.

— И зачем, хотел бы я знать, ты мне это говоришь? — Чародей по-прежнему смотрел вдаль, на усеянную дымящимися гейзерами равнину, на которой медленно двигалось нечто живое — громадное, уродливое и очень, очень, очень опасное.

— Ни за чем, мастер, ни за чем, просто так, прошу простить великодушно, — тут же зачастил вампир. — Просто вы говорили...

— Ну да, говорил, — нехотя бросил волшебник. — Да, они ускользнут. Вместе с ребенком. Вместе с моим сыном. И мне потом придется их искать долго, очень долго. Хотелось бы успеть, прежде чем...

Но тут существо на равнине наконец решило, что пора положить конец тягостной неопределенности, и под двумя солнцами воцарился форменный ад.

Не так-то легко победить Зверя, созданного при помощи твоей собственной крови. Даже имея за спиной тех могущественных союзников, которых удалось заполучить некроманту.

Союзников заполучить удалось, но цена оказалась поистине невероятной.

* * *

Прошло сколько-то лет Эвиала.

Пятиречье — места тихие и красивые. Глухомань, конечно, до Княж-города полные три недели конного ходу, но зато — благолепие. В трех днях пути на закат высятся неприступные зеленые стены Зачарованного леса, на юге о нем говорят со страхом, но сюда эльфы никогда не заглядывали — может быть, потому, что жившему тут народу хватало своих чащоб, что тянулись на восток, покуда было сил идти, и никто еще так и не смог дойти до края.

С заката на восход через эти края тянулась большая дорога, когда-то именно по ней шли в обе стороны торговые караваны; ныне же, после того как прадед нынешнего князя при помощи магов Волшебного Двора очистил от разбойной нечисти южные, куда более короткие пути, купцов стало гораздо меньше. Впрочем, совсем они не исчезли — многим по-прежнему удобнее было пользоваться северной дорогой, потому что восток велик, и иным, несмотря ни на что, ближе оказалось ходить все-таки ведущим через Пятиречье трактом.

В этих местах издревле жил народ крепкий, незлобивый и не слишком-то стремящийся к странствиям. Прибыль с купцов имели далеко не все, те, кто ее лишился много лет назад, давно покинули этот край, а оставшимся вполне хватало тех караванов, что по-прежнему хаживали этой дорогой. Простые же пахари, лесорубы, углежоги, рыбаки и иные добытчики, живущие не торговлей, а трудом собственных рук, считали, что все повернулось к лучшему — княжьи мытари сюда заглядывали редко, куда выгоднее было взыскивать недоимки на юге, а сюда, к горам, людей гонять, так больше на их прокорм уйдет, чем они денег назад привезут.

От холодных зимних ветров Пятиречье закрывали высокие Зубы горы — кто и почему прозвал их так, теперь было уж и не дознаться. Южные их склоны, пологие и лесистые, с которых текло множество быстрых речек и речушек, в изобилии снабжали Пятиречье дичью и рыбой. Встречались рудные жилы и выходы, кое-где прободенные старыми гномыми выработками — Подгорное Племя давно ушло из этих мест, проиграв некогда войну заносчивым царственным эльфам из Зачарованного леса. Отдельные семьи, впрочем, так и остались, не в силах, наверное, расстаться с насыженными местами. Нового царства они, само собой, создать не могли, селились в отдалении, мирно уживаясь с иными обитателями Пятиречья и вставая с ними плечом к плечу в случае опасности.

А тревоги и беды здесь, само собой, встречались. За горами, в глухой тайге, жили племена диких лесных гоблинов, порой тревожащих своими набегами людские поселения к югу от главного хребта; случалось, заявлялись разбойнички, с запада ли, с востока — в поисках легкой добычи. Самая же главная опасность таялась на юго-востоке: там, в необжитых краях между северным и южным трактами, обитали свирепые поури, расселившиеся длинной прерывистой дугой в сотни лиг на полдень от Зачарованного леса. С воинственными и ловкими в бою карликами не смогли справиться и отборные княжеские дружины; впрочем, со временем даже с поури удалось найти общий язык — и теперь до больших войн дело доходило редко, обходились переговорами, откупами. Случалось, Княж-город даже принимал отряды поури, когда с дальнего востока накатывались армии Синь-И.

Вообще же карлки слыли врагом настоящим, беспощадным и умелым. Они не ловились на воинские хитрости, к примеру, их невозможно было выманить из

крепкого места ложным отступлением, они с равным успехом сражались в строю и поодиночке, в лесу и в поле, на стенах крепостей, их защищая, или же под стенами крепостей, штурмую оные. Поражений они не признавали, в бегство не обращались, и победить их можно было, только перебив всех до единого. Бывалые дружинники говорили, что, появись у поури толковый вожак, — они играючи вышибли бы из этих земель всех — и людей, и гномов, и гоблинов, а может быть, не поздоровилось бы даже и самим обитателям Зачарованного леса.

И потому Княж-город, несмотря на отчаянную нужду в войсках на южных и юго-восточных рубежах, все же не счел возможным оставить Пятиречье на произвол судьбы. Вдоль всего северного тракта в маломальски крупных селениях стояли полновесные конные сотни. Лихие наездники и еще более лихие стрелки, на скаку попадавшие в брошенную вверх шапку. Только они и могли справиться с неистовым напором поури. Одолеть карликов в рукопашной можно было, но при этом полегли бы и почти все защитники. Куда надежнее было выбивать врагов издали стрелами — при том, что карлики все же не могли угнаться за конными стрелками.

Стояла такая сотня и в местечке под названием Мост — тихом селении землепашцев, охотников и про-чего вольного люда, никогда не знавшего пахотной ка-балы или иной неволи. Боярские земли лежали на юге и западе; а сюда, в глушь, княжеские землемеры так до сих пор и не добрались, и люди оставались лично свободными.

Село получило имя как раз из-за моста — здесь тор-говый тракт пересекал текущую с Зубых гор широкую и бурливую Говорунью, как звали местные свою речку. К северу по обоим ее берегам тянулась широкая доли-

на, вся распаханная, покрытая полями и огородами. Милях в десяти, уже в предгорьях, стояла вторая деревушка, поменьше — с выразительным прозванием Горный Тупик или же просто Тупик.

К востоку и западу от Тупика выселились холмистые гряды, все поросшие густым лесом, угодья зверобоев и углежогов. К северу вздыбливались пики самих Зубых гор, над которыми властвовал один, самый высокий, с тремя острыми вершинами, называвшийся, само собой, Трехрогим. Справа и слева от него через седловины на север вели несколько троп, ведомых только лучшим из местных трапперов. Имелось тут и несколько пещер, что вели на полночь, открываясь на той стороне хребта. Порой через них проникали немирные гоблины, и в общине уже давно велись разговоры о том, что крысиные лазы хорошо бы заделать, но охотники на пушного зверя, высоко ценимого перекупщиками с юга, каждый раз воспротивились, не желая ломать ноги на опасных и узких горных тропах.

К западу от Тупика, в старой и обширной пещере жило семейство гномов, все еще ковырявшихся в каких-то глубинных выработках. Примерно в полутора лигах от них, в густом лесу, стоял покинутый скит — убежище сгинувших приверженцев сгинувшего бога. Никто из местных не знал, кому служили тамошние обитатели, кого они прославляли — да и не слишком стремился знать. Место считалось недобрый, злодейским, и отец Анемподист, настоятель большого храма Спасителя в Мосте, строго-настрого запретил своей пастве даже приближаться к старому скиту. Неплохо было б его сжечь совсем, но на это вообще никто не мог осмелиться, даже сотник княжьей дружины — всем известно, как умеют мстить мертвые боги.

По лесам вокруг Тупика разбросано было несколько хуторов. Стояла на полпути к пещере, что вела в загорье, и третья деревушка этих мест, совсем уже кро-

шечная, так и прозвавшаяся — Глущобой. Имелся тут и свой отшельник, святой человек крепкой веры в Спасителя, что срубил себе келью в самой глуши леса к восходу от Тупика, где, не сомневались поселяне, денно и нощно молился за их грешные души.

Тихо текла жизнь в Пятиречье. Народ сеял, косил сено, собирал урожай, рубил лес, ковал железо, торговал помаленьку, играл свадьбы, плакал на похоронах, плясал на помолвках и крестинах, порой — брался за вилы и топоры, если к их домам подступала беда. Приходили и уходили купеческие караваны, лето сменялось зимой, а весна — осенью, и казалось, что так будет всегда.

Они приехали в Мост ранним утром, когда майский день только-только вступал в свои права, и это было странно — ближайший постоянный двор от Моста отделял добрый день пути, странники должны были провести в дороге всю ночь — зачем, почему, отчего? Купцы приезжали в Мост, как правило, только под вечер. Никому не улыбалось ехать сквозь ночь мрачными здешними лесами — неровен час, вылезет на тебя какая-нибудь безумная нечисть, что тогда будешь делать?

Всего приезжих было четверо. Дородный осанистый мужчина, уже весьма немолодой, по здешним меркам — просто старик. Он, похоже, был у них за главного — во всяком случае, второй мужчина, молодой, широкоплечий воин в плотной кольчуге даже не двойного, а, похоже, тройного плетения с нашитыми на спину и грудь стальными бляхами, слушался его аж с полувзгляда, не то что полуслова. Могучего сложения воин был весь увенчан оружием — слева меч, справа секира, за спиной арбалет, на каждом бедре по длинному кинжалу, у седла приторочен внушительного вида щит, с другой стороны — ухватистое копье с

длинным и широким наконечником, каким в случае надобности можно не только колоть, но и рубить.

Третьей в отряде оказалась молодая еще женщина, правда, отчего-то очень тихая и печальная, в темной одежде вдовы и со «вдовым» перстнем на левой руке. А рядом с ней на небольшом коньке ехала четвертая из новоприбывших — девочка лет пяти, с задорным курносым носом и непокорными темными кудрями над высоким лбом. Казалось, она чувствовала себя увереннее всех остальных — другие, даже воин в броне, какая сделала бы честь и княжескому тысячнику, — держались так, словно им вот-вот предстояла смертельная битва. В общем, несмотря на все их усилия не привлекать внимания, посмотреть на странных пришельцев сбежалось чуть ли не пол-Моста.

С собой новоприбывшие вели с полдюжины выочных лошадей. В руках пожилого мужчины блеснула золотая монета, и корчмарь Груздик тотчас преисполнился к гостям неимоверного почтения — даже от проезжих купцов он видел самое лучшее что серебро Княж-города, не слишком чистое и не слишком ценимое, к примеру, на Западе; а тут полновесная монета, и даже не имперский цехин Эбина, а двойной салладорский диргем, ценимый самое меньшее впятеро выше любого иного золотого на всем пространстве от Кинта Дальнего до Царства Синь-И.

Воин в броне в разговоры ни с кем не вступал. Мягким стелющимся шагом пустился в обход всего постоянного двора, не обращая никакого внимания на слуг и домочадцев Груздика. Конечно, любому другому подобное с рук бы не сошло, но тут — диргем так сладостно улегся в ладони трактирщика, что тот решил сделать для щедрых гостей исключение.

Гости сняли две лучшие комнаты, потребовали лучшей еды (еще одна ошибка, сказал себе Груздик, если только они от кого-то скрываются) и затворились у

себя. Любопытный народ походил-походил кругами, но, поскольку больше ничего интересного не происходило, вернулся к обычными своим делам.

День странники провели взаперти, даже не спустившись к ужину в общую залу (где их появления ждало примерно вдвое больше народа, чем обычно собиралось у Груздика вечерами), а на следующий день, оставив вещи на постоялом дворе, отправились по ведущей в Тупик дороге.

В Тупике они испросили благословения отца Калистрата, сделали щедрый храмовый взнос и попутно поинтересовались, нет ли здесь на продажу свободных домов.

Свободных домов, к их огорчению, не нашлось, но священник сказал, что таким уважаемым господам, конечно, ничего не стоит подрядить местных древоделов, и те — «глазом моргнуть не успеете!» — за умеренную плату срубят такие хоромы, что и сам князь бы не погнулся.

В ответ старик и воин только покачали головами. Нет, хоромы им не нужны. Впрочем, пожалуй, оно и лучше — зачем стеснять добрых поселян? Быть может, они могут устроиться где-то в окрестностях, никому не мешая и не привлекая посторонних взоров?

Отец Калистрат только и смог развести руками. Конечно, никто не мог помешать им нанять тех же плотников и поставить дом — а то и целый хутор — где угодно в окружающих Тупик лесах, но только зачем?..

В таких местах не слишком-то жалуют пришельцев, которые вдобавок не похожи на остальных обитателей, доверительно сказал святому отцу пожилой мужчина, назвавшийся Драгомиром. Но, может, тут есть какие-нибудь старые, заброшенные строения? Они смогли бы привести их в порядок.

Отец Калистрат никак не мог взять в толк, почему явно не бедные странники так упорно отказываются от

самого простого пути заполучить крышу над головой. Местные умельцы за месяц поднимут настоящий терем, а пока-то можно и у Груздика, к примеру, пожить.

И священник сам не понял, отчего под пристальным взором Драгомира у него вырвались слова о старом ските, что стоял, позаброшен, всего-то в четырех или пяти лि�гах в лесу к западу от Тупика.

Глаза Драгомира вспыхнули, и он тотчас заявил, что это их более чем устраивает.

Отец Калистрат, отчего-то оробев, напомнил своим почтенным гостям, что это место пользуется у крестьян недоброй славой и что он поостерегся бы.

Но тут Драгомир решительно перебил его, заявив, что истинно верующему в Спасителя не к лицу пугаться какой-то там Нечисти и что они, с благословения как отца Калистрата, так и стоящего выше его по церковной иерархии мостовского священника отца Анемподиста, берутся очистить старый скит от любой Нечисти, за свои деньги все там исправить, если только община позволит им обосноваться там.

Отец Калистрат не знал, что и сказать. Позвали за старостой Тупика, погнали мальчишку в Мост, за отцом Анемподистом, старшиной села Дивом и Звияром, командиром княжеской сотни. Пока все они собирались в Тупике, уже подступил вечер, все-таки десять лиг — путь неблизкий.

Судили и рядили долго. Отец Анемподист держался дольше всех, упорно заявляя, что добрым чадам Спасителя негоже приближаться к Им же проклятым местам, и негоже подвергать сомнению Его мудрые решения, но и ему пришлось сдаться — после того, как Драгомир извлек на белый свет свое Кольцо Чародея, свой посох и вдобавок ко всему — диплом, выданный всемирно известной ордосской Академией Высокого Волшебства, о которой слышали все, даже здесь, в дальней восточной глуши.

По-прежнему не понимая, что мешает уважаемому волшебнику устроиться со всеми мыслимыми удобствами в том же Мосту, или в Тупике, или, на худой конец, хотя бы в Глущобе, местные набольшие дали свое разрешение.

Драгомир не просил ничего держать в секрете, и, разумеется, наутро вся округа только и говорила о привезвшем настоящем чародее (волшебников, подобных Драгомиру, здесь не видывали давным-давно; последний раз чародей появлялся еще при покойном отце нынешнего князя, лет эдак тридцать назад, в разгар свирепой засухи — вызвал тогда долгие и обильные дожди, чем и спас округу от вымирания). И, когда Драгомир вместе с молчаливым молодым воином, чьего имени никто по-прежнему не знал, женщиной и девочкой направился к лесному скиту, за ними двинулись едва ли не все население Тупика и добрая половина обитателей Моста.

Драгомир никому не препятствовал. Верно понимал, что останавливать кого-либо просто бессмысленно.

Правда, пока дошли до скита, немало народу как-то поотстало — видно, остыв, решили, что лучше будет не соваться, куда не просят, а то мало ли...

Как выяснилось в дальнейшем, здравомыслящие были не так уж не правы.

Скит стоял в низинке между двух густо заросших гряд, прямо на берегу чистого ручья. Место казалось тихим, мирным и давным-давно заброшенным — высоко поднялась никем не примятая трава возле покосившихся ворот, нигде никаких следов, все строение окружено высоким частоколом — почти как крепость! — но и не похоже, чтобы кто-то пытался пробраться внутрь.

Женщину с девочкой Драгомир и воин оставили позади, сами двинулись к нагло запертым воротам,

по пояс утопая в высокой луговой траве. Не дойдя пяти шагов, они почему-то остановились, переглянулись — и волшебник отчего-то отрицательно покачал головой, после чего воин вдруг весь как-то подобрался и — как был, в тяжелой броне, в глухом шлеме, с секирой на перевес — одним прыжком перемахнул через ограду в полтора человеческих роста.

Толпившиеся в почтительном отдалении селяне только ахнули. Разумеется, на такое способна была только настоящая магия.

Несколько мгновений внутри скита царила мертвая тишина — внезапно разорванная резким свистом стали и истощными воплями, истинно нечеловеческими воплями. Драгомир резко взмахнул руками, и ворота в тот же миг разлетелись на куски, обглоданные обломки дерева остались болтаться на здоровенных петлях.

А в проем хлынула целая толпа существ, о которых обитатели Тупика раньше слышали только в страшных сказках.

Скакали неуклюжие живые мешки-яроглоты, вадом валили многорукие и многоногие ироки, которые в сказках служили ведьмам, похищали и приносили своим хэзяйкам неосторожных детей, полулюди-полузмеи абраки, обитатели глубоких болот, размахивая дубинами, мчались здоровенные огры-людоеды (эти вообще слышили редкими гостями южных областей), и еще было там полным-полно всяких тварей, которые невесть как умещались в небольшом, по правде говоря, скиту. Непонятно было также, откуда они там взялись, что делали и почему никто из жителей Тупика, не говоря уж о лесных хуторах, ни разу не пострадал от этого жуткого соседства?..

А за ними громадным прыжком вылетел спутник Драгомира. Одним движением воин оказался в самой гуще спасающихся бегством чудищ; в одной руке он держал секиру, в другой — меч. Миг — и железо закру-

жилось в виртуозной кровавой пляске, оставляя на истоптанной траве искромсаные бездыханные тела.

Никто, даже княжеский сотник Звияр, никогда не видели ничего подобного. Тяжеленное оружие порхало, словно легкие тросточки, воин вертелся и прыгал, точно цирковой акробат, — интересно, как у него это выходило с добрыми двумя пудами железа на плечах?!

Чудища сперва пытались спастись бегством, но на их пути вырос Драгомир, широко размахнулся посохом — и твари тотчас повернули обратно: верно, пришедевшееся им казалось много хуже смерти.

И они умирали, одно за другим. Здоровенные огры, ловкие ироки, могучие абраки — все, все они гибли, не в силах зацепить неуязвимого воина даже краем своих дубин или костяных клинков.

Последний огр рухнул с разрубленной головой, и на поляне воцарилась тишина. Не стонали раненые — их просто не было; воин наносил только один удар, неизменно оказывавшийся и последним.

Остолбеневшие крестьяне только и могли, что глязеть на происходящее, широко разинув рты. Все произошло так быстро, что не все успели даже как следует испугаться.

Воин быстро, отрывисто встряхнул секирой и мечом — брызги темной крови так и полетели на истоптанную траву, железо засияло, словно только что начищенное. Боец коротко поклонился Драгомиру, и волшебник, молча кивнув в ответ, прошел в ворота. Воин последовал за ним.

И вновь некоторое время царила тишина, а потом в воздухе прямо над скитом сгустилось темное облачко, в самой середине которого билось, извиваясь, некое призрачное существо. Многие закричали — громадная пасть и клыки длиной в локоть взрослого человека были всем отлично видны.

Снизу, со двора, в темное облако били короткие бе-

лые молнии. Стоявшие напротив ворот видели, что эти молнии срывались с остряя поднятого магом Драгомиром посоха. Пять, десять, пятнадцать разрядов — и темная призрачная скорлупа лопнула, бесплотное чудище забилось в агонии, разрываемое на части рукостворными молниями.

Когда все наконец кончилось, воин с волшебником вышли к людям, низко поклонились толпе, давая понять, что можно расходиться. Зеваки мало-помалу потянулись обратно через лес; возле скита остались только оба священника, староста Тупика да сотник Звияр.

Прежде всего, конечно же, они стали допытываться, как такое соседство столь долго могло оставаться никем не замеченным, на что чародей, неспешно откашлявшись, дал вполне убедительный ответ — сила старых богов не уходит бесследно, посвященные им места и впрямь опасны для верных чад Спасителя, они привлекают различную нечисть как облеченную в плоть, так и бестелесную. А неприятностей обитатели Моста и Тупика не имели потому, что чудища, сколь они ни тупы, все же понимают, что охотиться следует вдали от логова, иначе ему, логову, очень быстро придется конец. Владея какой ни есть, но магией, твари также отводили всем глаза, представляя скит покинутым и необитаемым.

После этого право Драгомира и его спутников занять очищенный от тварей скит никто неставил под сомнение.

Звияр попытался было завязать разговор с воином, так и не снявшим глухого шлема, однако тот лишь покачал головой и отошел от разобуженного сотника в сторону.

Скит быстро привели в порядок. Упорно не желая обращаться к мастерам за постройкой нового дома, Драгомир и его спутники не погнувшись их услугами в мелкой починке. Навесили новые ворота, подновили

частокол, заделали прохудившуюся в нескольких местах крышу — скит на удивление хорошо пережил долгие десятилетия небрежения и заброшенности. Нигде не осталось никаких следов огров и прочей нечисти — верно, помогло Драгомирово колдовство.

Обвалившийся колодец расчистили, остатки травы во дворе — скосили. Женщина, оказавшаяся дочерью Драгомира, накупила у местных хозяек кучу половиков и иного ткачества, так что скит сразу же приобрел вполне жилой вид.

Жизнь пошла дальше. Мало-помалу к Драгомиру и его семейству привыкли. К волшебнику на первых порах обращались с просьбами излечить человека или скотину — он только качал головой, говоря, что не может и не хочет отбивать хлеб у местных знахарей и кновалов и что к нему следует приходить только в самых отчаянных случаях, когда никто не в силах помочь.

Правда, к счастью для обитателей Тупика, таковых отчего-то не случалось. Кому суждено умереть, умирали тихо и без мучений, и как-то всякий раз выходило, что волшебника позвать не то забыли, не то опоздали.

А затем жители Пятиречья (весть о приезде Драгомира сперва разнеслась далеко по округе) как-то мало-помалу стали забывать, что среди них живет чародей. И про скит в лесу они тоже вспоминали все реже и реже. Причем ни Драгомир, ни его спутники ни от кого не прятались — дочь его часто ходила в деревню купить необходимое, вполне мирно и дружески болтая с местными кумушками; Драгомир, слышалось, попивал пиво в трактире Груздика — и ни у кого отчего-то не возникало вопроса — а, собственно, что здесь делает этот самый Драгомир и чем он живет? Странная четверка словно бы выпала из обычного хода событий в Тупике, время текло сквозь них, и люди, пять минут назад шутившие с тем же Драгомиром, тотчас же забы-

вали о состоявшемся разговоре и о том, кто этот Драгомир вообще такой.

Девочку же и вовсе никто никогда не видел. Вскоре о том, что она вообще появлялась здесь, все дружно и начисто забыли.

Текло время.

Отзвенело лето, наступила осень, прошумела вьюгами зима — и вновь стаял снег. Жизнь в Пятиречье шла своим чередом, год выдался тихий, ни войн, ни набегов, хороший урожай, низкие цены у проезжих купцов — что еще надо человеку для счастья?..

Правда, пару-тройку раз появлялись какие-то странные люди, крутились в Груздковой таверне, заглядывали в Тупик, расспрашивали — не появлялись ли, мол, тут мужчина со взрослой дочерью и внучком, не проезжали ли, не останавливались? Селяне дружно морщили лбы и разводили руками — ничуть не кривя при этом душой.

Была уже осень — вторая осень Драгомира и его спутников в Пятиречье. Они жили, по-прежнему скользя между временем, сейчас они здесь — и вроде бы как давние всеобщие знакомцы, стоит им скрыться — об их существовании все начисто забывают.

* * *

Далеко-далеко от Пятиречья, в Княж-городе, в известной таверне под названием «Золотой Сокол», далеко за полночь сидел последний посетитель. Его давно попросили бы отсюда, если б не полновесное золото, которым он заплатил за ужин, — по правде говоря, этих денег хватило бы накормить целый полк. Наполовину седой мужчина, худощавый, средних лет, с аккуратной короткой бородкой, без особых примет, как сказали бы о нем княжеские дознаватели, — потягивал пиво, смотря в темное окно, в котором, отражаясь, плясали язычки горевшего на стене факела.

Рядом с ним, небрежно прислоненный к стене, стоял длинный сучковатый посох черного дерева, увенчанный засушенной трехпалой не то рукой, не то лапой какого-то чудища.

Он сам сделал себе этот посох — в тех непредставимых даже большинством магов Эвиала безднах, где ему довелось сражаться, пытаясь исправить собственную ошибку, совершенную некогда в юности.

Он так и не нашел их. Они опоздали, безнадежно опоздали, беглецы успели скрыться, и взять их след он уже не сумел. Оно и понятно — не зря же пробудилась к жизни сила той бедняжки, которой он овладел прямо на улице!.. Конечно, она не могла управлять ею, но неосознанное желание — бежать, бежать как можно дальше, чтобы только скрыться от того ужаса, что неотступно должен был преследовать ее с того самого вечера, — это самое желание вполне могло исполнить за нее всю работу. И теперь нечего было даже надеяться на магию. И уж, конечно, они не будут настолько глупы, чтобы просто переехать в другой город. Скорее всего они забились в какую-нибудь глухомань, наложив на обитателей этих мест заклятье забвения. Недаром лазутчики, которых он разослал во все стороны от Зачарованного леса до Утеса Чародеев и от Темной реки до рубежей Царства Синь-И, так и вернулись ни с чем. Ему служили не за совесть, а за страх — однако страху он доверял гораздо больше, чем совести.

Ничего. Никаких следов, намеков или хотя бы догадок. Имущество распродано, все, до последней ниточки, по которой он смог бы проследить владельца хоть до берегов самого Утонувшего Краба. Ничего не скажешь, орешек оказался куда тверже, чем он полагал. Ничем не мог помочь даже Ночной Народ — верный его спутник, тот самый вампир, у которого не было даже имени, расспрашивал всех своих сородичей, что встречались на пути, — опять же ничего.

Одно только хорошо — беглецам не пришло в голову отаться под защиту того же Волшебного Двора. С Меганой он, быть может, еще бы и справился, но тогда бы от Зачарованного леса до Утеса Чародеев на сотни и сотни лиг протянулась выжженная пустыня — вместо цветущего княжества, других мелких королевств, вместо селений поури и гоблинов, вместо всего того, ради чего он и затеял все предприятие.

Почему они не бросились к Мегане? Ответ был прост — стыд. Стыдно уважаемому чародею, с каким-никаким, а дипломом Ордоса, признавать, что его дочь беременна, не будучи в браке. А рассказу о нападении вампира скорее всего не поверят — решат, мол, выдумали, чтобы скрыть позор.

И они решили спрятаться. Конечно, не исключено, что они поняли, кто родился у них, каким внуком осчастливлен чародей по имени Велиом; но если они поняли, тогда уж точно должны были броситься к Мегане или даже к самому милорду ректору Ордоса.

Но они этого не сделали. Среди тех, кто служил Волшебному Двору, всегда находились недовольные — слуги, с которыми обошлись чересчур строго, к примеру; у него не было недостачи в прознатачиках, и все их донесения, совершенно независимо друг от друга, утверждали одно и то же: Велиом, его дочь Дариана и его внук, чье имя так и не удалось разузнать, во владениях Меганы не появлялись.

Что остается? Синь-И? Едва ли. Слишком далеко, да и не стоит чародею с запада появляться в тамошних пределах. Волшебников, живущих на восходном краю исполинского материка, не стоит недооценивать, привельца они распознают быстро, и тогда ему несдобровать. А о способности Велиома отразить их натиск, он, надо сказать, был крайне низкого мнения.

Но если они не переплыли море и не уехали на восток, то где же они? В какой богами и Спасителем забы-

той дыре прячутся? Время идет, заклятия совершают свою работу, и нет уже во всем Эвиале такой силы, что смогла бы повернуть вспять или хотя бы замедлить ее.

Он с раздражением поддернул левый рукав старой куртки — чуть пониже локтя по коже расползлось уродливого вида бугристое фиолетовое пятно. Из его середины торчал небольшой отросточек, неприятно извивавшийся и тычущийся в разные стороны, словно слепой щенок.

Пока еще слепой щенок.

Волшебник с трудом подавил неотвязное желание тотчас же, немедленно, отрубить себе левую руку по самое плечо. Другое дело, что это ничему уже не поможет. Страшны наложенные им заклятья и еще более страшна их отдача. Он перекрыл путь Зверю — но что теперь будет с ним, не знает никто.

И только его сын мог бы помочь ему.

Сын, которого он никак не может найти.

Дверь таверны распахнулась, на пороге неслышно возникла серая тень в долгополом алом плаще.

Трактирщик сунулся было наперerez — и, охнув, осел на пол при виде пары длинных игольчатых клыков, сверкнувших в тусклом свете факела.

Волшебник поднялся навстречу вампиру. Тот решил явиться сюда, пренебрег опасностью — в Княжгороде хватало сильных чародеев, не гнушавшихся выйти ночью с неурочным дозором; значит, случилось нечто из ряда вон.

— Садись и говори, — сказал он упырю.

— Мастер, — вампир задыхался, похоже, он добирался сюда по воздуху, перекинувшись в летучую мышь — трюк еще более опасный там, где было много сведущих в магии и ненавидящих Ночной Народ. — Мастер, пришли новые вести. Пятиречье, мастер, там разгромлено гнездо — разгромлено дочиста, никто не уцелел. Разгромлено при помощи сильной магии. Я про-

верил — там не появлялось никого ни с Волшебного Двора, ни из Белого Совета.

— Как это стало известно? — отрывисто спросил волшебник, голос его дрогнул.

— Огры, мастер, там было несколько огров. Их со-братья за горами почувствовали их смерть и дали знать остальным.

— Как ты узнал?

— Эфраим, мастер, он принес вести.

Эфраим. Странствующий вампир, наверное, самый старый из ныне живущих. Очень, очень, очень осторожный, способный месяцами обходиться без человеческой крови — и только поэтому, наверное, доживший до своих лет. Ему, пожалуй, можно доверять.

— Хорошо, — сказал чародей. — Место известно?

— Нет, мастер, — вампир покачал головой. — Огры из-за Зубых гор не знали точно, где находится гнездо. Самое большое, чего удалось добиться, — это в Пятиречье.

— Интересно, там ведь ходили наши, — задумчиво уронил волшебник.

— Истинно так, мастер, — значит, изгои прикрылись заклятьем. Значит, их можно обнаружить.

Вампир рассуждал совершенно правильно. Жаль только, что в данном случае это совершенно неисполнимо.

Волшебник со вздохом покачал головой.

— Если это так, Велиом оказался куда хитрее, чем я от него ожидал. Или же у него нашлись толковые советчики. Если они в Пятиречье и мои лазутчики ничего о них не знают — значит, они под прикрытием заклятья забвения. А его я не распознаю при всем желании, после того что мы с тобой сделали, — он выразительно потряс левой рукой, на которой свила гнездо отвратительная и чужая фиолетовая тварь.

Вампир мелко закивал.

— Да, да, мастер, я все понимаю, мастер.

— А раз понимаешь, подгони брауни, пусть уложат наши вещи, а то эти лентяи до утра провозятся. Мы выступаем немедленно. Придется ехать всю ночь.

— В Пятиречье, мастер?

— И как это ты только догадался, хотел бы я знать? — раздраженно бросил волшебник, запахиваясь в плащ и делая шаг к порогу.

* * *

Им предстояла дальняя дорога. Но самое главное: что они станут делать, оказавшись в Пятиречье? Заклятье забвения ему не обнаружить, сколько ни бейся. Искать разоренное гнездо? На это уйдут месяцы, которых у него нет. Самолично обшаривать все до единого селения и деревушки? Вздор, как он мог даже помыслить о такой глупости. Но тогда что же? Что? Что?!

Он думал молча, сосредоточенно, стараясь как можно точнее представить себе все собственные сильные стороны и все слабости врага. Нельзя было ни переоценить себя, ни недооценить неприятеля — потому что на вторую попытку времени уже не останется. Он не имеет выбора. Неудачи не должно быть. Его вина настолько огромна, что ее не искупить уже ничем, кроме удачи.

Первая часть плана осуществилась много месяцев назад — после чего они с вампиром и смогли вновь выбраться в Эвиал. Теперь предстояло иметь дело с последствиями своей первой победы.

Конечно, одна возможность у него имелась. Даже две, если быть совсем уж точным, — но вторая предусматривала капитуляцию либо перед Ордосом, либо перед Волшебным Двором, а на это у него никогда не хватило бы мужества. Он готов был смотреть в лицо своей судьбе, пусть даже самой страшной, — но он точно знал, что скорее даст разорвать себя на части каким-нибудь чудищам, чем окажется в казематах Ин-

квизации, упорно и упрямо разыскивавшей его по всему Эвиалу уже который год.

Оно и неудивительно — война с новосотворенным Зверем потребовала от него поистине небывалого. Он вскрывал старые кладбища и создавал армии скелетов и зомби, бросая их в бой против порождений своего врага. Он не колеблясь убивал людей, если дело требовало их смерти. Он давно уже приговорил самого себя и потому не испытывал ни страха, ни сомнений. Но оказаться в руках Инквизиции — нет, это было выше его сил.

Ведь, в конце концов, он был рожден человеком.

Итак, первая возможность. Он содрогнулся при одной мысли о ней. Как такое вообще может прийти ему в голову? Или — он поежился, вспомнив о прохладнувшемся на руке фиолетовом бутоне, — это означает, что от человека во мне осталась только личина?

Подобные мысли он старался гнать. Отдача от его заклятий оказалась слишком велика. Непомерно велика. И время, отпущенное ему, время, пока он еще мог сопротивляться, неумолимо истекало.

Скоро придет пора уходить.

А это означало, что ему придется забыть обо всем, кроме необходимости достичь цели.

Сколько было говорено о том, что цель не может оправдывать средства. Но что делать, если цель не только что оправдывает, но просто диктует средства?

Прочь, прочь эти мысли, оборвал он себя. Если это его путь, он пройдет его до конца, какова бы ни оказалась цена.

* * *

Следом за дождливой хмарой осенью в Пятиречье наступила зима. Тяжелые снеговые тучи, словно победоносное войско, взобравшееся на стены вражьей крепости, перевалили через Зубы горы и устремились вниз, щедро заваливая все вокруг сухим хрустким сне-

гом. Нежданно-негаданно ударили морозы, каких тут не помнили уже много-много лет. Люди доставали с самого дна сундуков негнующиеся плотные тулуны. Одно было хорошо — снег закрыл перевалы, а это означало, что всякая окопавшаяся за хребтом нечисть не полезет на юг до самой весны. Всяким там гоблинам и ограм предстояло мерзнуть в своих логовах — и нельзя сказать, что в Пятиречье кто-либо сожалел об этом обстоятельстве. Конечно, холода — не слишком приятно, но лучше уж холода, чем жар от полыхающих домов.

Однако на сей раз обитатели и Тупика, и Моста ошиблись. Причем очень сильно.

Тревогу поднял Урми, молодой (по людским меркам) гном, сын Флаина, мастера, так и не пожелавшего уходить с насиженных мест. Короткий зимний день только-только разгорелся, а он, не жалея своего мохнатого пони, проскакал через Тупик, размахивая треухом и вопя во всю мочь:

— Гоблины, гоблины! Оружайсь! Бядा!

Люди высакивали из домов, торопливо накидывая овчины. Гном кубарем скатился с седла возле дома Зомзира, старосты Тупика. Отчаянно заколотил в дверь — кулаками и ногами.

— Отворите! Отворите! Гоблины в лесу! Гоблины!

— Какие гоблины, что такое, почему? — высунулся из сеней очумелый староста.

— Гоблины, — с трудом переведя дух, ответил гном. — Прошли старой пещерой и в лесу объявились, значить. К Глущобе идуть. Народишко тамошний тикать собралиси.

— Так, а много ль гоблинов? — выкрикнул какой-то бородач из уже сбежавшейся к тому времени толпы.

— Ужасть, как много, — ответствовал гном, поворачиваясь к селянам. — Прутъ и пруть, значить, ровно река текеть.

Староста Зомзир особой смелостью не отличался,

будучи докой в делах торговых и земледельческих, он мало что понимал в военных. Вот и сейчас — он бесполково топтался на крыльце, открывая и закрывая рот, словно выброшенная на берег рыба.

— А в Мост-то погнали кого? — выкрикнул все тот же бородач. — Кто тут из молодых? Давай, Ломтик, у тебя конь добрый!

Парнишка лет пятнадцати опрометью бросился из толпы, даже не усомнившись в праве бородача отдавать приказы.

— Да, да, точно, Ломтик, — сообразил наконец и староста. — Гони в Мост, к Звияру! Пусть сотню поднимает! Скажи — гоблины к Глущобе подходят! Немереными множествами!..

— Так а нам-то, нам-то что делать? — заголосил кто-то в толпе.

— Нам?! — рявкнул в ответ все тот же бородач. — Топоры да вилы брат! У кого есть — вздеть кольчуги! И повалили, братва, к Глущобе, пока они наших на гуга не взяли!

— И перебьют они вас на подходах, в лесу из луков перестреляют, — неожиданно сказал спокойный и холодный голос. Сказал негромко, но так, что услышала вся толпа. И — разом отчего-то замолкла, повернувшись к говорившему.

Молодой воин, тот самый, что приехал с чародеем Драгомиром. Как всегда, в полном вооружении, только забрало шлема поднято. Он и в самом деле выглядел совсем молодым — едва ли больше двадцати лет. И откуда ж это в такие годы — да так драться уметь?..

— Никуда ходить не надо, — в наступившей тишине продолжал говорить воин. — Собраться, вооружиться. И ждать здесь. Луки всем взять. Я укажу места.

Староста Зомзир уже совсем было собрался спросить воина, а, собственно говоря, почему это он тут так

распоряжается, но вовремя взглянул в глаза бойца — и решил, что благоразумнее будет промолчать.

Не прошло и нескольких минут, как Тупик превратился в развороченный муравейник. Мужчины тяжело трусили, сгибаясь под тяжестью кольев и связок хвороста, подростки, все, кто мог держать в руках луки, гурьбой бежали к невысокому частоколу, ограждавшему часть деревни. Давно уже велись разговоры о том, что неплохо бы окружить им и всю деревню, но, как всегда, разговорами все и кончалось.

Немногие счастливчики, обладатели настоящего оружия, поспешили натянуть кольчуги и надеть шлемы. Гоблины славились неплохими стрелками, конечно, с эльфами они бы не сравнялись, но и пренебречь ими они давно уже всех отучили.

— Быстрее! Шевелитесь, увальни, если жить хотите! — подгонял воин нерасторопных.

Мало-помалу в заснеженном поле примерно в полусотне шагов от частокола начала появляться вторая стена — правда, состоявшая всего-навсего из вязанок валежника и подпиравших их кольев, — хорошо еще, земля не успела глубоко промерзнуть. Человеку снег в поле был по щиколотку, что означало — гоблину он придется по колено, зеленокожим будет не показать свою знаменитую прыткость. Им придется принять бой, где все преимущества окажутся на стороне людей, даже если они и уступают врагам численностью — охотно объяснял воин всем, кто хотел его слушать.

За деревенским частоколом выстроились парни-подростки, девушки, женщины — все, кто хотел сражаться и хоть как-то умел держать в руках лук. Мужчины выдвинулись вперед, укрываясь за фашиинной преградой — легкий снежок уже начал затирать ее белым, словно не в силах терпеть ее коричневого росчерка на ослепительном покрывале полей.

Вперед выслали дозоры. Сам же воин, столь реши-

тельно вставший во главе деревенского ополчения, с пятью десятками самых крепких мужиков укрылся в лесном выступе, далеко вдавившемся в покрытые снегом, точно праздничной скатертью, поля.

И скоро, очень скоро на эту скатерть суждено было щедро пролиться алому.

Ждать пришлось недолго. Раздались заполошные крики дозорных, кто-то замахал шапкой: «Идут! Идут!»

Мужики подхватили копья и вилы. Самое главное — не допустить гоблинов в ножи, удержать их подальше от себя — и тогда, быть может, удастся продержаться, пока не подоспеет конница Звияра.

Многие нетерпеливо поглядывали на юг, на ведущий к Мосту тракт — вот-вот из снежного марева должны вынырнуть силуэты окольчуженных всадников, и тогда с гоблинами пойдет совсем иной разговор.

Однако это оказались вовсе не гоблины, а бежане из Глущобы — благодаря гному они успели уйти, угнав с собой скот и вынеся добро.

— Не, никого не видели, — отвечали они на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. — Успели ноги унести, не до того было — по сторонам плятиться.

Оказалось, что глущобные успели удрать в самый последний момент. Едва они дотащились до Тупика, едва мужики разобрали немудреное оружие — в лесу взмыли гулкие гоблинские трубы, над деревьями взлетели разноцветные огни сигнального фейерверка, и зеленокожие, подбадривая себя истощным визгом, густой оравой без всякого строя ринулись в атаку.

Впереди, вздымая тучи снежной пыли, рвались те, кого гоблины, наверное, считали своими панцирниками. Разумеется, все их панцири на самом деле были всего лишь кожаными куртками с набитыми на них круглыми бляхами, выточенными из деревянных кругляшей. На головы гоблины первых рядов напялили нечто вроде деревянных горшков — как бы шлемы.

Настоящие воины могли бы презрительно рассмеяться, увидав подобным образом вооруженное воинство, но мужички Тупика боязливо попятались — никогда еще им не доводилось видеть столько зеленокожих разом.

— Стреляй, стреляй, братва, стреляй, пока кишки нам не выпустили! — завопил тот самый бородач, что едва-едва не оказался во главе ополченцев Тупика. — Стреляй, тудыть вас и тудыть!

Опомнившись, охотники дружно потянули тетивы. Каждый в Тупике умел управиться с луком, иные лучше, иные хуже, но попасть в густую толпу орущих и вопящих гоблинов, не додумавшихся рассеяться, мог бы даже слепой.

В строю стояло почти полторы сотни крепких мужчин, полторы сотни луков швырнули испытанные охотничьи стрелы навстречу накатывающейся зеленой гоблинской волне.

Деревянные бляхи на доспехах, наверное, неплохо помогали против легких тростниковых стрел, какими пользовались гоблины во время междуусобиц, но тяжелые длинные древки с четырехгранными закаленными оголовками, выпущенные из людских луков, пробивали броню гоблинов навылет, раскалывая нашитые на кожу кругляши.

Короткие вскрики падающих тонули в реве наступающих. Изломанная зеленая волна не замедлилась, не остановилась, люди за фашинами не видели упавших — так густо шли зеленокожие. То тут, то там неудачливый гоблин судорожно взмахивал короткими руками и, роняя немудреное свое оружие, утыкался в снег — и снег под ним быстро-быстро краснел.

Кто сказал, что у гоблинов зеленая кровь? У всех, кто ходит по солнцем Эвиала, кровь горяча и красна — за исключением разве что дуоттов, но они в родстве

как с людьми, так и со змеями. Со вторыми даже в более тесном.

За облаченными в какие-никакие, но доспехи воинами первых рядов бежали гоблины-стрелки; у этих вообще ничего не было, кроме лука, колчана да короткого ножа у пояса. Едва только слабые луки зеленокожих смогли достать до неровной преграды из фашина, со стороны наступавших полетели первые ответные стрелы.

Ветер сносил их, они густо утыкали связки валежника, не в силах пробить их, но в строю у гоблинов оказалось, наверное, тысячи две с половиной или три лучников, и часть их стрел не могли не угодить в подобия бойниц, оставленные в фашинской стене.

Глухо вскрикнул, роняя лук и прижимая руки ко враз покрывшемуся кровью лицу кто-то из мужиков Тупика. Еще за миг до этого он, живой, сильный и здоровый, растягивал лук до самого уха и ухмылялся злорадной, черной усмешкой, — сейчас его стрела сорвется с тетивы, пойдет, ввинчиваясь в воздух, прямой и короткой дорогой во вражеское сердце, или лицо, или грудь — неважно.

И вдруг — короткий, исчезающе короткий свист, удар в лицо, словно стегнули коротким хлыстом, — и мир исчезает в алоей мгле, и остается одна только боль. И корчится человек на снегу, воя от нестерпимой муки, забыв о врагах, о друзьях, обо всем, а из щеки, пониже глаза, торчит обломок тонкой, такой легкой и безобидной на вид стрелки.

Если бы гоблины дали себе труд подумать хоть чуть-чуть над тем, что они собираются делать, то, наверное, они сумели бы понять, что завал из хвороста неплохо было бы поджечь, выкурив защитников из укрытия; наверное, они сумели бы понять, что нелепо лезть в лоб на летящие почти в упор стрелы, они постарались бы подобраться лесом как можно ближе и по-

M.C.

1991

том уже бросаться врукопашную. Но почему-то вместо этого они слепо полезли навстречу лучникам Тупика, бездумно и бессмысленно растрачивая собственные жизни, катаясь по снегу, умирая с пронзенными стрелами внутренностями, пытались ползти, жалко и предсмертно скуля, словно забитые сапогами псы.

Зеленый вал приближался, луки защитников изрядно проредили его, наступила очередь стоявших на частоколе — мужики взялись за дреколье и косы, насаженные на древки остриями вперед, а не вбок, как обычно.

Гоблины добежали-таки до преграждавшей им путь баррикады; потекли вправо и влево, подобно воде, обходящей запруду, — и только в это время из леса показались их последние ряды.

Кто-то из зеленокожих, опьяненный боем, полез прямо на стену валежника — защитники играючи сбивали таких удальцов насаженными на длинные рукояти топорами.

Рубили от души, сплеча, молодецки хакая — раскроенные, изуродованные тела валялись под ноги, их топтали, отшвыривали в сторону — то, что мгновение назад жило, превращалось в докучливую падаль.

Поток гоблинов хлынул в промежуток между частоколом и стеной валежника, увяз на копьях и топорах защитников, но, конечно, в конце концов зеленокожие смяли бы сопротивлявшихся — просто задавили бы числом.

Сперва никто ничего не понял — почему гоблины внезапно подались назад. В бою сражающийся видит только кипящий вокруг него хаос, если он станет озираться по сторонам — тотчас расстанется с головой.

Но стоявшие на частоколе видели — и уже вопили, прыгая от восторга: потому что от леса уже валяли тесно сбившиеся мужики, впереди которых шагал бросивший на лицо забрало молодой воин, — и зеленоко-

жие валились перед ним, не в силах защититься, не в силах убежать.

Это казалось невероятным: никакой человек не смог бы одновременно и нападать, и защищаться, разить и мечом, и щитом, сбивать с ног и прорыгать насквозь. Воин шел, окруженный облаком алых брызг — они летели медленнее, чем разил его клинок.

Раньше о таком обитатели Тупика только слышали в сказках. Воины, способные в одиночку побеждать сотни, — такого не бывает, это знали все. Силы тают, рассеивается внимание, и первый же зашедший со спины враг покончит с удачливым ратоборцем.

Однако на сей раз все оказалось не так. У бойца, казалось, имелось не два, а по меньшей мере десяток глаз. Он видел все, что творилось и спереди, и с боков, и сзади. Гоблины разлетались в разные стороны — и куда больше оставалось оказавшихся на его пути, чем успевших избегнуть бешено крутящейся стали. Никто на частоколе не мог даже различить движений его меча. Это было высшее, не постижимое простым смертным искусством, нечто сродни волшебству — только никто никогда не слышал о таком колдовстве.

Перепуганные зеленокожие отхлынули от частокола; паника смешала их ряды, они дрогнули, не в силах выстоять перед этим ужасом, — легкие стрелы гоблинов отскакивали от прочных доспехов воина, он казался неуязвимым, и все самопожертвование зеленокожих храбрецов разбивалось о короткий свист рубящего направо и налево клинка.

Сквозь вопли и лязг железа внезапно пробился низкий и грозный рык большого рога — сотня Звияра наконец-то подходила на помощь к защитникам Тупика.

Конные десятки с гиканьем ударили в бок окончательно смешавшимся зеленокожим и погнали их прочь, к лесу, безжалостно истребляя бегущих.

Снег почти исчез, его сменила алая пелена, прятывшаяся до самых деревьев.

И напрасно бросался наперерез всадникам иной гоблин, из самых смелых или из самых глупых, потерявший голову от боевого безумия, — длинные копья дружинников разили наверняка, и вскоре, выстелив телами все поля, последние остатки зеленокожих оказались загнаны в лес.

Их преследовали до темноты, немногие, уцелевшие в этой бойне, бежали в загорье. Победа была полной, на поле, сосчитали, осталось без малого сорок сотен зеленокожих тел. Обитателям Тупика победа далась малой кровью — с полдюжины убитых, три дюжины раненых.

Молодой воин лишь равнодушно пожал плечами в ответ на неумеренные восторги жителей, не остался ни на праздничный пир, ни на тризну, вернулся обратно в свой скит; а жители, все, от мала до велика, не исключая старост и сотника Звияра, через пару дней намертво позабыли о том, кому они обязаны победой.

Удивительное дело, не правда ли?..

* * *

Набег гоблинов и их разгром под Тупиком оказался самым значимым событием зимы. Надо сказать, что другие селения Пятиречья тоже не избегли этой беды, но там дело не обошлось без большой крови, пожаров и разорения. Несколько деревенек поменьше сгорели дотла, люди с отдаленных хуторов попали в неволю, недосчитались многих бойцов охранные сотни, с большим трудом отразившие-таки находников.

После этого стали поговаривать о том, что, мол, на севере гоблинам совсем житья не стало и что, мол, вскоре они снова полезут. Самые трусливые спешно собирали пожитки, готовые бежать куда угодно, хоть на юг, в княжью кабалу, лишь бы жить поспокойнее.

Народ потверже сердцем спешно отрывал кубышки и готовился весной менять меха на оружие.

Однако никто не задался простым вопросом — почему гоблины, если искали они на юге новых земель, так и не попытались там остаться? Ударить ударили, пограбили, пожгли что могли — и откатились обратно за Зубы горы. С большим уроном их отразили только в Тупике, в других местах они при желании смогли бы закрепиться — однако вместо этого без боя отдали все немалой кровью завоеванное и оттянулись обратно в свое лесистое загорье.

И вновь пошли мирные дни — правда, на сей раз в Тупике твердо решили окружить деревню частоколом со всех сторон, да не просто частоколом, а почти что крепостной стеной. Работали, надрываясь, — весенний день, как известно, год кормит, а тут приходилось гнуть спину разом и на полях, и на строительстве.

Драгомир частенько появлялся теперь в Тупике, помогал чем мог, пуская в ход свое волшебное искусство, правда, все больше по мелочи. Видать, понял, что нельзя от народа отгораживаться; впрочем, в других селах Пятиречья о нем по-прежнему и слыхом не сыхивали.

Дело спорилось, и к сенокосу Тупик мог уже хвататься, словно щеголиха обновкой, высоким и надежным частоколом, превратившим невеликую деревеньку в самую настоящую крепость. Селяне не поленились возвести даже две башни, смотревшие на северо-восток и на северо-запад — откуда могла прийти новая угроза.

На сей раз тревогу подняли те, кому это и положено, — всадники сторожевой сотни Звияра. Его дозор, высланный далеко на юго-восток, где заканчивался, упираясь в стены густых лесов, длинный степной язык, протянувшийся извилистой травянной рекой на не-

сколько дней пути, — его дозор первым заметил молча топающий по степной дороге большой отряд поури.

Поури. Хуже этого — только орда огров-берсерков.

Старший дозора тихо выругался сквозь зубы и погнал двоих воинов помоложе с донесением к Звияру, сам оставшись на месте с одним напарником, таким же, как он сам, седоусым ветераном.

Воины переглянулись. Они уже сталкивались со злобными карликами — и ничего хорошего ни Мосту, ни Горному Тупику эти их воспоминания не сулили. Поури так просто не остановить, это не тупоумные гоблины, которых можно испугать, ввергнуть в панику, обратить в бегство; поури не боятся никого и ничего.

И сейчас их ряды шагали по дороге, угрюмо пылили разномастные башмаки, сапоги, лапти, волочились обрывки совершенно невероятных тряпок, собранные поури, наверное, со всего света, — под стать такому же разномастному оружию. Казалось, ни жара, ни пыль им ничуть не мешают — тонкие рты растянуты, тонкие зубы оскалены; смотрели они отнюдь не под ноги, чего можно было бы ожидать от утомленных долгим переходом воинов. Маленькие глазки горели торжеством — поури ждали боя, они рвались в бой, и ничто на свете уже не могло их остановить, кроме одной лишь смерти.

Дружинники могли бы попытаться дорого продать свои жизни, положить сколько-то карликов стрелами из засады, задержать хоть на малое время, давая сотнику Звияру не только собрать сотню по тревоге, но и успеть встретить воинство поури на подступах к Мосту, где конница могла показать себя, на степном языке, — только это означало одно: что сами они должны погибнуть. Карлики не выпустят добычу.

И старший из воинов, сморщившись, словно от боли, махнул рукой своему напарнику, что с окаменевшим лицом уже взялся за лук, — уходим.

Карлики, если и заметили уходивших балкой конных, внимания на них не обратили.

Когда двое вершников галопом пронеслись через Мост, в деревне поднялась настоящая паника.

Какая-то светлая голова додумалась погнать пару подростков в Тупик, подать весть и тамошним; помимо всего прочего, зимний разгром гоблинов поднял их в глазах обитателей Моста на небывалую высоту. Кто знает, может, они и с поури так же сумеют управиться?..

Женщина, приезжавшая в Тупик вместе с волшебником Драгомиром, как раз покупала какую-то мелочь в деревенской лавчонке. Заслушав крики: «Поури! Поури!», с которыми неслись по улице двое мальчишек из Моста, она не завопила, не изменилась в лице, даже не побледнела — только слегка дернулся уголок рта. Сунув деньги осталбеневшему лавочнику, она твердой походкой вышла на улицу — и едва ли не бегом бросилась к ведущей в лес дороге.

Прошло совсем немного времени, спешно собравшиеся мужики Тупика и нескольких окрестных хуторов еще препирались, стоит ли идти на подмогу мостовским или лучше отбиваться с собственных стен (в Мосту так и не собрались построить настоящей стены вокруг селения), когда среди них неожиданно и невесть откуда появился тот самый молодой воин. Вновь, как и в тот памятный зимний день, он облачился в полное вооружение и на плече держал странное оружие — нечто вроде пары мечей, смотрящих в разные стороны и соединенных рукоятью в четыре полных кулака. Впрочем, не пренебрег он и обычными клинками.

Второй раз обитатели Тупика услышали его голос — второй раз за все два года его жизни в этих краях.

— Ну, чего вылупились? — он крутанул свое странное оружие над головой, и сталь загудела, рассеивая воздух. Никто из собравшихся не смог различить движения — только стремительный взблеск и шипение. —

Думаете, за спиной Звияра и мостовских отсидитесь? Ничего подобного. Поури одной деревней не удовольствуются. Выжгут всю округу. И пока последнего из них не прибьем, бой не кончится. Так что встали все и пошли!

Как ни странно, простые эти слова подействовали. Мужики перестали горланить, препираться и как-то на удивление быстро все решили: кому уходить с бабами и ребятишками в лес, кому прикрывать их отход, кому оставаться в деревне и тому подобное. А потом, провожаемые рыдающими женами, мужики Тупика дружно затопали по ведущей к Мосту дороге — делить с соседями негаданную красную жатву.

* * *

Сотник Звияр прочно сидел в седле, уперев левую руку в бок, всем видом своим являя монумент Уверенности и Непреклонности, хотя на самом деле на душе у сотника кошки не то что скребли, а, пожалуй, дружно пилили в целую тысячу лап. Немногие из его сотни имели дело с поури, и эти немногие сейчас или мрачно молчали, или исступленно молились, или отчаянно ругались. Остальные дружины смотрели на них с некоторым недоумением — хотя страшные истории о карликах слышали все, верили в них мало — до первой собственной с ними встречи, которая зачастую оказывалась и последней.

Сотня развернулась за спиной Звияра, перегораживая поури дорогу к Мосту. Далеко протянувшийся степной язык касался здесь круга полей, словно громадный зеленый зверь и впрямь лизал лакомый кусок. Протолкнувшись через лесные узкости, травяное море широко разливалось окрест, на западе доходя до Говоруны, а на востоке упираясь в уже непроходимые чащобы предгорий. Конечно, лучше всего было бы встретить врага подальше от деревни, на степной дороге, —

но весть пришла слишком поздно. Набегов поури эти края еще ни разу не видели, последнее время с воинственными карликами держался какой-никакой, но мир — чего же, спрашивается, сотнику Звияру бояться набега с юго-восточной стороны?..

Все всадники взяли луки и по три полных колчана стрел. Сегодня не до молодецких сшибок, не до копейных забав, предстоит тяжелая работа — не подпуская поури слишком близко, выбивать и выбивать стрелами их ряды, не допустить до Моста, при этом не теряя своих, — поури раз в двадцать-тридцать больше, они просто сомнут и затопчут сотню, только дай им добраться до рукопашной.

Сейчас княжеская дружина просто стояла, растянувшись длинной и редкой цепью. Каждому сегодня предстоит надеяться только на свою тетиву да на ревность доброго коня. Если конь плох, устанет, выдохнется — считай себя покойником. Поури стащат с седла и разорвут на кусочки.

— Идут, сударь сотник, — негромко сказали позади него. — Мужики подходят. Кажись, из Тупика. И еще кто-то с ними.

Звияр обернулся. Точно — от селения должно шагала густая толпа вооруженных мужиков, и над их головами виднелись уже не просто самодельные рогатины и прочее дреколье, а настоящие боевые пики. Сотник вспомнил — по весне, после зимнего набега гоблинов, многие меняли добычу белотропа на доброе железо, вместо бабьих обновок или иного, полезного в дому.

Не зря, как оказалось, тратились.

Сотник решил было нахмурить брови, но, увидав во главе мужичьего ополчения того самого воина в доспехах (и внезапно, впервые за два года вспомнив, как рубил этот воин огров и абраков), тотчас же передумал.

— Отводи своих, сотник, — не тратя времени на приветствия, походя бросил ему воин. — Поури прут, как весенний паводок, стрелами ты их не остановишь.

— А чем же тогда? — неожиданно вырвалось у Звияра. Голос бравого сотника звучал, скажем прямо, более чем жалко.

— Отходи за заставу, — приказал воин. — Собери сотню в кулак, дождись, когда поури все втянутся в бой и покажут вам спину. Тогда ударишь. Все понял? Когда покажут спину, не раньше!

Звияр торопливо закивал, словно зеленый новобранец перед седобородым десятником. И, не думая, что скажут или там решат про себя его воины, стал спешно отдавать приказы.

Сотня конных двинулась прочь, оттягиваясь к видневшимся неподалеку деревенским домам; воин проводил их взглядом и повернулся к своим ополченцам:

— Не растягиваться! Стоять дружно, ряды сбить! Щиты вперед! Лучникам — во второй ряд! Все делать, только когда я скажу! Кто ослушается — найду и взыщу аж в посмертии.

Последние слова он произнес вроде бы без всякого выражения, но отчего-то никто из мужиков ни на миг не усомнился в том, что это свое обещание он сдержит — как, впрочем, и любое иное.

Ополченцы — а тут собрались люди и из Тупика, и из Моста, и жители дальних хуторов, навроде Косьмы-углежога, — послушно сбились все вместе. Появились широкие, наспех сколоченные из горбыля деревянные щиты — прикрыться от лучников.

Молодой воин остался стоять впереди, перед строем, небрежно отведя в сторону правую руку со странным двухклинковым мечом — никто из поселян и понятия не имел, как называется это оружие.

Ждать ополчению пришлось очень недолго.

Длинные, оттянувшиеся далеко в стороны шеренги

поури как-то все разом, дружно стали выныривать из-под лесного занавеса. Карлики избрали для боя рассыпной строй; многие несли небольшие луки или арбалеты. Впрочем, большой угрозы их стрелки пока не представляли — далеко, ополчение стоит на возвышенности, к тому же людские луки пошлют длинные стрелы куда дальше, чем самые хитроумные устройства поури.

Мужики оцепенело смотрели на приближающегося врага. Невелики ростом поури, но от их славы мороз проберет по коже даже самого неустрешимого воителя.

Сто воинов Звияра. Сотни три с половиной жителей Моста и Тупика. Против самое меньшее трех тысяч карликов, каждый из которых в бою более чем превосходит человека. Конечно, стой ополчение на высоких каменных стенах, тогда да — лучники проредили бы шеренги атакующих задолго до того, как они успели бы приставить лестницы, но тут деревянный частокол стал бы просто ловушкой. Поури он надолго бы не задержал.

Молодой воин по-прежнему стоял перед строем, небрежно опустив оружие и, казалось, даже не смотрел в сторону близящегося врага. Не похоже было, что предстоящее сражение хоть сколько-нибудь волновало его — или он и в самом деле был так неколебимо уверен в том, что сам, своими руками перебьет всех до единого карликов?

Поури перешли с шага на бег — обычный их прием, как можно скорее сшибиться с врагом врукопашную, пока его луки не нанесли слишком большие потери.

— Сейчас! — резко выкрикнул воин, взмахивая рукой.

Стрелы сорвались.

Подобно тому, как тают морозные кружева на стекле под теплым человеческим дыханием, стала таять передовая цепь поури, приняв на себя главный удар.

Парящий в вышине коршун увидел бы, заботь его хоть в малой степени дела двуногих, как редкая и длинная разноцветная цепочка карликов вздрогнула, замешкалась, оставляя позади себя многочисленные неподвижные пятна. Коршун увидел бы, как нелепо взмахивали короткими ручонками поури, валясь в траву чужого поля с торчащей из груди или лица человеческой стрелой, как катались и корчились они на земле; услыхал бы их стоны и предсмертные хрюпы, смешанные с проклятиями, — лишь немногие оказывались счастливы настолько, чтобы получить легкую рану, встать — и пойти дальше, в очередной раз играя со смертью так, словно это и в самом деле всего лишь краткий сон.

Никто из людей и не ожидал, что стрелы остановят атакующих. Дело ополчения — втянуть карликов в бой, а там, когда они все выйдут из леса, в дело вступит сотня Звияра, ударит проклятым в спину — так же, как она ударила в бок зеленокожим гоблинам зимой.

Карлики пытались прикрыться небольшими щитами — напрасная попытка. Длинные стрелы людей пробивали их насеквоздь, глубоко входя в тело.

На излете, бессильные, возле ног первого ряда ополченцев упали арбалетные болты поури. Их стрелки попытались ответить, но слишком рано — и сами, останавливаясь для выстрела, превращались в отличную мишень.

И падали, падали, падали...

Все больше и больше цветных пятен оставалось в измятой траве, все реже становилась передовая цепь поури — но карлики и не думали отступать. Никто не повернул назад, они бестрепетно шли на летящую прямо в лица оперенную смерть, и ясно было, что бой закончится, только когда мертвым упадет последний поури.

Или человек.

Крылья войска карликов сходились, полукольцом

охватывая малую людскую дружину. Задние цепи мало-помалу нагоняли передовую, но больше карликов из леса не появлялось.

Теперь уже, вблизи, арбалеты били в полную силу; передние шеренги ополченцев закрывали добрые щиты, однако в задних рядах раздались первые возгласы боли — стрелы поури находили цель.

— Стоять крепко! — крикнул воин, поворачиваясь к мужикам. — Стоять крепко — тогда до завтра доживете! Побежите — всех перебьют!

Оставив на поле сотни две тел, поури тем временем наконец-то дошли до холма, где стояло ополчение. Несколько их стрел сломалось о латы молодого воина; и он, словно проснувшись, вдруг легко, точно и не давило на плечи железо доспехов, побежал навстречу поневоле сбившимся в кучу поури.

И все на смертном поле — и люди, и нелюди — внезапно услыхали змеиное шипение его двойного меча, рубящего не успевающих расступиться и дать дорогу.

Казалось, воин гребет на узкой лодочонке по стремительной и бурной реке. Оба лезвия закружились вокруг него в нечеловечески быстрой пляске, и во все стороны, точно брызги, полетели разрубленные тела поури. Мечи не знали преград, они рубили доспехи и плоть с равной легкостью; вокруг воина мгновенно возникло кольцо истекающих кровью тел, но поури это ничуть не смущило. Не меньше сотни их окружило человека, остальные, стремительно сбиваясь все плотнее и плотнее, дружно ударили на, в свою очередь, сжавшееся в кулак ополчение.

И вновь, в который уже раз, земля раскрыла черные губы, втягивая еще только миг назад струившуюся по жилам красную влагу. Острия ударили в щиты, рты разорвало криком; дремучая и древняя ярость бросила

врагов друг на друга, заставляя давить и ломать, словно мертвое дерево для растопки, ненавистную чужую плоть.

И взлетал повыше испуганный коршун, потому что предсмертных проклятий умиравших на поле битвы страшится даже он.

Ополчение не попятилось и не показало спины. Не имея выучки и спайки княжых дружиинников (не говоря уж о Вольных ротах), они тем не менее сделали то единственное, что могло помочь им прожить чуть-чуть дольше — еще плотнее сбили строй и принялись отпихиваться длинными копьями. Лучники хоть и в тесноте, но ухитрялись пустить стрелу-другую в упор; карлики падали, падали, падали, шли по телам своих, безжалостно наступая на своих же раненых, норовили поднырнуть под щитами, прорваться в малейшую щель; даже проткнутые насеквоздь, они все равно не останавливались.

Ополченцы медленно пятились назад. Они не имели никаких навыков, они не владели тонким искусством смены первых рядов, когда из глубины строя на место уставших или раненых выдвигаются новые воины; оружие карликов собирало свою дань, и, наверное, только чудо помогало ополчению выдерживать этот бешеный написк, когда разница в росте ровным счетом ничего не значила.

А впереди, перед строем, все крутился и крутился вихрь шелестящей стали. Молодой воин, чьего имени никто из ополченцев так и не узнал, набрасывал вокруг себя окровавленные валы из мертвых тел поури. Стрелы отскакивали от его брони, даже выпущенные в упор; шипастые кистени проносились мимо, наконечники коротких копий скользили по начищенным доспехам, на которых — невесть почему! — до сих пор не появилось ни одного пятнышка. Казалось, воин в одиночку может перебить все войско поури, сам не заработав ни царапины. Других, не столь крепких духом врагов, это

давно заставило бы отступиться от неуязвимого бойца; других, но только не поури. Они нападали яростно и молча, никто не поколебался и никто не повернул назад; они шли вперед и умирали.

И вот настал миг, когда все до единого поури оказались втянуты в бой. Большая их часть по-прежнему теснила уменьшившееся в числе, но все еще стойко сопротивляющееся ополчение; другая тщетно пыталась прорваться сквозь невидимую завесу бешено крутящейся стали вокруг молодого воина.

Наставал черед сотника Звияра.

И сам сотник уже приподнялся в седле, уже взмахнул рукой, его десятки уже послали коней вперед — когда окружавшие неуязвимого бойца ряды поури внезапно расступились и перед молодым воином появился человек среднего роста, с короткой бородкой, окаймляющей лицо, и мрачными черными глазами. Доспехов он не носил — только в руках держал тяжелый вычурный посох, с когтистой громадной лапой наверху и заостренным, точно у копья, низом.

А рядом с ним скользил высокий и тонкий субъект с серой кожей и выразительно торчащими из-под верхней губы игольчато-острыми клыками.

Поури дружно, словно повинуясь неслышимой команде, отхлынули в стороны.

Чародей повернулся к воину и поднял посох, держа его наперевес двумя руками, словно мужик, собравшийся пустить в ход только что выдернутый из плетня кол.

— Ты! . — вырвалось у воина.

— Я, — кивнул чародей. — Я знал, что рано или поздно отыщу вас. Не было нужды прятаться. Я совершил бы требуемые обряды и...

— И Зло воплотилось бы в Эвиале! — яростно выкрикнул воин.

Волшебник дернул шекой.

— Велиом! — внезапно произнес он, глядя в пространство куда-то над головой воина. — Я знаю, ты слышишь меня. Ты совершил ошибку, Велиом, и при том очень большую. Я нашел вас и второй раз не упущу. Ты знаешь, что мне надо. Точнее — кто мне нужен. Отдай его мне, и разойдемся с миром. Ваши жизни мне не нужны. Ни твоя, ни твоей дочери, ни вашего наймита. Ты понял меня? Я иду к тебе!

— Ты отправишься во Тьму! — прорычал в ответ воин. Коротко свистнул двойной меч; поури вновь попятались, но не от страха, а скорее освобождая место сражающимся. На появившуюся невдалеке конницу Звияра карлики внимания пока не обращали.

Волшебник криво усмехнулся и тоже шагнул навстречу противнику, выставив перед собой посох. Дерево вздрогнуло и загудело, отражая удар обрушившегося клинка; воин крутнулся вокруг себя, нанося удар вторым клинком, — но посох опустился всего лишь самую малость, и сталь вновь налетела на преграду.

— Некогда мне с тобой возиться, — неожиданно будничным голосом сказал волшебник, отбивая стремительный прямой выпад — прямо в сердце. — Твой сотник вот-вот будет здесь, а поури мне еще пригодятся.

Он сделал одно движение, одно молниеносное неразличимое движение, острие посоха рванулось вперед, натолкнулось на подставленный клинок, играючи разломило его пополам, пробило казавшиеся несокрушимыми доспехи и глубоко вошло в тело.

Воин пошатнулся, оцепенело уставившись на торчащее из груди черное древко.

— Ты... ты-ы-ы, — в голосе не было боли, только — безмерное удивление.

— Мне жаль, но ты встал на моем пути, — холодно уронил волшебник, резко выдергивая посох из груди раненого.

Кровь хлынула потоком, закованное в доспехи тело

AM 99

с громом и лязгом рухнуло наземь. Волшебник несколько мгновений смотрел на поверженного, и лицо его не покидала странная кривая усмешка, словно ничуть и не нужна была ему эта победа.

Поури, все так же молча, развернулись и ринулись туда, где продолжало упрямо и упорно отбиваться мужичье ополчение. Оно было уже обречено, но кто среди сражавшихся ведал об этом?..

— Пойдем, — маг повернулся к своему спутнику-вампиру. — Нам здесь больше делать нечего. Надо спешишь, а то Велиом опять ускользнет.

* * *

Сkit прятался в густой чаще, не сразу и найдешь — тем более после того, как волшебство заплело и спутало все ведшие к нему тропинки. Девочка сидела на покрытой лоскутным ковриком лавке, поджав к подбородку исцарапанные коленки. На вид ей можно было бы дать лет семь-восемь: самая обыкновенная девчонка, каких тысячи в землях Княж-города: курносая, слегка конопатая, волосы выгорели на солнце почти что до белизны. Скуластое лицо не отличалось красотой, скорее даже наоборот — малоподвижное, какое-то оцепенелое; и жили на нем только глаза, чудные карие глаза, большие и мягкие.

Девочка вроде бы играла — вертела в руках и так и эдак тряпичную куклу, но — странное дело — у куклы не было нарисовано ни рта, ни носа, ни глаз. Пожалуй, другие деревенские девчонки удивились бы даже — как же с такой можно играть? Пугало какое-то, а не кукла.

Девочка вздохнула. Ни у одной из ее кукол — как и у других игрушек — не было лица. Мама и дедушка запретили ей это раз и навсегда. Девочка хорошо рисовала, ей не составило бы труда сделать это самой — но этот запрет был одним из тех немногих, нарушать которые она не могла ни при каких обстоятельствах. По-

тому что иначе она погубит всех — и маму, и дедушку, и дядю. И себя саму она тоже погубит, и никто, никто-никто не сможет ей тогда помочь.

Ей нельзя было делать ничего волшебного. Нельзя было созывать в гости крошечных цветочных фей, поить их разведенным медком, чтобы они потом сплясали ей свои чарующие танцы под льющуюся музыку сотен крошечных невидимых арф; нельзя было разговаривать с наядами и дриадами, хозяйками ручьев и деревьев; нельзя было ни в кого превращаться — когда она была совсем маленькой, ей очень хотелось стать мышкой, посмотреть, как устроены их норки: мама успела остановить ее только в самый последний момент, очень испугалась, плакала, хотела отшлепать дочь; выручил дедушка, он просто показал девочке посредством совсем несложного волшебства, что ничего интересного в мышином жилище нет и быть не может.

Собственно говоря, этим список запретов исчерпывался. Кроме, пожалуй, еще одного, зато стоившего, пожалуй, всего остального — никогда не играть с другими ребятами.

О нет, взрослые старались все ей объяснить. Говорили, что они могут умереть — да, да, по их следам идет кошмарное, страшное чудовище, которое умеет чувствовать колдовство, и стоит девочке хоть на йоту отступить от правил...

Однако она знала, что беда все равно придет. Рано или поздно. Она не сомневалась, она просто знала, наверное, с самого рождения. Враг настигнет ее, придет день, и ей придется сражаться.

Ей никто не давал читать ни одной книги по волшебству. Ни одного посвященного магии трактата. И никто не ведал, что ей вовсе не обязательно листать страницы, для того чтобы узнать, что написано в них. Она умела видеть сквозь обложки и переплеты, разумеется, когда хотела. Но, конечно, объяснить, как она

это делает, девочка никогда бы не смогла. «Смотрю по-другому», вот и все.

Сейчас она вертела в руках тряпичную куклу, прислушиваясь к тому, как мать возится на кухне. Кастрюли и котелки гремели, гремели, гремели, маме совершенно нечего было делать на кухне, однако она все равно перекладывала там что-то с места на место, поправляла, переставляла и вновь перекладывала...

Девочка знала, отчего. Дядя взял свое оружие и ушел из дома, а дедушка сидит в своем кресле с закрытыми глазами и не шевелится, словно мертвый. Девочка знала — он жив, но он колдует. Очень-очень осторожно, чтобы враг не смог бы увидеть их, — так же; как она видит буквы сквозь толстую кожу обложек.

Она не знала, зачем ушел дядя. Но почти не сомневалась — стряслась какая-то беда. Наверное, опять напали враги. Не враг, именно враги, каких много в этом мире и которых можно победить простым волшебством или даже обычной сталью; не тот ужасный враг, при одной мысли о котором она просыпалась почти каждую ночь — с криком и в холодном поту.

И потому девочка не боялась. Дядю победить нельзя. Он справится и с десятью, и с сотней, и с тысячью. Он мастер боя, таких, как он, всего двое в мире — кроме него. Он победит, как победил зимой, и вернется домой, и они устроят настоящий праздник, все будут петь, мама станет играть на маленьком клавесине, а они с дядей — танцевать.

Мама внезапно перестала греметь посудой.

— Отец?.. — услыхала девочка. — Папа, что случилось?.. Ты что делаешь?!

Дедушка колдовал. Для этого девочке не требовалось даже произносить тех тайком выученных заклинаний, которыми она так гордилась. Пытался кому-то помочь, наверное, дяде, наверное, враги оказались чуть

сильнее или чуть многочисленнее. Ничего страшного, если не слишком долго.

— Что ты делаешь! — закричала мама, бросаясь в комнату дедушки. — Остановись! Слышишь?!

«Иначе погибнут люди», — услыхала девочка ответ деда — конечно, он-то и помыслить не мог, что сообразительная внучка давно и легко может читать их с мамой молчаливые беседы. «На сей раз сюда притаились поури. Погибли бы все, и они добрались бы до нас».

Конечно, дедушка был прав. Бросать людей нельзя — это девочка знала твердо. Книги, заменившие ей друзей, повествовали о величайшем долгे волшебника — защищать простых смертных, не владеющих даром чародейства, защищать даже ценой собственной жизни.

«Нет! — закричала мама. — Надо уходить! Нечего ждать, собираясь! Поури перебьют всех! Уходим, за перевал, скорее!..»

«К ограм и гоблинам?! Никогда. Да ты, главное, не бойся, ничего не случится, справимся, как и в прошлый раз справились».

«В этот — не справимся», — с глухим отчаянием сказала мама. Повернулась и пошла обратно на кухню — невесть зачем переставлять с места на место горшки и плошки.

«Все равно — нельзя же людей бросать», — уже вдогонку закончил дедушка. Наверное, хотел, чтобы за ним осталось последнее слово. Хотя какое это сейчас имело значение? Девочка чувствовала подступающую угрозу — но такое случалось с ней нередко, беда все время ходила рядом, искала дороги, незаговоренной, незащищенной колдовством тропинки, и девочка привыкла жить с этим чувством. И сегодня пока что не произошло ничего особенного.

* * *

На смертном поле еще гремело железо, еще рвались из пересохших глоток хриплые яростные вопли. Поури уверенно теснили ополченцев к Мосту, и даже отчаянная атака Звияра делу не помогла — не обращая внимания на потери, поури сражались на два фронта, но отнюдь не собирались обращаться в бегство. Конники Звияра вертелись волчками, опустошая колчаны, но в поури словно бы вселился бес: они топтали собственных раненых и молчаливо, упрямо лезли и лезли вперед, норовя драться до рукопашной.

Волшебник в последний раз окинул взглядом поле битвы, неведомо чему едва заметно покивал головой — глаза сощурены, словно отыскивают цель.

Сколько жизней осталось тут сегодня? Тысяча, полторы, две? Сколько еще останется?..

Некогда думать об этом. Воин Велиома погиб, и вполне возможно, маг сейчас уже во все лопатки улептывает к перевалу, захватив с собой внука. Надо спешить; придется воспользоваться умением Ночного Народа к перекидыванию, процедура малоприятная, но сейчас без нее не обойтись. Кровь, пролившаяся сегодня, навсегда отрезала дорогу назад. Осталось только исполнить свой долг и принять то, что последует за этим.

Черный посох в руке потяжелел, налился жаром.

Миг спустя в небо взмыли две громадные летучие мыши, которым нипочем был дневной свет.

* * *

Страшно закричал дедушка. А миг спустя — мама. Все произошло в какие-то несколько мгновений. Девочка внезапно увидела падающего дядю, с пробившим грудь черным посохом, а потом — суматошное мелькание пары серых перепончатых крыльев.

Опрокидывая стулья, из кухни метнулась мама, сгребла девочку в охапку. Дедушка вдруг захрипел, задергался в своем кресле, точно его душила невидимая рука.

— Беги! — закричала мама, с силой толкая девочку к задней двери. К задней — потому что передняя внезапно затрещала под сыпавшимися градом тяжелыми ударами, словно кто-то очень часто бил в створки настоящим тараном.

Девочка испуганным олененком метнулась к выходу — однако в тот же миг дом вздрогнул весь, от крыши до основания, навстречу девочке рухнул косяк, и на пороге появилась жуткая фигура, с черным дымящимся посохом в руке — тем самым, что она видела пронзившим грудь дяди.

Левый рукав человека постоянно и неприятно вспучивался, словно там билось, пытаясь вырваться из сетей на свободу, какое-то существо.

Девочка узнала его сразу.

Враг. Тот самый, от которого они так долго скрывались и который в конце концов все-таки настиг их.

Девочка оцепенела, замерла на месте, что было сил прижимая к груди свою тряпичную куклу. Мелькнула мысль, что кукле, наверное, тоже страшно — взрослые говорят неправду, когда утверждают, будто игрушки совсем-совсем неживые.

Наперерез врагу метнулась мама, руки вскинуты над головой, словно она собралась рубить дрова невидимым топором.

— Не-е-е-е-е-т!!! — от ее крика, казалось, сейчас рухнет крыша.

— Где он? — рявкнул в ответ враг. — Где твой сын?!

Сын? Разве у нее был еще и братишка? — мимоходом удивилась девочка. Она никогда ни о чем подобном и слыхом не слыхивала.

Мама ничего не ответила. Просто слепо ринулась

прямо на врага. Девочку окатила волна сухого палящего жара, вокруг мамы заклубилось голубое пламя, она начала произносить какие-то слова — дом заходил ходуном от высвобождаемой Силы.

Девочка скорчилась в уголке, не выпуская куклы.

Враг не отступил, он взмахнул посохом — и голубое пламя столкнулось с черными тучами, рванувшимися из-под его внезапно взметнувшегося к самому потолку развивающегося плаща.

Мама пошатнулась, но устояла. Слова заклятья одно за другим срывались с ее губ, и голубое пламя мало-помалу начало складываться в гротескные контуры какого-то сказочного зверя.

«Держись!» — услыхала девочка. Так и есть — на подмогу подоспел дедушка.

Враг отступил на шаг. По его лицу внезапно потекла темная кровь — но тьма все сгущалась и сгущалась, голубые клинки вязли и тонули в топкой черноте, словно неосторожный путник в зыбучих песках.

Краем глаза девочка увидела дедушку — его седые волосы разевались, словно под сильным ветром. Что он сделал — девочка в первый миг не поняла, но весь правый бок врага словно бы взорвался изнутри, полетели обрывки одежды, кровь брызнула на пол; враг коротко застонал и отступил еще на шаг.

Ну, давайте, скорее, скорее, сейчас, вот сейчас!..

Враг глухо зарычал, черный посох описал дугу, круша голубые копья, направленные ему в сердце; одним движением он очутился рядом с мамой; правая рука его бессильно висела, однако — круша и ломая сотканные из голубого огня щиты, острие черного посоха ударило маме в грудь и окровавленный наконечник высунулся у нее из спины.

Девочка не закричала, она не в силах была даже мигнуть. Она видела, как мама медленно падает набок, а окровавленный враг уже поворачивается к дедушке,

черное копье отшибает в сторону поднявшийся для защиты огненный меч, и тяжелое навершие посоха удараляет дедушку в висок.

Передняя дверь наконец рухнула, в комнате неслышно возникла серая тень.

— Вы ранены, мастер? — услыхала девочка странный шипящий голос.

— Да, — едва слышно отозвался враг. Он едва стоял, опираясь на посох. Голова его, казалось, с трудом держится на плечах.

— Мастер! — теперь девочка смогла рассмотреть нового пришельца. Серая кожа, острые клыки, торчащие из-под верхней губы, красные глаза. Без сомнения, вампир.

— Я в порядке, — враг поднял наконец глаза, и девочка невольно встретилась с ним взглядом.

Ее словно окунули в ледяную воду. Такая ненависть была в этом взгляде, такая жажда крови. У нее не хватало слов описать все то, что она ощутила в то мгновение.

— Девчонка! — вдруг услыхала она. Враг выронил посох, схватившись за голову здоровой рукой. — Девчонка! Не парень, не парень!

Не выразить и не описать словами прозвучавшее в его голосе разочарование. Словно приговоренному к смерти прочли на эшафоте помилование, а миг спустя объявили, что это не более чем княжеская шутка. То есть это даже было не разочарование, а именно смертный приговор — всему, всему, всему.

Девочка ощущала, как тряпичная кукла у нее на груди ожила и попыталась как можно теснее прижаться к хозяйке.

— Смотрите, мастер, — вдруг сказал вампир, указывая на ожившую куколку.

Враг не ответил, неотрывно смотря на девочку, и ее начинало трясти все сильнее. Она знала, что такое

смерть, и отчего-то сейчас очень-очень захотелось убежать именно туда, где ее не достанет уже никто и никогда. И где она встретит маму с дедушкой.

— Да, — внезапно выдохнул враг. И шагнул вперед.

— Вы думаете, она сгодится, мастер? — обеспокоенно спросил вампир.

Враг вновь ничего не ответил. Склонился над дрожащей девочкой, размахнулся и со всей силы влепил ей звонкую пощечину, от которой она кубарем покатилась по полу.

— Посмотри вокруг, червяк, — услыхала она глумливый голос врага, в котором не слышалось и следа боли. — Я сделал это с твоей матерью и дедом. Могу сделать и с тобой. И сделаю, если ты еще раз окажешься у меня на пути. Твое счастье, мне нужен был мальчишка, так что живи, тварь. И помни мои слова!..

Он шагнул к ней, ударил вторично. Из ее разбитого носа потекла кровь — но глаза оставались сухими.

Волшебник криво усмехнулся, пнул мертвого дедушку в бок, плунул на залитое кровью, застывшее лицо мамы — и пошел прочь, почтительно поддерживаемый под руку своим слугой-вампиrom.

Миг — и они оба скрылись.

Девочка, точно раненый зверек, доползла до тела мамы — и только тогда заплакала.

Кажется, она даже теряла на время сознание от плача. Ожившая куколка теребила ее за ухо, и она приходила в себя.

Мама и дедушка лежали совсем-совсем мертвые. Насовсем. Навсегда. Они там, откуда не возвращаются. Никогда. Она одна. Зачем?..

Ее лицо все еще горело от полученных пощечин. Никогда в жизни никто не тронул ее и пальцем. Ее никогда не наказывали. Ей всегда все объясняли так, что она понимала. А за разбитое, сломанное или прожженное никому не приходило в голову бранить ее. Мама

только улыбалась, дедушка усмехался и грозил пальцем — не больше.

А теперь они лежат, мертвые, и убивший их враг ушел, скрылся в бесконечном громадном мире, оставил ее одну.

Нет, не совсем одну. Тряпичная куколка. Девочка случайно оживила ее, неосознанно совершив то, что ей всегда строго-настрого воспрещалось. Впрочем, что значили сейчас все эти накрепко затверженные запреты?..

Запретов больше нет. Никаких. Тебе понятно это или нет?

Нет больше ни мамы, ни дедушки, ни дяди. И нет больше никаких запретов.

Она встала, взяла на плечо маленькую тряпичную куклу. Шмыгнула носом, вытерла рукавом слезы. Она больше никогда не будет плакать. Что более страшное может с ней случиться?..

Ничего.

Куколка на удивление крепко, точно подкаменная ящерка, вцепилась ей в курточку, словно говоря — не беспокойся обо мне, я не упаду.

Девочка медленно поднялась. Надо собрать вещи. И надо уходить. Ни в Мосту, ни даже в Тупике ее никто не знал и никогда вообще не видел. Что она им скажет? Кто ей поверит?..

И тем не менее она не боялась. Она просто знала — ей надо уходить. Далеко-далеко отсюда.

Наверное, так находит дорогу к родному дому кошка, потерявшаяся за сотни лиг от него.

На пороге раздалось деликатное покашливание.

Она подняла голову. Она уже ничего не боялась. И ничему не удивлялась. Даже уродливому поури, пропнувшемуся в дверной проем.

Карлик несколько секунд молча разглядывал девочку, смешно склоняя голову то к правому плечу, то к левому.

— Точно, она, — сказал он наконец, словно обращаясь к самому себе. — Она самая. Имманентно и необходимо она.

Откуда поури узнал ученое слово «имманентно» — кто ответит? Скорее всего — от какого-нибудь умирающего монаха в разоренном и сожженном монастыре...

Она смотрела на поури не отрываясь. Он пришел ее убить? Пусть. Ничего хуже того, что уже случилось, не произойдет.

Отчего-то она совсем-совсем не боялась. Ну ни капельки. Совершенно и абсолютно.

— Страшиться не надо, — словно опомнившись, торопливо сказал поури. — Враждебных намерений не имею. Пришел помочь.

— Чем? — эхом отозвалась она. — Можешь оживить маму?

Она произнесла это с горьким сарказмом, неожиданным для восьмилетней девочки.

— Маму? — поури скривил тонкие губы. — Не, не могу. Послушай, пойдем отсюда. Нечего тебе здесь делать.

— Я теперь сама решаю, что мне делать, — отрезала она.

— А еду ты уже решила, где брать будешь? — парировал поури.

Она прикусила язык. Проклятый карлик был совершенно прав.

— А вдруг ты меня съешь? — вырвалось у нее.

— Съем?! — внезапно рассвирепел поури. — Вот глупая девчонка! Никогда еще не видел таких глупых человеческих девчонок. Да если б хотел — давно уже съел. Связал бы, зажарил и съел. А я тут с тобой все толкую и толкую. Усекаешь, э?

— Усекаю, — согласилась она. — Так что, надо идти, э?

— А ты тут собираешься оставаться? — карлик осклабился в ухмылке. — И что делать, э?

Она не ответила.

— Короче, собирай манатки и пошли, — сказал поури, поворачиваясь к ней спиной. — Я сейчас кого-нибудь из наших приведу... поможем тебе твоих похоронить. Мы волшебников чтим.

Девочка не сообразила спросить в тот момент, а откуда, собственно говоря, поури знает, что ее дедушка и мама обладали волшебной силой?

— Много не бери, — распорядился напоследок поури. — Не потому, что нести тяжело, а просто... не-може вещи из мертвого дома брать. Беда следом пойдет.

— Я уже ничего не боюсь, — отрезала она. Совершенно не по-детски.

— И напрасно, — покачал головой поури. — Если хочешь жить — надо бояться.

— А если мне незачем жить?

— Вот глупая девчонка! Нет, настолько глупых человеческих девчонок я точно никогда не видывал. Живут для того, чтобы жить, а иного смысла пока еще никто не открыл. Ну как, философическая дева, идешь со мной? Или нет? Решай быстро!

Она закусила губу и быстро кивнула.

Старая жизнь уходила навсегда.

* * *

Поури сдержали слово. Очень скоро их тут оказалось, наверное, с пятьдесятков. За работу они взялись споро и дружно.

Выкопали две могилы, не жалея спин, притащили из лесу пару замшелых валунов, пыхтя, взгромоздили их на только что засыпанные ямы.

Девочка не проронила ни слезинки. Слезы кончились раз и навсегда, когда она плакала на груди мертвой матери.

Она ничего не взяла с собой, кроме лишь немногого нужного в дороге. Да еще маленького, оправленного

в серебро рога, невесть уж как и почему оказавшегося у дедушки. Дедушка очень его ценил, берег, любил в свободную минуту полировать серебряный оклад — так пусть же рог и дальше гуляет по свету!.. Настанет день, когда она, Лейт, протрубит в этот рог перед бастионами врага, и гордые знамена затрепещут в ужасе перед ней, Мстительницей...

А потом она подошла к могильным камням. Невесть откуда пришедшим властным, достойным королевы (даже не принцессы!) жестом молча велела поури отойти.

Сощурила глаза. Вгляделась в поверхность камня, словно норовя рассмотреть какие-то мелкие письмена.

Раздалось легкое шипение. Зазмеился дымок.

И на поверхности валуна стали медленно проступать буквы.

Эльфийский прихотливый алфавит, каким привык писать письма дедушка — письма к старым друзьям, которые, девочка знала, никогда никому не отправлялись.

«Велиом, волшебник. Убит магом с черным посохом. Кто сможет это прочесть — отомстите за него. Если не удастся мне».

«Дариана, дочь Велиома, волшебница. Убита магом с черным посохом. Кто сможет это прочесть — отомстите за нее. Если не удастся мне».

И в обоих случаях она подписалась — но не обычным своим домашним именем — Лейт; совсем-совсем другим.

Ниакрис.

На языке эльфов — нечто больше, чем ненависть, чем боевое безумие, чем ярость. Ниакрис — это то, что двигает человеком, когда тот идет мстить, будучи готов уплатить куда более высокую цену, чем собственная жизнь.

Поури за ее спиной выразительно молчали. Похо-

же, кое-кто из них понял написанное, по крайней мере подпись.

Ниакрис. Так отныне будут звать некогда нежную Лейт.

Она отыскала взглядом в толпе первым заговорившего с ней карлика.

— Я готова, — произнесла она, поворачиваясь спиной к брошенному на произвол судьбы последнему убежищу несчастной Дарианы и ее отца.

* * *

Дорога подхватила ее, закружила, повлекла за собой, точно бурная река — маленький желтый осенний листок. Поури уходили на юг, оставив за собой пылающие развалины Моста и Тупика. Поури на сей раз удовольствовались тем, что просто сожгли все, могущее гореть, не предаваясь своему излюбленному занятию — охоте за людьми. Большинству обитателей удалось сбежать. И сейчас отряды карликов бодро маршировали на юг, старыми лесными тропами, невесть кем и невесть для чего проложенными.

Взявший опеку над девочкой карлик не отходил от нее весь первый переход, а на привале неожиданно сказал:

— Ну, хватит бездельничать. Назвалась Ниакрис — будь любезна, соответствуй.

— А это как? — насторожилась девочка.

— Ну, для начала — научись кашеварить. Это умение, знаешь, и в дороге всегда пригодится, и в людских местах на кусок хлеба заработкаешь... гм... честным трудом.

Надо учесть, что никто из рода поури никогда не заработал честным трудом даже медного гроша. Если, конечно, не считать честным трудом наемничество.

— Хорошо, — сказала девочка. Сказала без всякого выражения, без неприязни, отвращения, любопытст-

ва — ей словно было все равно, что делать: кашеварить или убивать.

Так началось ее учение.

Она варила поури их любимую кашу, на человеческий вкус — совершенно отвратное месиво с тошнотворным запахом. Но — варила, не морщась и не отворачиваясь, и поури что было силы колотили ложками по котелкам, тем самым выражая высшее одобрение стряпухе и одновременно требуя добавки.

А потом...

— Меч в руках когда-нить держала? — без обиняков спросил опекавший ее поури. — Держала, нет, э?

— Держала, — кивнула девочка.

— Тогда бери, — поури бросил ей на колени короткий клинок в простых ножнах, обтянутых черной кожей. — Бери и становись. Посмотрим, как ты его удержишь...

Поури не признавали тренировок на тупом оружии. Они бились всегда боевым, и притом в полную силу. Далеко не все возвращались домой со своего первого и зачастую последнего в жизни поля...

Девочка медленно выпрямилась, вытерла руки о грязный передник. Сбросила его, раздернула шнуровку на курточке. Встала перед поури; клинок вылетел из ножен с легким шорохом — Ниакрис выдернула его одним движением, настолько отточенным и четким, словно за этим стояли годы и годы упорных занятий.

Поури крутил излюбленное оружие своего народа — шипастый цепной кистень. Обе руки его защищены были рукавицами толстой воловьей кожи с насыщенными железными полосами. Он, похоже, не собирался ничего объяснять или показывать. Девочке, назвавшей себя Ниакрис, следовало доказать свое право носить это имя.

Добрая и мягкая девочка по имени Лейт любила играть в куклы и помогать маме на кухне. Любила слу-

шать дедушкины сказки или бесхитростные рассказы дяди о сражениях и битвах, в которых ему довелось участвовать. Пару раз ей давали в руки оружие, но обучение еще только началось, когда их настиг враг.

А теперь она стоит перед поури, и кистень карлика зловеще шипит, крутясь над уродливой головой. И он не остановит смертельного удара. По-другому учить поури не умеют. Трудно винить их за это.

— Защищайся! — поури скользнул вперед, воздух возле самой щеки девочки словно бы лопнул — так близко пронеслось голодное железо.

Она отшатнулась в последнюю секунду. Как защищаться, она не знала. А наитие не помогало. Совсем. Ну ни чуточки. Все, что она смогла сделать, — это увернуться от шипастого шара. Раз, другой, третий...

Но, как известно, уклоняясь и уворачиваясь, победить невозможно.

Она попыталась сделать неловкий выпад — поури небрежно крутнул кистень, цепь захлестнулась вокруг клинка, и миг спустя эфес вырвался из ее ладони — так, что едва не вывихнул кисть.

— Труп ты, и больше ничего, — проворчал поури, швыряя ее оружие наземь. — Не умеешь ты ничего. А еще Ниакрис назвалась! Да тебя любой захудалый гоблин схарчит, не говоря уж о ком посеръезнее... Ладно, что с тобой делать. Подбери железо. Ногу левую вперед выстави. Согни немного. Немного, я сказал! Как будто вот-вот с места сорвешься. Меч держи двумя руками — щит тебе не потянуть, так что шустрее поворачиваться придется. Не смотри на оружие — смотри внутрь.

— Это как? — удивилась она.

— А так, — передразнил карлик. — Ты колдунья или нет? Ну так и пользуйся. Пока хоть как-то мечом владеть научишься, тебя даже ребенок зарежет, если магию не станешь в ход пускать.

— Да я же не умею...

— Врешь, умеешь, да еще как. Просто слов для этого не знаешь и в себя заглянуть боишься. Пфуй! — карлик презрительно вытянул губы трубочкой. — Ты даже с тараканом запечным не справишься. Пока с тебя все старая шкура не сойдет, толку не будет. Имя Ниакрис так просто не дается, милая. Давай, чего встала столбом? Продолжим...

...Нельзя сказать, что поури добился бы каких-то невероятных успехов, но к тому времени, когда отряды карликов пересекли границы своих владений, девочка уже не давала так просто себя обезоружить, а возле уха учившего ее поури появился свежий шрам — след от мало что не снесшего ему голову удара.

Правда, на самой Ниакрис этих шрамов появилось чуть ли не два десятка, в том числе пара — на лице. Небольшие и не слишком заметные, но, как ни крути, — шрамы. Как у настоящего воина.

* * *

Жизнь в стране поури поражала полной своей внешней безалаберностью и бестолковостью. Ниакрис очень быстро поняла, что здесь нет ни князя, ни его дружинников, ни важных ученых волшебников, ни лекарей, ни книгочеев, ни монахов. Поури жили только войной. Война кормила, поила и одевала — разумеется, тех, кто сумел с нее вернуться. В бою каждый был за всех и все — за одного; но потом, когда отряды возвращались домой с награбленным, каждый оказывался сам за себя. Каждый лечил себя сам, как умел; как умел, ладил себе оружие; как умел, кроил и мастерил одежду из взятой добычи. Сильные забирали у слабых, и никого это не удивляло, и никто не пытался этому помешать. Слабые, в свою очередь, или отбирали у еще более слабых, или сбивались в ватаги и нападали на окрестные земли на свой страх и риск.

Ниакрис не увидела здесь ни женщин, ни стариков, ни детей. На ее вопросы поури отвечали, просто пожимая плечами:

— А зачем они нам?..

До вопроса «а откуда ж вы тогда беретесь?» Ниакрис, наверное, тогда еще просто не дорошла.

...Прошло несколько дней, и поури, учивший ее сражаться, неожиданно перестал делиться с ней едой.

— У нас, красавица, так — что добыл, то твое, — с ухмылкой пояснил он ей, щеря в нехорошой усмешке мелкие острые зубы. — А коли не добыл, так на себя пеняй. Усекла, э?

— Усекла, — кивнула девочка. Ей очень хотелось есть — в изобилии у поури имелась только вода.

— Тогда иди, — сказал ей поури, помешивая обгрызенной деревянной ложкой в помятом котелке. — Иди и хоть пригоршню сухарей себе добудь. Помни — назавтра сил станет меньше. А значит, и отнять будет сложнее.

Поури отвернулся и отправил в рот полную ложку своей дурнопахнущей каши, давая понять, что разговор закончен.

Ниакрис молчаливой тенью выскользнула из шалаша.

Поселок — не поселок, стойбище — не стойбище, короче — лагерь поури кишмя кишел народом. Большинство занималось вполне мирными хозяйственными делами (в которые, правда, не входило земледелие или, к примеру, ткачество со скорняжничеством) — время от времени прорыскивали вооруженные до зубов группки карликов, злобно зыркая во все стороны, словно выискивая, с кем бы подрасться. Ниакрис нигде не видела ни огородников, ни пахарей — словно поури вообще добывали пропитание невесть откуда. Кстати, их любимая каша варилась из семян буйно росшего по-

всюду сорняка, вымахивавшего в полный рост взрослого человека.

Девочка растерянно брела по табору, озираясь по сторонам. Она никогда ничего ни у кого не отнимала — тем более, ей никогда не приходилось драться за еду.

Но поури был прав. Если она не будет есть, силы уйдут. И тогда она точно уже не сможет отомстить — потому что кто знает этих поури, еще и в самом деле съедят...

Несколько раз она замечала карликов, уплетавших за обе щеки свою кашу, сидя под латаными-перелатанными пологами; ладони девочки мгновенно покрывались потом, и, столкнувшись взглядами с поури, она поспешно отводила глаза.

Вернулась она, ничего не добыв, голодная и злая.

Полночи она просидела в углу грязной палатки, сжавшись в комочек. Поури безмятежно хрюпал на соломенной подстилке, в обнимку с еще неостывшим после ужина горшком с кашей.

Это было еще одно правило — поури не знали воровства. Сильные не крали, сильные отнимали.

Под утро Ниакрис встала и тенью выскользнула из палатки. Будь что будет, она должна достать еду. Иначе она пропала.

Она не стала тратить много времени на поиски. Какой-то незадачливый карлик поднялся в этот день до света и уже развел костер, основательно устроив над ним массивный треножник, явно добытый в каком-то трактире.

Ниакрис молча шагнула из темноты. Меч в руке, и она очень старалась, чтобы дрожь острия была б не очень заметна.

Поури мячиком вскочил на ноги. Может, он и удивился, заметив у своего костра человеческую девчонку, но кистень мгновенно оказался у него в руке, и шипас-

11.0.93
SA

тый шар со свистом пронесся совсем рядом с головой Ниакрис. Она едва успела отшатнуться.

Поури злобно оскалил зубы. Шагнул вперед, все убыстряя и убыстряя вращение цепи — верно, решил, что на сей раз ему повезло и явившаяся к нему за добычей сама превратится в оную.

Ниакрис вновь попятилась. Ей стало донельзя страшно — это уже не урок, это битва насмерть. Поури не задержит смертельного удара и не предложит подобрать выроненный меч.

Что ей говорил наставлявший ее карлик — «пока вся старая шкура с тебя не сойдет, толку не будет»? И что — «в себя заглянуть боишься»?

Нет, она не боится заглянуть в себя. Она знает, что увидит там мертвую маму, и мертвого дедушку, и дядю, который так и пропал где-то на смертном поле.

Но не только это. Там будет и сожженная деревня, одна из многих, дотла разоренных поури; и другие мертвые на улицах, не ее родственники, но тоже чьи-то мамы, дедушки и папы, чьи-то сыновья, дочери, братья или сестры.

Так что ж она медлит? Ей предстоит пройти ее путь до конца, и, если на этом пути встал какой-то ничтожный поури, у которого руки и так по локоть в крови, — как можно колебаться?!

Ты или убьешь, или умрешь. Жестокий и страшный закон, хуже которого ничего нет под вечным небесным сводом. Человек слишком уж сильно хочет жить. И с легкостью отнимает чужие жизни, чтобы только жить самому. Подобно самым кровожадным хищникам, тем, которых гонят их же собственные сородичи и которые убивают не только для еды, но и для удовольствия.

Убивай или умирай, Ниакрис. Вот именно этот поури ничего тебе не сделал, он всего-навсего подвернулся тебе под руку; и вот оказалось, что этот огромный мир слишком тесен для вас двоих, и вы уже сражались

етесь насмерть, и ваш поединок будет вестись не по правилам благородного боя, о, отнюдь нет; вы будете норовить ударить в спину и добить упавшего. Ты превратишься в такого же зверя, что и этот несчастный поури из проклятого, невесть как живущего и выживавшего, всем ненавистного племени.

И внезапно меч в руке стал легким-легким, невесомым, словно прутик; и сталь рванулась навстречу крутящемуся шару, столкнулась с ним, высекая искры; кистень отбросило в сторону, а меч Ниакрис, завершая гибельную дугу замаха, рассек уродливую голову поури и застрял в плотной грудине, развалив тело карлика чуть ли не пополам.

Поури не успел даже крикнуть. Просто упал под ноги Ниакрис, подобно колоде.

Она замерла, хрипло и тяжело дыша. С нее ручьями лил пот, она его не замечала. Окровавленный меч выпал из бессильно разжавшейся ладони.

Она взяла свою первую жизнь. Она пойдет дальше отмеренным ей путем, а этого поури сожрут черви. Она победила, а он проиграл — и все остальное значения уже не имеет.

Ниакрис еще сумела унести с собой найденные в палатке припасы — пресный и черствый хлеб, точнее, просто лепешка из грубой муки да горшок с кашей. Рвать ее начало позднее, когда она почти уже добралась до «своего» полога.

— Ну что, явилась? — поури открыл глаза, словно и не он только что хрюпал во всю мощь. — Принесла? Ага, вижу, принесла. Славно, девочка. Далеко пойдешь. Убила, и не поморщилась. Еще даже и не проголодавшись как следует. Интересно, и чем же вы, люди, так от нас, поури, отличаетесь?..

Девочка ничего не ответила. Вопрос был явно риторическим.

* * *

После этого она уже добывала еду без всяких колебаний. В их палатке не переводились ни хлеб, ни крупа, ни горьковатое масло, что поури давили из семян дичка-подсолнуха. На нее уже смотрели с уважением и опаской. С поури они занимались каждый день — и вскоре ученица уже ни в чем не уступала учителю. Не за счет, конечно же, телесной силы или особенного боевого умения — ни то ни другое не выработать за считанные месяцы.

Магия — в полном соответствии с советом все того же поури. Магия заменяла недостающее. Творить волшбу стало для Ниакрис так же естественно, как дышать, — и, спроси у нее, как она делает то или иное, она не смогла бы ответить, даже при самом сильном желании.

А потом ее позвали в набег. Вместе с ее наставником-поури.

Пять сумрачных карликов в добрых кожаных доспехах, при полном параде, вооруженные до зубов.

— Мы выходим завтра на рассвете, — не тряся время на приветствия и тому подобное, сказал старший пятерки, уже далеко не молодой поури с иссеченным сабельными шрамами лицом. — Хочешь, пойдем с нами. Ты и она, — грязный кривоватый палец ткнул в сторону Ниакрис. — По-моему, хватит ей тут сидеть. Пора самой о себе заботиться.

— Вот и я говорю — хватит, — кивнул девочкин опекун.

Теперь уже на Ниакрис смотрело шесть пар глаз.

Лицо ее оставалось совершенно бесстрастным, однако ногти до боли впились в ладони.

Набег. И конечно, на людские земли. И ей, Ниакрис, если она встанет в один строй с карликами, придется убивать таких же людей, как она сама. А они, ко-

нечно же, защищая свое добро, имеют полное право убить ее.

Так что же делать? Отказаться? Но у поури не приятно говорить «нет», когда тебя зовут на подобное предприятие: это значит — тебя уважают и тебе оказывают высшее доверие.

Девочка закусила губу. Она должна добраться до того мага с черным посохом, должна любой ценой! А что, если ей удастся?..

Ее глаза сузились.

— Я пойду с вами, — резко сказала она, отбрасывая со лба давно не мытые, спутанные волосы.

Поури переглянулись и дружно кивнули.

— Тогда завтра, — произнес старший пятерки. — Мы вас найдем.

Когда нежданные гости скрылись, карлик-опекун хитро покосился на девочку.

— Пойдешь с нами, э? А не забоишься?

— Не забоюсь, — Ниакрис замотала головой. — Чего мне бояться-то — теперь?

— Верно, нечего, — кивнул поури. — Тебе-то — и подавно. Только смотри — своим по первости кишки выпускать страшно будет.

Ниакрис пожала плечами — мол, что мне все это?

— А вот это ты зря, — наставительно сказал поури. — Пока себя в настоящем деле не попробовала — не зарекайся. Мы за тобой присмотрим — по первости, чтобы самим из-за тебя под топор не попасть.

* * *

Они и в самом деле вышли на рассвете следующего дня. Табор поури еще не проснулся, и, казалось, никто не заметил странный отряд — шестерых поури и чумазую человеческую девочку с коротким мечом у пояса и небольшим щитом, заброшенным за спину.

Все потребное поури несли на себе. Ниакрис тоже

получила свою долю общего груза. Плечи сразу же согнулись, земля, казалось, тянула к себе втрое сильнее, однако она не проронила ни звука. Шла, почти теряя сознание от усталости, но не жаловалась и ни о чем не просила. Наверное, неосознанно она вновь прибегла к магии — потому что как иначе нетренированная девочка восьми лет могла угнаться за крепкими, жилистыми поури, привыкшими покрывать за день десятки лиг своим неутомимым волчим шагом.

Однако она не отставала. Ни на полсажени. Сдувала набегающий на брови пот, сильнее сощуривала глаза — и шла, шла, шла, мерила шагами чужую землю, и клинок то и дело больно ударял ее по бедру. Идти увенчанной оружием было тяжело и неудобно и хотелось как можно скорее сбросить докучливую груду железа — и зачем только она ей?..

Шли долго, дни сменялись днями, становилось все жарче — тропа войны вела поури на юг. На богатый, сытый, несколько обленившийся юг, предпочитавший откупаться от подобных находников, чем встречать их острой сталью.

Карлики избегали дорог, предпочитая непролазные на первый взгляд чащобы и буреломы. Благополучно миновав все три засечные черты, возведенные в свое время правителями Княж-города, маленький отряд углубился в людские пределы, куда обычно поури отваживались являться только как полноправные союзники — даже их прославленная стойкость едва ли могла помочь против тысяч и тысяч окольчуженных всадников княжьей ближней дружины. Конечно, дружина умылась бы кровью — но и из карликов не ушел бы никто.

Ничего этого Ниакрис, конечно, не знала. Делила со всеми походные тяготы, в свою очередь таскала в лагерь воду, в свою очередь кашеварила. Поури по оч-

реди становились с ней для потешного боя, по мнению девочки, ничем не отличавшегося от настоящего.

— А если тебя сейчас не стараться убить — так никогда и не научишься как следует защищаться, — резонно замечал ей кто-нибудь из поури, когда она лишь в последний миг ухитрялась увернуться от смертельно-го удара.

Так проходили дни — когда наконец впереди в сплошных чащобах не замаячил просвет.

...Они стояли на самом краю зарослей, тщательно закутавшись в покрытые зелеными и коричневыми разводами плащи. Впереди почти на три полета стрелы тянулись тщательно возделанные поля, за ними теснились друг к дружке крытые тесом избы, а еще дальше, на холме, — непривычно острые, словно копейные навершия, каменные шпили возносились к небу над кольцом отвесных, кое-где подпертых контрфорсами стен.

— Монастырь Ищущих, — старший поури скривил и без того уродливую физиономию, презрительно сплюнул. — Ищут, понимаешь ли, истину. Только помимо этого набрали еще целые подвалы золотишко и всякого прочего добра. Пора б им и поделиться.

Остальные дружно закивали. Ниакрис осталась неподвижна.

— Ждем здесь до ночи, — сказал старший. — Луны сегодня не будет, так что только псов их останется положить. А стража у них — ухохочешься.

— А как же настоятель ихний, диаконы и все такое прочее, э? — усомнился наставник Ниакрис. — Слыхал я, что искусны они в колдовстве. А нас всего шестеро!

— Семеро, ты забыл? — ухмыльнулся старший. — Иль девчонке своей не веришь? Тогда зачем учил?

— Верю поболее, чем иным другим тутошим! — злобно оскалился карлик. — Когда до дела дойдет, ты мои слова еще попомнишь!

— Это уж точно, — сплюнул старший. — Ладно, хорош. Значится, как стемнеет...

— Полезем через стену? — вдруг сказала Ниакрис. — Не надо... собак там много будет. Я их отсюда чую.

Ее наставник с торжеством показал длинный и острый язык старшему.

— Понял, э? Псы на стенах!

Поури задумался, но только на мгновение.

— Псы, гришь, на стенах? Умны монаси, ничего не скажешь. А может, надоумил их кто... — он выразительно покосился на девочку, но та встретила его взгляд совершенно безразлично.

— Тогда тоннелем пролезем, — не колебался карлик. — Если я хоть чегой-то в монасиях смыслю — должен тут такой быть.

Ниакрис прикрыла глаза. Она явственно чувствовала этот самый тоннель. Монахи, обитатели монастыря, видно, прорыли его давным-давно, к недальней реке, — но потом сумели поднять глубинные воды и наполнить обычные колодцы. Ход стал ненужен, но его продолжали поддерживать в порядке, уже не для снабжения водой, а как путь спасения на самый крайний случай.

Много странного чувствовалось вокруг этого монастыря. Очень и очень много, так что бывалый чародей счел бы за лучшее потихоньку убраться отсюда куда подальше, пока голова еще крепко сидит на плечах, — но кто мог объяснить Ниакрис все эти премудрости?..

Но девочка в тот миг думала совсем о другом. Сказать карликам о том, что она точно знает, где под водой начинается галерея? Чтобы они ворвались внутрь, перебили бы бедных монахов, которые, конечно же, против таких, как поури, — меньше чем ничто... Значит, она

сама откроет дорогу смерти, и чьи-то отцы, братья или сыновья будут валиться на скользкие от крови камни...

Веки Ниакрис медленно приоткрылись. Нет, этого не будет!.. Сейчас она уже жалела, что у нее с языка сошло это предупреждение — о собаках. Зачем, ну зачем она это ляпнула?.. Теперь придется все делать самой. А это так страшно...

— Тоннель... — проворчал один из карликов. — Как же, отыщешь ты его так вот запросто... Тут надуть с подходом... — говоря, он вытащил из кармана моток грязной, засаленной бечевы, продетой в белый камешек с проточенным водой отверстием в середине. — Вот, захватил с собой. Как знал, что придется подводные ходы искать!

У Ниакрис оборвалось сердце. Только что ей казалось, что она держит в руках судьбы этой шестерки, — и вдруг...

— Да я в тебе и не сомневался, — вновь ухмыльнулся старший.

* * *

К реке они подошли в сумерках. Вечерние луга, подернутые туманом, плавно спускались к извилистому речному ложу. Заросшие старицы, небольшие пруды — поток часто и прихотливо меняв свой путь. Слева угремо темнели монастырские стены, справа тянулись жемчужные завесы вечерней мглы; было тихо, только в реке нет-нет да и плеснет крупная рыбина.

Карлики выбрались на мокрый речной песок. Как ни странно, они совершенно не боялись — впрочем, они никогда и ничего не боялись; они словно и не чувствовали грозной и жестокой силы, затаившейся среди острых шпилей, что недаром так смахивали на длинные боевые копья.

Поури — тот самый, с «куриным богом», — не торопясь размотал грязную веревку. Раскрутил камень

над головой и, совершенно не заботясь о том, чтобы их никто не услыхал, забросил в реку, держа оба конца бечевы в руках.

Камень, как ему и положено, тотчас пошел на дно. Выждав несколько мгновений, поури со вздохом принялся сматывать веревку. Крутнул снова, камень плеснулся, уходя под воду — шагах в десяти ниже по течению...

Вход в подводную галерею поури нашупал раза с десятого. Ниакрис сжала кулачки — она и рада была бы помешать этому волшебству, но, сколько ни твердила про себя: «Чтоб у тебя ничего не вышло бы!» — поури все-таки добился своего.

— Странно, — проворчал он, стоя с подергивающейся бечевой в руках. — Обычно раза с третьего самое большее получалось...

— Ну, чего встали? — рявкнул старший поури. — Впервый, что ли? За бечеву взялись и потопали!

Повторять ему не пришлось.

Холодная вода залила за сапоги, дошла до пояса — Ниакрис зябко поежилась. Верно, здесь со дна били ледяные ключи. Головы поури одна за другой скрывались под водой; девочка заставила себя не смотреть на черную поверхность, набрала побольше воздуха и, захмутившись, нырнула, не выпуская из рук туго натянутую бечеву.

Течение оказалось неожиданно сильным. Тут же стало не хватать воздуха, грудь сдавило, казалось, все внутри начинает гореть; она судорожно забилась — и в тот же миг голова ее очутилась на поверхности.

— Цела, э? — прозвучал в полной темноте знакомый голос.

— Цела, — с трудом выдавила она. Ноги скользили по дну, холодная вода доходила почти до подбородка. Воздух в галерее оказался затхлым и вонючим, девочка

старалась дышать ртом — иначе начинала кружиться голова.

— Пошли, — просипел где-то впереди старший.

Факелов зажигать никто не стал — поури и без того отлично видели в темноте. Ниакрис не видела ничего — но только до того момента, пока сама **очень сильно** не захотела все-все увидеть.

Какое волшебство сотворилось в тот миг, никто не знал, тем более она сама, — но непроглядная тьма обернулась серым полумраком, стали видны торчащие над водой головы шестерых карликов.

Мало-помалу пол тоннеля повышался, вода опускалась вниз, и вскоре все семеро уже шагали по мокрому, покрытому мхом и бледной плесенью камню.

Ниакрис дрожала от холода — и потому не думала о предстоящем, не думала до тех пор, пока коридор не закончился узкой винтовой лестницей, в свою очередь упершейся в забранный частой решеткой люк.

— У кого струмент? — шепотом спросил старший. — Давай вперед, мудрило... только тихо.

— Кого учишь, старшой?.. — буркнул протиснувшись к решетке карлик. Что-то негромко звякнуло, заскрипело, заскрежетало; поури негромко выругался.

— Знатно закрепили монаси... боялись, видно...

Наконец решетка поддалась. Отряд выбрался на верх — очевидно, в старые монастырские подвалы.

— Ну, теперь пойдет потеха! — кровожадно прорычал кто-то из карликов. Что-то зашуршало — поури вскрывали ножами тщательно замотанные в просмоленную кожу свертки.

— По углам раскладывайте, — распорядился старший. — Да не ленийтесь, чем дальше друг от друга разложите, тем знатнее потеха выйдет!

У Ниакрис ничего подобного в мешке не было. Она растерянно топталась на месте — о ней все как будто забыли. Поури большими серыми крысами порскнули

в разные стороны — что-то устраивали в темноте, возле самых стен.

— Закончили? Дальше идем! — торопил их старший. — Время дорого, позабавиться как следует не успеем!

Ниакрис плелась следом, словно зачарованная. Мысли все погасли, ноги несли ее словно сами собой — и она как будто не представляла, что вот-вот ей придется убивать таких же точно людей, как и она сама. Людей, не сделавших ей ничего плохого, людей, в чье жилище она вторглась с оружием да еще и в компании каких-то мерзких поури... Конечно, каждый попытается ее убить. А она? Что станет делать она?..

«То, что задумала», — сказала она себе. Правда, голос при этом (даже внутренний) изрядно дрожал.

Проходя подвалами, поури не обратили никакого внимания на казавшиеся столь многообещающими внушительного вида сундуки. Не привлекли их и пузатые бочки, ящики с запечатанными сургучом бутылками, другое добро, за которое, наверное, они смогли бы выручить немало золота — монастырское вино высоко ценилось далеко на востоке и западе, за бутылку платили чуть ли не целое состояние.

Лестница наверх. И тяжелая дверь непробиваемого каменного дерева, для верности прошитая еще и железными скобами пополам с полосами.

— Для тебя забава, — старший вновь пропустил вперед того же самого карлика, что уже открывал решетку люка.

Поури вновь заскрипел и заскрежетал своими хитроумными железками. Время шло, однако дверь не поддавалась. Карлик шипел, плевался и ругался, однако это помогало мало, если ж по чести — то не помогало вообще.

— Не выходит, — наконец признался умелец. — За-

чарована, видно, крепко, старшой. Тут не этим ковырять надо...

Карлик в упор взглянул на Ниакрис — словно и не сомневался, что в темноте она видит не хуже остальных в отряде.

— Ну? Чего замерла, как мышь перед кошкой? Зачем тебя, спрашивается, с собой вели? Твоя очередь пришла, колдуй, коль умеешь. А если не умеешь — то придется нам с бесчестием домой возвращаться... то есть вовсе не возвращаться. Открывай, кому говорят! — последние слова поури прошипел, словно рассерженный камышовый кот.

Ниакрис не стала ни отпираться, ни ссылаться на неумение. В походе все это значения не имеет. Ты либо делаешь, либо нет, а слова только даром глотают драгоценное время.

Она в упор смотрела на дверь. Хорошая, прочная дверь, ее ладили настоящие мастера. И замки тут стоят не простые, а — прав карлик — заговоренные.

Но отряд все равно должен пройти. И на мгновение Ниакрис представила, что там, за дверью, стоит, опершись на черный посох, тот самый чародей, что убил и дядю, и дедушку, и маму, тот самый, из-за которого она сама угодила к поури, и теперь вот вынуждена драться против своих же; пальцы ее сами собой сжалась в кулаки, дверь сперва задрожала, потом — затряслась и в следующий миг с жутким грохотом разлетелась тучей мелких щепок.

— Ну и ну, — проворчал старший за спиной у Ниакрис. — А потише ты, дева, не умеешь? Сейчас тут весь монастырь соберется... Давай вперед, не стой, время дорого!

За разбитой вдребезги, точно хрустальная ваза, дверью началась широкая каменная лестница — здесь уже горели факелы, скучно чадили, роняя тяжелые огненные слезы с железных оплеток.

Поури все как по команде взялись за кистени.

Лестница осталась позади, отряд выбрался из невысокой арки уже в обычный коридор. По обе стороны тянулись одинаковые коричневые двери, в нишах застыли какие-то статуи — девочка не стала рассматривать. Потому что поури, переглянувшись, дружно гикнули, хакнули — и разом навалились плечами на ближайшую створку.

— А? Что? О-о-о!!! — раздалось изнутри.

Кто-то дернул Ниакрис за плечо так, что она настоящим катапультным ядром влетела внутрь.

Крошечная, узкая, как могила, комнатка, со столь же узким лежаком вдоль стены, конторкой под высоким окном и какими-то не то иконами, не то просто картинами в изголовье. Человек в темной рясе, лицо режет темноту неестественно-белым плоским диском, руки вскинуты, словно он загораживает от беспощадной стали карликов те самые не то иконы, не то картины...

Прежде чем Ниакрис успела даже ойкнуть, замелькали кистени, шипастые железные шары вмялись в нагой череп, и человек упал, оплетая себя бессильно мотающимися руками, точно полураздавленный паук.

— Под досками смотрите! — гаркнул старший поури, но остальные в его указаниях и не нуждались. Расписные доски полетели в разные стороны, глухо ударяясь о пол и стены; открылся небольшой тайничок в кладке, мелькнул серый мешочек; карлик рванул завязки, мелькнуло несколько крупных самоцветов. По глазам Ниакрис резануло болью, эти камни прямотаки сочились волшебной силой, она чувствовала ее так же ясно, как, к примеру, запах своего любимого малинового варенья; и так же, как не могла объяснить, как и почему она чувствует запахи, не могла ответить, как она чувствует магию.

Она замерла, точно окаменев, точно очутившись

под властью могущественного заклинания — как, впрочем, оно и было.

— Камни Власти... славная добыча, — рыкнул старший. — Повезло... уходим!

Со всех сторон уже неслись крики, топот ног, но поури отнюдь не казались растерянными или испуганными.

— А может, еще одного? — алчно предложил кто-то из них. — Что нам эти монахи!

— Ну, ладно, давай еще одного, — после мгновенного колебания согласился он, бросив при этом какой-то странный косой взгляд на девочку.

В обоих концах коридора уже мелькали огоньки факелов и какие-то одиночные фигуры. Карлики, недолго думая, вышибли еще одну дверь — почему обитатели келий не бежали, Ниакрис понять не могла.

На сей раз им попался старик, который попытался сопротивляться. Он отмахнулся какой-то сучковатой дубиной, отмахнулся с неожиданной силой, и старший из карликов, точно мячик, отлетел к двери. Старик выбросил вперед руку, вокруг пальцев заплясали крошечные язычки пламени — но в этот момент кто-то из карликов половчее прыгнул на него сбоку, и они покатились по полу.

— Эй, Ниакрис! — завопил старший поури, вскакивая на ноги. — Чего замерла, не видишь — на колдуна нарвались!

Девочка не пошевелилась.

— Ниакрис! — это был уже ее опекун.

Она рванула из ножен залежавшийся там меч.

Взмах — и старший из поури, завывая, бросился наутек, прижимая ладонь к распоротому боку. Второй взмах — карлик попытался было отбить ее удар, и частично ему это удалось; острие кинжала оставило кровавый росчерк у него на плече. Третий и четвертый поури сами ринулись на девочку, но одному она успела

проткнуть руку, а второй получил по голове посохом от сумевшего подняться на ноги старика.

— Бежим! — крикнул тот, кого Ниакрис привыкла звать своим наставником, и поури, в полном противоречии со своим непреклонным характером, не признающие отступлений поури дружно ринулись наутек, точно крысы при виде терьера.

Ниакрис рванулась было следом, сама еще не зная, что станет делать, — но споткнулась на пороге.

Даже сквозь плотную мешковину она чувствовала сияние Камней Власти.

Очевидно, старший поури выронил мешочек во время бегства.

Ниакрис нагнулась подобрать сокровище... а когда выпрямилась, то мгновенно поняла, что драгоценные секунды упущены и карликов ей не догнать.

Она медленно опустила клинок и повернулась к тяжело опиравшемуся на посох старику. По коричневому его одеянию медленно расплывались пятна крови — чей-то кистень все же зацепил его.

— Дайте я помогу вам... дедушка, — вырвалось у Ниакрис.

— Спасибо тебе... ох... внучка, — в тон ей ответил старик. В голосе слышалась усмешка — несмотря на боль.

* * *

Потом, когда сперва сюда сбежался весь монастырь, а потом его же обитатели куда медленнее, но все-таки разошлись, Ниакрис обнаружила, что сидит на жесткой лежанке, крепко держась за морщинистую, перевитую сизыми венами руку старика.

Ее, конечно, долго хвалили, долго охали и ахали; выяснилось, что поури вломились в так называемый Коридор Уединения, куда монастырские аскеты удалялись «для молитвы и медитации», как объяснили де-

вочке; нарушать транс смертельно опасно, да и кроме того, монах, пребывая в молитвенном экстазе, переставал что-либо видеть и слышать. Этим и объяснялось то, что никто из обитателей келий не пытался бежать, спасаться или хотя бы поднять тревогу.

Ее саму долго расспрашивали; она отвечала однозначно, больше отмалчиваясь. Наконец старик, за которого вступилась Ниакрис, пришел ей на помощь и прекратил пытку.

— Хватит, налетели, коршуны, — недовольно проворчал, загораживая собой девочку. — Потом все узнаете. А сейчас давайте все отсюда!

Очевидно, этот старик был какой-то шишкой, потому что набившиеся в келью и коридор другие обитатели монастыря как-то сразу прекратили расспросы, а потом и вовсе бочком-бочком расползлись кто куда.

Старик и девочка остались вдвоем.

Глаза у него показались Ниакрис похожими на совиные — такие же странно-желтые, округлые, с вытянутым зрачком. На миг она даже засомневалась — а человек ли перед ней?

— Человек, — ответил он на ее молчаливый вопрос. — Имею честь представиться... Лейт, меня зовут Фарбриан.

Она не успела даже удивиться, откуда он знает ее имя, а старик уже продолжал:

— Как ты оказалась с поури, примерно догадываясь. Набег, твои родители погибли, карлики захватили тебя с собой, наверное, надеялись продать на невольничьем рынке, там такие, как ты, в цене, внучка. А вот зачем потащили сюда — в толк не возьму, хоть убей, — он потешно развел руками. — Но об этом мы поговорим завтра — а пока спи, отдохай.

Ниакрис попыталась было что-то сказать, но Фарбриан как-то очень пронзительно вдруг посмотрел ей в глаза — и ее веки закрылись словно сами собой

* * *

Говорить с Фарбрианом оказалось нелегко. Пронзительный взгляд волшебника (а в том, что он волшебник, Ниакрис не сомневалась) проникал глубоко-глубоко, в самое сокровенное; казалось, ему невозможно соврать.

Но, разумеется, это только казалось.

История, рассказанная Ниакрис, не отличалась оригинальностью. Никто и никогда не учил ее слагать подобные выдумки, делать их неотличимыми от правды, никто не учил врать с невинным видом — и, наверное, именно поэтому ее так и не уличили.

— А Камни-то тебя признали, — неожиданно обронил Фарбриан. — Ты их подобрала после бедняги Вассила. Тебе ими и владеть, внучка. Потому как... знаешь ли ты, что способна колдовать?

— Ой, правда?! — Ниакрис постаралась, чтобы это звучало бы совсем по-детски. По-детски, хотя сама себя она уже давно считала совершенно взрослой. С того самого момента, как перешагнула вместе с поури за порог родного дома — раз и навсегда опустевшего.

— Правда, правда, — усмехнулся Фарбриан. Покровительственно и снисходительно — хотя, знай он правду, наверное, в тот же миг убежал бы без оглядки.

— Тебе следует многому научиться, основательно и неторопливо... — полилась складная речь, которую Ниакрис уже не слышала. Сердце ее билось ровно и спокойно, и мысли в голове послушно выстраивались в четкую цепочку.

Камни Власти. И здесь научат ими владеть. Не это ли она искала — сама не зная, что ищет?..

— Но это ж, наверное, ужасно сильная штука... — она по-прежнему играла в маленькую испуганную девочку.

— Уж-жасно сильная штука, — улыбаясь, кивнул Фарбриан. — Конечно, она должна была б достаться

по-настоящему подготовленному ахолиту... но судьба распорядилась по-своему, и теперь этим ахолитом станешь ты. Все очень просто!

Очень просто. Конечно, просто. Выучиться — и уйти. Туда, где ее ждет Враг. Настоящий Враг, по сравнению с которым все поури — просто ничто, дым под ветром.

Что-то слишком просто.

Ниакрис чувствовала опасность, подобно зверьку, не чутьем даже и не магическим своим даром, а чем-то еще, неуловимым, тем самым сверхчувством, что иногда встречается только у детей и совершенно угасает у взрослых, несмотря на все их старания.

Что они от нее хотят?..

Слишком уж старается, улыбаясь, этот самый Фабриан.

Слишком уж хочет убедить, что все в порядке и нет никакой опасности.

Значит, опасность есть.

Ниакрис в совершенстве усвоила золотое правило поури — не доверять даже собственному отражению в зеркале.

Однако она, само собой, кивала головой и со всем соглашалась.

Так началась ее недолгая жизнь в монастыре.

* * *

О, она оказалась очень прилежной ученицей. Наставникам она внимала с широко раскрытыми глазами, и при этом ей почти не приходилось играть.

Мир ужасен и несправедлив — говорили ей. Разве ты не согласна, девочка? Где твои родители, твой дом, твои друзья?..

Она послушно кивала.

Мир — юдоль скорбей и несчастий. Смерть — великая избавительница от страданий. Но люди не знают

ее истинной природы, они боятся ее — потому что уходят в нее неподготовленными. А здесь, в стенах монастыря, постигаются глубинные законы Бытия, законы, которые позволяют заглянуть в ту самую бездну, что бесчисленные века так страшит всех смертных.

И мудрые готовятся к тому, чтобы в назначенный им день перешагнуть роковую черту во всеоружии. И она, Лейт (ее нового имени тут так и не узнали), — она должна помочь им. Камни Власти отныне подчиняются ей — по закону крови! — и она должна учиться прилежнее, прилежнее, еще прилежнее...

Она старалась. Очень старалась.

И только ночью она позволяла себе — о, не поиграть! — а просто посмотреть на свою единственную верную спутницу — живую тряпичную куколку. О которой аколиты монастыря, само собой, ничего не знали.

Камни Власти. Невесть откуда взявшиеся и кем сотворенные. Невесть как попавшие в монастырь. Но очень, очень, очень могущественные.

...Тонкие руки Ниакрис, так и не отмытые до конца от грязи, похоже, навек въевшейся за время, проведенное в лагере поури, скользили над Камнями. Разложенные в строгом порядке на мраморном резном постаменте — черный на западе, белый на востоке, алый на юге, голубой на севере, в промежутках — зеленые и желтые. Слабо светящиеся, мерцающие, переливающиеся... красивые. Умиротворяющие.

И вместе с тем — смертельно опасные.

Под «властью» здесь понимали только и только Силу.

А Силу, в свою очередь, трактовали только и только как способ уничтожения.

Ниакрис закрывала глаза, и тогда Камни, казалось, начинали говорить с ней. Она не разбирала слов, да они и неважны были сейчас. Камни жили, они нако-

пили силу — и им не терпелось пустить эту силу в действие.

Но было и еще что-то в них, мрачная память, жестокая память, которую бездушные Камни навсегда впитали в себя, с самым первым упавшим на них лучом света. Они не имеют своих желаний, их память накладывается на память очередного владельца и...

Кто знает, что происходит тогда?

И как разорвать это кольцо?

Скользят, скользят ладошки...

Тряпичная куколка испуганно прижимается к хозяйствке, таращит на мерцающие камни совсем недавно нарисованные глазенки...

Камни могущественны, но они вне тебя. Они дадут тебе силу, но они с легкостью дадут силу и твоему врачу. Они не служат никому, кроме самих себя... хотя эта служба и не имеет никакого смысла. Камням ведь ничего не нужно.

Что будет с ней, когда она найдет способ высвободить заключенную в Камнях страшную разрушительную мощь?.. Что с ней сделают архитекторы этого странного монастыря, так непохожего на все остальные святыни Спасителя?

Скользят, скользят ладошки...

И девочка видит медленно заваливающиеся внутрь себя стены какого-то исполинского святилища, пылающее небо над ним, и жуткого вида черное пятно над гибнущим колоссом; и оттуда, из этой черноты, тянутся, тянутся на запад нити не то дыма, не то пара, и этот не то дым, не то пар чернее и непрогляднее самого глубокого мрака — даже в подземных пещерах, наверное, больше света.

Стены падают, точно громадные морские волны, взметывая облака красной кирпичной пыли — и кажется, что весь воздух вокруг внезапно заполнился кровью...

А потом видение гаснет, уступая место другому — красная пыль и в самом деле обрачивается кровью; и эта кровь застывает, обращаясь в округлые алые камни, точно рубины, и камни эти медленно-медленно, нехотя катятся к морю и скрываются в сторонящихся их волнах...

Красные, красные, красные камни. Свет дробится на острых гранях, и кажется — они режут даже лучи щедрого солнца.

Что за этим стоит?.. Что значит эти видения?..

Лейт вновь и вновь садилась к низкому мраморному постаменту, до рези в глазах вглядывалась в мерцание Камней Власти, стараясь угадать, что ждет ее саму; и ответ на этот вопрос она получила очень быстро.

...Пару месяцев спустя она уже прилично умела управляться с талисманами. Конечно, ее умению было далеко до изощренной магии старших — она с легкостью усваивала заклятья разрушения и уничтожения, но вот с созиданием выходило скверно, так что Фарбриан только вздыхал и качал головой.

— Это не по твоим способностям, Лейт, — укоризненно втолковывал он девочке, когда ей в очередной раз не удавалось заставить груду камней сложиться в некое подобие шагающего чучела. — Ты с легкостью спалиши весь лес вокруг монастыря или высушиши реку — так что ж такое с этим простеньким колдовством? Прошу тебя, сосредоточься и попробуй еще раз...

Она пробовала — и, совершенно выжатая, в конце концов дождалась помилования.

— Ну, так себе, конечно, — бормотал Фарбриан. — Но все-таки лучше, чем в прошлый раз...

Ниакрис точно знала, что это неправда. Лучше не становилось. Так зачем старому волшебнику врать ей?

Луна дважды народилась и один раз умерла. Наставало второе новолуние — новолуние, время, когда

силы ночи велики как никогда — и когда должны твориться все самые темные и разрушительные обряды.

Так, по крайней мере, утверждали книги. Но Ниакрис уже знала, что это неправда. Все зависит только от тебя самого. Ты можешь сплести чары ужаса и смерти даже посреди яркого солнечного дня. Как, собственно говоря, и поступали все настоящие волшебники.

Она узнала многое. Ей рассказывали об окрестных землях, о путях на юг и на восток, о народах и племенах, о странах и правителях — она старательно запоминала. Ей ведь еще предстоит отыскать Врага.

Среди всего прочего она запомнила и рассказ о Храме Мечей, стоящем среди мертвотой пустыни одиночном Храме, где готовят лучших воинов Эвиала, бойцов, с которыми не могут сравниться даже тайные рыцари Церкви.

И стоит этот Храм, и нелегко попасть в него, а кто войдет — обратно выйдет только бойцом или не выйдет вообще. И воин Храма не нуждается в оружии, ибо его оружие — он сам и его дух...

Ниакрис постаралась как следует запомнить дорогу.

Шли дни.

...Ее позвали, когда она в очередной раз ворожила над Камнями. Фарбриан вошел в ее крошечную келью — девочка замерла над разложенными в порядке Камнями Власти, глаза плотно зажмурены, ладони быстро-быстро скользили над мерцающими гранями кристаллов, словно плетя какой-то неимоверно сложный, незримый узор. Лицо Лейт было безжизненно белым, словно все до единой жилы вдруг лишились живительной жизненной влаги.

Старик вежливо кашлянул. Девочка в глубоком трансе... прерывать опасно, но делать нечего — давно уже положение звезд не оказывалось настолько благоприятным...

Ресницы Лейт не дрожали, дыхание было очень-очень медленным и неглубоким — казалось, из всего ее тела живут только руки. И вдруг...

Глаза девочки открылись — она в упор взглянула на старого волшебника. Громадные расширенные зрачки, провалы тьмы — она словно и не чувствовала света.

Она молчала. Плотно, совершенно не по-детски сжимала губы и молчала — да так, что Фарбриану стало не по себе.

— Гм... милая Лейт... прости, что прервал твои штудии... но ты нужна нам. Тебя ждут все до одного аколиты нашего ордена... это очень важно... нет, нет, Камни оставь здесь. Ты же знаешь, никто, кроме тебя, не в силах к ним прикоснуться...

Лейт так же молча поднялась. Не глядя на Фарбриана, двинулась к дверям. Камни Власти остались мерцать на окружном мраморном диске — отчего-то очень напоминавшем сейчас палаческую колоду для отрубания голов.

Они прошли длинными коридорами, где все длилась и длилась пляска запертого в железные клетки пламени — факелы светили тускло и дымно, Лейт вдруг начала спотыкаться и кашлять.

На квадратном монастырском дворе и впрямь собрались все аколиты обители. Ниакрис обвела толпу взглядом — мало кто оказался в силах его выдержать. Голый камень, больше ничего, никаких магических приборов или артефактов, тут невозможно сотворить ничего серьезного — зачем ее сюда привели?..

Фарбриан легонько подтолкнул ее в спину, сам шагнул назад, сливаясь с остальными, — Ниакрис осталась одна, окруженная со всех сторон молчаливыми шеренгами людей в коричневых, черных и белых плащах. Горели бесчисленные факелы, роняя огненные капли; тишину ночи нарушал только треск пламени.

Ниакрис на миг растерялась. Что такое? Что все это значит?..

Из рядов аколитов вышли четверо в снежно-белых плащах — лица скрыты под низкими капюшонами. Руки они прятали за спиной.

Четверка приближалась нарочито неспешно, и душа девочки, как говорится, ушла в пятки. Но бежать было некуда — аколиты стояли плотной стеной, так что тут помогли бы разве что крылья.

Ниакрис не стала искать Фарбриана, плакать или умолять. Что с ней собираются сделать, она не сомневалась.

А тем временем из окружавшего ее людского кольца появились еще четверо — на специальных носилках они осторожно, стараясь не качнуть, несли мраморный постамент со всеми без исключения Камнями Власти. Фарбриан сказал истинную правду — никто даже не попытался к ним притронуться.

Как страстно взмолилась в тот миг Ниакрис всем ведомым и неведомым силам, чтобы в ее руке оказался бы меч и чтобы она смогла бы сражаться хотя бы в половину того, как бился дядя!.. Уж она не стала бы мешкать, она проложила бы себе дорогу сквозь этих злодеев, она прошла бы по их телам, подобно той самой Тьме, которой они все так боятся: она не пощадила бы никого — как и они не щадят ее.

Аколиты затянули какой-то заунывный гимн; четверо в белых плащах медленно приближались к, казалось, парализованной ужасом девочке; они двигались размеренно и не спеша, и потому, наверное, простили миг ее рывка.

А спустя еще мгновение уже было поздно.

Ниакрис метнулась прямо навстречу той четверке, что несла на длинных плечевых шестах Камни Власти — ее камни, как она уже считала.

Хор не сбился, не замолчал — наверное, уже начи-

нало работать какое-то их заклинание, и останавливаться они просто не могли — четверо несших Камни попытались было преградить ей дорогу; но носилки они выпустить так и не дерзнули, и Ниакрис дикой рысью прыгнула прямо к постаменту.

— Нет!!! — услыхала она отчаянный вопль Фарбриана.

Слишком поздно кричать, учитель...

Она успела схватить только один камень. Красный.

В следующий миг носилки опрокинулись, драгоценные реликвии покатились в пыль. Хор не умолкал, но теперь она слышала, как дрожат голоса певчих — они, похоже, поняли, что здесь творится.

На миг Ниакрис замерла, высоко подняв над головой алый камень Юга. Жаркого, иссущенного солнцем Юга, где безжалостные лучи ревниво расправляются с любой, даже самой крошечной былинкой, дерзнувшей поднять голову от растрескавшейся земли.

Свет там оружие смерти, не жизни.

Старый волшебник Фарбриан первым бросился наутек, кубарем покатился вниз по ступеням; за ним ринулись остальные, кто-то в белом плаще вдруг очутился совсем рядом с Ниакрис, она наугад отмахнулась зажатым в кулаке красным камнем — короткий вопль, и человек упал, прижимая обугленные ладони к выжженному до кости лицу.

Ниакрис бросилась было к остальным камням, раскатившимся по брускатке двора, — но со стен слетела первая стрела, стальной наконечник высек искры совсем рядом с ее головой — и девочка отшатнулась. Как ни велика тяга Камней Власти, желание выжить сильнее.

Она резко повернулась и бросилась следом за вопящими, удирающими аколитами.

Из кулачка Ниакрис во все стороны летели искрящиеся алые брызги — так бывает, если зачерпнуть при-

горшню воды и широко размахнуться рукой. Брызги эти все росли и росли, обращаясь в большие полупрозрачные шары, сияя, источая свет, и там, где шары эти касались бегущих, вспыхивали бесшумные костры. Люди умирали мгновенно, и серый пепел размазывался по бугристой брускатке; умирали те, кто еще не успел сделать ей, Ниакрис, ничего плохого — просто оказался в неправильном месте и в неправильное время...

Именно в эти мгновения она вывела для себя и запомнила навсегда простой и жестокий закон — атакуй первым, и ты победишь.

Вокруг нее ломались стрелы, иные вспыхивали в полете, пробивая навылет пламенные шары, — ни одна так и не долетела до девочки, словно ее защищало какое-то могущественное волшебство.

Но ведь Камни Власти не защитили их прежнего владельца...

Она вихрем влетела в коридор. Бежать, бежать отсюда, на волю!..

За ней с грохотом рушились стены и потолки, раскалывались колонны, и крепчайший камень вспыхивал текучим густым огнем; она почти ничего не видела в дыму. Пару раз она споткнулась обо что-то мягкое, валяющееся на полу, — тела тех, кто задохнулся, не добравшись до выхода.

Ладонь жгло все сильнее и сильнее, магия Камня Власти исходила, уже сама не в силах защитить свою повелительницу; однако Ниакрис чувствовала, как впечатывается в нее эта волшебная сила, и потому, несмотря на боль, не разжимала кулак.

...Она вырвалась из длинной галереи, оставив за собой бушующий пожар. Пламя стремительно карабкалось вверх по затейливым извирам старинного собора, рвалось из всех окон — казалось, громадное здание истекает, словно кровью, тяжелым, удущливым черным дымом.

Ворота... заперты. Стража... уже наставили арбалеты, натянули луки...

За Ниакрис, словно небывалая торжественная мантания, все еще тянулись шары летучего призрачного огня; и, когда стрелы уже готовы были сорваться, девочка резко взмахнула отросшими волосами — словно хлестнула кнутом.

И шары, точно продолжение ее волос, послушно рванулись вперед — мгновенно развернувшийся веер, смертоносная слепая мощь, громадная пламенная кося, проносящаяся над травами и оставляющая за собой только срезанные стебли.

Она никогда не думала, что способна на *такое*. Ворота, надвратная арка, боковые башни — все исчезло в одном ослепительном взрыве. Волна беспощадного жара прокатилась по внешнему монастырскому двору, дожигая все живое.

За спиной Ниакрис с громоподобным грохотом рухнул собор, погребая под грудами пылающего камня всех — и живых и мертвых. Вокруг чудовищными факелами пылали башни, тугие огненные смерчи ввинчивались в ночное небо, тяжелые черные завесы дыма скрыли звезды; девочка затравленно огляделась — и поняла, что сражаться больше не с кем.

Стражники были мертвы, и рядом с неподвижными телами в колчанах догорали так и не выпущенные стрелы. И аколиты погибли все тоже, и Фарбриан остался где-то под развалинами...

Боль в кулаке внезапно прекратилась. Ниакрис разжала пальцы — на ладони осталась пригоршня темнобагрового пепла.

Камня Власти больше не существовало.

Несколько мгновений девочка тупо смотрела на опустевшую ладонь, а потом опрометью бросилась прочь — потому что защищавшая ее от огня и жара магия тоже готова была вот-вот исчезнуть.

...Она дождалась утра в приречных зарослях. От монастыря осталась только обугленная груда камней — наверное, самых прочных, раз они не поддались даже магическому огню. Нигде никакого движения, пуста окружающая равнина — никто не торопился узнать, что ж случилось с обителью, полночи полыхавшей точно стог сухого сена.

Ниакрис осторожно пробиралась среди лениво дымящихся черных глыб. Пламя не пощадило ничего, оставив только оплавленные груды камня; но ведь должны же Камни Власти защитить себя от собственной силы!

Она перебралась через неровный черный вал. Внутренний двор, как ни странно, оказался почти что неповрежденным. Громоздились руины собора, а на оплавленной брускатке лежали четыре тела в идеально белых плащах — неведомо как оставшихся белыми в еще недавно царившем здесь хаосе.

Белый мраморный постамент тоже оказался здесь. Стоял на земле, целехонький — но пустой.

Вместо Камней Власти на нем лежали маленькие кучки разноцветного пепла.

Сильнейшего оружия Ниакрис — ее единственного оружия — больше не существовало.

Несколько мгновений она, оцепенев, смотрела на пустой белый мрамор.

Этого не может быть! Этого просто не может быть никогда!

Камни должны были уцелеть!

Но нет. Не уцелели.

Ниакрис, точно безумная, рванулась было с места — и тотчас замерла. Нет смысла. Ничего не имеет смысла.

Она медленно повернулась и пошла прочь. По пути перешагнула было через мертвое тело в белом плаще; совсем собралась уж было идти дальше — но приостановилась.

Осторожно перевернула мертвеца лицом вверх — руки аколита бессильно раскинулись, деревянно стукнувшись о камни.

Пустые безоружные руки.

Она кинулась ко второму телу — то же самое. Ни под плащами, ни в руках не оказалось тех самых жертвенных ножей, что, как почудилось девочке, вот-вот готовы были вонзиться в ее тело.

Она до крови прокусила губу. Глаза зашипало — сильно, чуть ли не как в тот день, когда погибла мама и остальные.

Но все-таки Ниакрис не расплакалась. Они оказались на ее пути — и, значит, горе им.

Она пойдет дальше. Потому что должна отомстить.

Налегке, без вещей, припасов и снаряжения, без гроша в кармане она побрела на юго-восток. Если ее оружие погибло, она должна обзавестись новым. И желательно таким, которое не смогли бы отнять.

Дорога не будет ни близкой, ни легкой. Но она все равно ее пройдет. Потому что за ней теперь — еще и тени тех, кто сгорел в разожженном этой ночью чудовищном костре.

И она просто обязана дойти. О том, что ей это, может, и не удастся, она просто запрещала себе думать. И в самом деле не думала.

ЧАСТЬ III

КЛИНОК РАЗИТ

евочка со странным именем Ниакрис, смысл которого здесь, на дальнем, глубоком Юге, не понимал никто, стояла на коленях, склонив голову и молитвенно сложив руки перед грудью. В небесах сытым сторожевым пском разлеглось ленивое солнце, не сдвигаясь, казалось, ни на йоту по всегдашней своей тропе. Жгучие лучи нещадно пекли затылок, но девочка не шевелилась. Острые камни впивались в колени, она не обращала внимания.

Она стояла одна-одинешенька. Сперва на пыльной каменистой площадке перед нагло закрытыми черными воротами кованого железа рядом с ней точно также на коленях стояло еще несколько ребятишек — все не старше девяти-десяти лет; однако ворота так и не открылись, и несостоявшиеся ученики Храма Мечей уныло разбрелись кто куда. Ниакрис даже не повернула головы. Для нее во всем мире остались только она сама — и ее Враг. Все прочее делилось на две части — помогающее добраться до Врага и, соответственно, мешающее. Храм, она считала, должен был помочь, и, следовательно, она туда войдет. Чего бы ей это ни стоило.

...После сожженного и обращенного в груду оплавленных руин монастыря она двинулась на юг. Туда, где «высится среди мертвой пустыни Храм Мечей. Нелегко туда войти, а выйти и того труднее»...

Она ни у кого ничего не спрашивала. Раз увиденная карта крепко держалась в памяти, и Ниакрис шестым чувством соотнесла прихотливые извины чертежа с реальными холмами, горами и лесами, хотя никто и никогда не учил ее ни читать карту, ни находить дорогу по солнцу или звездам. Она училась этому сама, на ходу — словно подсказывал кто-то.

Через леса и степи, длинными караванными тропами, от колодца к колодцу — все дальше и дальше на юг. Она спала прямо в сухой траве, словно заяц. И так же, как зайцу, ей не раз приходилось спасаться от волков — и обычных, и двуногих.

Она сталкивалась с охотниками за рабами — едва ушла. Пущенные по ее следу злющие псы отчего-то лишь виляли хвостами и норовили лизнуть в лицо, вместо того чтобы повалить и лаем подозывать хозяев.

Попадались на степной дороге извечные обитатели этих мест — ведущие жизнь простую и жестокую, как сама природа. Каждый не их соплеменник был законной добычей — смоляной жесткий аркан упал было на плечи Ниакрис, однако, когда поимщик уже ощупывал ее, похотливо гогоча, она всадила ему в живот короткий нож, благоразумно укрытый за голенищем старенького сапожка.

Что сталоось с пытавшимся связать ее человеком, она не задумывалась. Рана была глубокой, но кочевник, выносливый и жилистый, как редкий в здешних местах степной дуб, едва ли умер бы быстро — скорее всего ему предстояло найти свой конец от волчьих зубов.

Ниакрис не было до этого никакого дела.

Ела она только то, что могла найти по дороге, которая вела ее сперва через степи, а потом и сквозь настоящую пустыню. Корешки, ягоды — и все. Людские поселения она обходила за три версты. Девочка навсегда запомнила яростное бессилие, когда твои плечи схвачены жесткой петлей из конского волоса.

Она исхудала и загорела до черноты. Одежда превратилась в лохмотья. Однако, несмотря ни на что, ее ноги оставляли позади лигу за лигой диких, негостеприимных земель. Она одна прошла там, где даже опытные, бывалые купцы сбивались в большие караваны и нанимали за большие деньги опытных проводников, умеющих найти колодцы на ветвистой тропе и вовремя предупредить о песчаной буре.

И вот она у цели. Конечно, по сравнению с Врагом эта цель — ничто, так, краткая остановка; но Ниакрис слишком хорошо помнила конец Камней Власти и своих надежд добраться до Врага с помощью заемного чародейства. Нет, она должна полагаться только на себя, на то, что есть в ней самой, на то, что не отберет никакой противник.

...Она стояла на коленях. Перед глазами плавали черные и алые круги, кровь зло билась в висках, словно просясь на волю, словно не желая больше поддерживать жизнь в этом одержимом злым безумием теле — потому что ведь только безумная могла потащиться в это безумное путешествие, в никуда, ведомая одним лишь чутьем да твердым, слово камень, убеждением, что любая дорога, куда ни сверни, непременно выведет ее к Врагу.

Она несколько раз чувствовала внимательные взгляды, устремленные на нее из узких бойниц по обе стороны черных ворот. Кто-то подходил взглянуть на нее — смотрел какое-то время и бесшумно уходил прочь.

Ворота все не открывались. Ниакрис ждала, не поднимаясь с колен.

Говорят, человек способен выдержать без воды не более суток. Ниакрис не сдвигалась с места три дня. Казалось, ее тело умерло, — под конец она уже не чувствовала ни жары, ни даже жажды.

Однако и ее силы таяли. И когда черные ворота наконец открылись, сознание ее почти что оставило.

Сильные, жесткие руки молча подняли ее, понесли внутрь — там царили прохлада и тень. Жестокое солнце наконец-то скрылось...

Она очутилась внутри знаменитого Храма Мечей.

* * *

Очень хотелось пить — она сдерживалась, хотя ноги, казалось, сами готовы нести ее к сложенному из грубых камней колодцу посреди пыльного двора. Нет. Они не увидят ее слабости.

Они — трое в темных тяжелых плащах, плотно за-пахнутых, несмотря на яростную жару. Смотрели они на нее с явным удивлением, пробивавшимся через старательно наведенное равнодушие.

Девочка озидалась исподлобья, крепко сжав перевязанные кулаки. На плече, прихваченная обрывком бечевки, смирно сидела тряпичная куколка, невесть как уцелевшая во всех перипетиях и тревогах.

— А у тебя есть характер, — проронил наконец один из стоявших перед ней, тот, что в середине.

— Характер-то у нее есть, а вот закостенеть уже закостенела, — взорвал плащ слева.

— Ерунда, на то притирки и существуют, — ухмыльнулся плащ слева.

— Тогда ты ей и займешься, — решил плащ посередине.

Ниакрис так и не увидела их лиц.

* * *

— Ваше преосвященство, спешу обратить ваше внимание — ересь охватила уже пять деревень и продолжает распространяться. Поселяне отказались платить положенное своим сеньорам и отправлять барщину, равно как и нести церковные повинности. Ересиархи заявляют, что люди рождаются нагими, не имеющими ниче-

го, и такими же уходят, потому все богатства, кроме созданного собственным трудом, нечисты и богопротивны. Повстанцы взяли приступом замок достопочтенного барона Филеаса и предали огню все имущество. О том, что сделали эти грубые скоты с баронессой и ее дочерьми, мой язык отказывается говорить.

Фигура монашка в заношенной коричневой рясе оставалась склоненной в подобострастном поклоне.

— Это дело для тебя, Лейт, — услыхала девочка.

Она стояла рядом с массивным деревянным креслом, в черной короткой куртке и таких же портах, не стеснявших движений. Станный наряд для девочки, но, похоже, никого из ее собеседников он ничуть не удивлял.

— Ты отправишься туда. Одна, чтобы не вызвать подозрений. И наведешь там порядок. Совершенно нет необходимости слать туда войска — они просто опустошат землю, перевешают всех, кто подвернется под руку, спалят деревни и, разумеется, не схватят никого из истинных вожаков мятежа. Уцелевшие пейзане разбегутся кто куда, большей частью, разумеется, в Нарн, к богомерзким эльфам Тьмы. Этого мы допустить не можем. Поэтому я посылаю тебя. Не подведи меня, девочка. Да пребудет с тобой благословение Спасителя.

Ниакрис не вглядывалась в лицо говорившего. Собственно говоря, это было неважно. Сидевший имел право ей приказывать, и этим все было сказано.

— Иди, — сказали ей.

...Дорога. Осенние дожди, размокшая глина под ногами, дымные харчевни, где на громадных сковородках жуликоватого вида содержатели жарили более чем подозрительную требуху; бесконечной чередой идущие лица, усталые, озлобленные, искаженные завистью, гневом, похотью — всеми дурными человеческими чувствами. Ниакрис скользила сквозь этот поток крошечной

серебристой рыбкой, что легко избегнет любых сетей. У нее было дело, и ей надлежало сделать его как следует.

…Север Эгеста. Невдалеке полуночный горизонт закрывали горы — она знала, их называли Железным хребтом. К темным облакам примешивался дым пожаров — и справа и слева от тракта что-то горело, но кто и что жег там — то ли восставшие сводили счеты с баронами, то ли баронские дружины по-свойски расправлялись со смутьянами, Ниакрис так и не узнала. Ей это было неважно. Очевидно было только одно — каждый день войны гибнут невинные, чьи-то дочери, девочки, такие же, как она сама, только обделенные магическими способностями, остаются без мам и дедушек, а часто — погибают и сами. И она, Ниакрис, способна остановить это бедствие — остановить такой ничтожной ценой, как пять-шесть человеческих жизней — жизней тех, кто начал всю эту кровавую замятню.

На сжатом поле она нашли какой-то сарай, забытый туда, словно мышка, и затаилась. Ночью отсюда выйдет уже не грязная ободранная девчонка-нищенка, все эти дни пробирающаяся дорогами Эгеста, донельзя забитыми бежавшим от войны людом, — ночью отсюда выйдет Ниакрис, та, что мстит, — и ее нынешнее дело тоже будет частью ее одной большой Мести, той самой, Мести Настоящему Врагу.

…Найти главарей труда не составляло. Заклятье, которое сплела девочка, отыскивало тех, кто исступленней других верил в свои слова, — вожаки были истинными фанатиками, они подняли людей не для того, чтобы добиться за счет их жизней славы или богатства. Они и в самом деле хотели «как лучше».

Четверых заклятье нашло в крошечном лесном скиту, так, не скиту даже, а келье. С десятком охранников они совещались, куда идти дальше, — восстание требовало крови, и как можно скорее. Одним разграбленным замком ярость крестьян не насытится.

Еще двое пробирались лесной тропой с отрядом в несколько сотен вооруженных кто чем сторонников — выходя в бок и спину полуторатысячному баронскому войску, наспех собранному соседями несчастного Филемаса. Замысел был прост и понятен — пользуясь ночной темнотой и всегдашим презрением профессионального воина к «земляным червям»-пахарям, ударить внезапно, поджечь, что можно, перебить сколько удастся сонных — и уходить. Через два дня молва разнесет эту весть по всей округе, превратит ее в разгром ненавистных баронов — и под знамена восстания встанут новые сотни и тысячи из тех, кто пока еще колеблется.

Был еще где-то и седьмой главарь — самый хитрый и самый осторожный, с осторожностью и хитростью дикого зверя, потому что он пламеннее всех верил в то, что сам говорил на деревенских улицах. Его Ниакрис нашупать пока никак не могла, и это было плохо — значит, главарь владел какими-то зачатками волшебства, которые, соединяясь со слепой, жгучей верой, могли дать ему и в самом деле немалую власть.

Его Ниакрис пока оставила. Ей на все дана единственная ночь (она не знала, почему, но не собиралась задумываться) — и потому она сперва разделяется с теми, кто рядом.

Потом настанет черед остальных.

...Первыми свою судьбу встретили те двое, что вели отряд через лес. Ждать до утра Ниакрис не стала. Глухой полночью, в час между собакой и волком, она дождалась дружно топавших по лесной дороге крестьян в небольшом овражке, где по дну ласково журчал ручеек, до сих пор, несмотря на осень, окруженный пышными папоротниками.

Наконец впереди показались огни факелов. Повстанцы шли, ничего не опасаясь, — баронские уdalьцы ни за что на свете не сунутся в чащу, которой они

боятся больше, чем огня, а дикие звери сами не подступятся к такому множеству хорошо вооруженных людей, не говоря уж о пламени в их руках.

Конечно, оставались еще те, которые не боятся ни огня, ни многолюдства и которым чем больше людей, тем больше добычи, — но отогнать таких как раз и должны были главари, вожаки, вместе с примкнувшими к восставшим двумя настоящими деревенскими колдунами — эти, правда, считались мастерами больше по дождям или же предотвращению оных, но для крестьян они все равно были *волшебниками*, и этим все было сказано.

Ниакрис сразу же увидела обоих вожаков. Как и положено, они шли впереди, о чем-то негромко переговариваясь. О чём — девочку совершенно не волновало, все эти планы вместе с замыслами несколько мгновений спустя станут никчемным прахом мыслей.

У Ниакрис не было оружия. Маленькая девочка, пробирающаяся в охваченный мятежом уезд с громадным арбалетом за спиной — едва ли это покажется в порядке вещей охраняющим переправы и мосты баронским ухарям.

Она могла бы напугать, рассеять наспех собранный из мирных поселян отряд, но тогда главарям не составило бы труда собрать его снова. И потому Ниакрис, не торопясь, тщательно проверяя каждый стежок, послала вперед свое любимое заклинание — щелковую змейку-удавку. Для одного. Сразить одномоментно двоих ей пока еще не удавалось.

Главарь осекся на полуслове. Захрипел, пытаясь подцепить пальцами сдавивший горло невидимый шнур — напрасно. Второй сунулся было к нему — но в тот же миг получил прямо в лоб маленький шарик белого огня. Ниакрис еще не могла сотворить большой, настоящий файербол, но отсутствие моци с лихвой ис-

купалось точностью. Вожак упал с аккуратной дырочной во лбу, размером не больше горошины.

Что будет дальше с растерянными поселянами, Ниакрис уже не интересовало. Множество жизней будет спасено — и такой малой ценой!

Миг спустя она уже бесшумно скрылась в чаще. Несложное заклинание — и она смогла видеть в темноте не хуже совы. Предстояло одолеть несколько лиг по буреломному бездорожью — но девочке было не привыкать. Когда шла на юг, случались вещи и похуже.

Два боевых заклятия из пяти потрачены. Что поделать, такова особенность ее магии — она не могла использовать одно и то же чародейство два раза подряд. Должно пройти время — для какого-то волшебства день, а для какого и неделя. Для этого задания у нее было приготовлено пять заклинаний — четыре для дела, одно про запас.

Главное — потратить их с умом...

Теперь — та четверка. С ними так просто не получится. Они осторожны и более сведущи в магии — инстинктивно. Наверное, там найдутся не только человеческие стражи...

И, конечно, как всегда, в охваченной мятежами и смутами земле следовало ожидать и иныхочных странников — из числа охотников за человечиной. Муки, кровь и страдания привлекают их, словно мух — мед. Вампиры, например, которым важно не только насытиться живой теплой крови, старые вампиры в особенности.

Ее предупреждали об одном таком, по имени Эфраим, наверное, самом старом из всего Ночного Народа. Говорили, что его неудержимо притягивают места побоищ и кровопролитий — ему якобы нужны не столько кровь, сколько впитывание людских ужаса и страданий. Связываться с Эфраимом настоятельно не рекомендовалось.

Ниакрис попались несколько мелких умпи — полуразумных тварюшек-кровососов на манер здоровых крыс со щетиной впору дикобразу. Их маленькие ручки тем не менее отличались отнюдь не звериной ловкостью, и умпи умели делать очень даже острые каменные ножи и наконечники к копьецам, ничуть не уступавшие стальным.

Умпи Ниакрис ненавидела. Как-то она видела, как они украли ребенка, не успела его спасти — и с тех пор дала страшную клятву истреблять этих тварей везде, где только встретит.

И сейчас она не пожалела ни времени, ни заклятия — вбить все семейство невидимым молотом в окровавленный и измочаленный мох. Кроме двух самцов, там оказалась самка с детенышами — детенышей девочка прикончила с особенным удовольствием.

Заклятий оставалось только два. Мимоходом Ниакрис пожалела, что не сдержалась с этими мерзкими умпи, потратила свое, наверное, самое удобное волшебство — но содеянного не воротишь.

Потом забросала тушки хворостом и, прищелкнув пальцами, воспламенила костер. Пусть горят. Пламято не простое, а с наговором — не летать духам умпи вокруг этого места, не подстерегать неосторожных путников на лесных тропах...

Она достигла скита, когда ночь уже поворачивала к рассвету. Конечно, не следовало тратить время на умпи, но и собственную клятву нарушать нельзя. Давши — держи, как всегда говорили ей.

Сkit стоял в совершенно непролазной чащобе, что Ниакрис даже подивилась — не на крыльях же слетались к нему вожаки восстания? Ей самой пришлось изрядно попотеть, прежде чем она достигла первого охранного круга.

Наверное, это сказывалась усталость — она почти что налетела на него, почувствовав пульсирующую хо-

лодную нить, мало что не коснувшись. Конечно, защи-
ту ставили не настоящие волшебники, так что дело
скорее всего обошлось бы лишь несколькими синяка-
ми и несильными ожогами, но задание она бы точно
провалила. И тогда — хоть не возвращайся назад.

Пока она проследила всю *тревожку*, край неба нач-
ал предательски светлеть. Ниакрис закусила губу и
одним рывком выдернула всю нить — разумеется, при
этом не пошевеля и пальцем, но рывок отозвался в
груди мучительной тупой болью, словно кто-то поддел
ее крюком под ребра.

Дальше на пути попался увалень-дозорный — Ниа-
крис просто проскользнула мимо неслышной серой
тенью. Часовому скорее всего показалось, что это про-
шелестел ветер.

На третьем кольце она остановилась. Здесь уже
чувствовалась рука мастера — словно кто-то бывалый
и опытный запер дома неразумных детей и отправился
по делам, рассчитывая вот-вот вернуться.

Ниакрис постаралась ощутить конец сигнальной
нити — бесполезно. Нить оказалась вообще живой,
змейка, вцепившаяся в свой собственный хвост. Такую
тронь — не только что зашипит, руку оттяпает.

Ниакрис зло сощурилась. Неужто какие-то пахари-
косари могут оказаться искуснее ее, ученицы Храма
Мечей?

Размышляла она недолго, утро подступало, а ей
еще предстояла самая трудная часть задания.

Взмах платка — и по лесу, по поваленным стволам
и мертвым, давно-давно сухим пням заплясали весе-
лые огненные язычки. Пламя вообще слушалось Ниа-
крис охотнее остальных стихий — как ей говорили,
чувствуя родственную душу.

Раздались испуганные крики. Ниакрис не шевели-
лась, невидимая, не отличимая от все еще густых тут
сумерек. Теперь надо только немного подождать...

Ветер лениво поворчал, но все-таки подчинился, гоня пламя к бревенчатому срубу скита. Миг спустя из двери ринулись людские фигуры в плащах.

Дальнейшее было просто. Без всяких там молний, огненных шаров и тому подобного истребительного арсенала, Ниакрис просто приказала четырем сердцам остановиться. Это заклятье она специально приберегала для сей четверки, хорошо, хватило духу не потратить его на умпи.

Выл и гудел огонь, с треском пожирая бревенчатые стены скита, кричали мечущиеся люди — Ниакрис больше тут ничего не задерживало. Бесшумно, не хуже заправского эльфа, она скрылась в ночном сумраке. Несколько мгновений поплясали у нее на спине отблески пожара — и все.

Оставалось последнее заклятье.

...Найти седьмого главаря оказалось не так просто. Едва ли этот тип где-то учился магии, скорее всего просто обладал неплохими задатками, и заклятья у него, как у Ниакрис когда-то, получались порой просто сами по себе. И он сумел хорошо укрыться. Девочка не чувствовала его — точнее, чувствовала, но далеко не так остро, чтобы отыскать до наступления утра, уже, кстати, совсем близкого.

И все-таки она нашла выход. Когда, отринув нахлынувшую было панику, стала перебирать возможности — вспомнилось, что эти взрослые, помимо всего прочего, еще и обожают «заниматься любовью». И если предположить, что наш главарь сейчас этим как раз и занят...

Она не ошиблась.

След, теперь ясный и четкий, вывел ее прямо к безымянной деревушке. Утро уже полностью вступило в свои права, свет разлился по неширокому кругу полей, на краю которого в зарослях притаилась девочка. Далеко за ее спиной над лесом поднимался столб ды-

ма, даже не один — несколько, пожар расширялся, и Ниакрис вновь поругала себя, что потратила на него столько сил — вполне обошлась бы и меньшим.

Дома в деревеньке, обычные для этого лесного края, длинные, с острыми крышами, покрытыми дерном, скаты спускаются почти до самой земли, так что все строение напоминает скорее земляную нору, нежели человеческое жилище.

Главарь был здесь. Внутри. И — отчего-то насторожен. То ли почувствовал приближение ее, Ниакрис, то ли — смерть своих соратников. Так или иначе, ближе подходить нельзя. Но ее заклятье того и не требует...

Ниакрис застыла, притаившись среди облетевших ягодных кустов. Сейчас. Еще немного — и делу конец...

Она плела свою убийственную сеть — последнее, пятое заклинание было самым мощным, но и самым долгим в придачу; когда внезапно скрипнула дверь, и на здоровенной коряге, заменившей дому крыльцо, появился мальчуган лет семи-восьми, с чумазой рожицей, в короткой рубашонке. Стремглав выскочил — да так и застыл, широко раскрытыми глазами глядя на Ниакрис.

Проклятье!

У девочки не было оружия, один короткий нож, какой удобно метать. Она, не мигая, всадила бы железное жало прямо между глаз неосторожного мальца, пока он не поднял тревогу, но... руки дрогнули.

А мальчик как-то сразу, вдруг, резко извернулся и опрометью кинулся в дом, что-то истошно голося.

Миг спустя — заклятье Ниакрис все еще не поспешило — на нее саму обрушился ответный удар. И притом такой силы, что наспех возведенную защиту смело начисто.

Тьма покрыла взоры, мир тонул в этой тьме, и, ког-

да темные воды сомкнулись над ее головой, Ниакрис увидела лицо Учителя.

Нахмуренное и разочарованное.

Понятно — она не справилась.

Но — в следующий миг морщины на лице Стоящего во Главе разгладились, словно он хотел сказать — не печалься, ведь ты еще только учишься, и это была просто иллюзия... хотя, конечно, того мальчишку ты обязана была убить. Ты не имела права его отпускать.

Ниакрис виновато опустила голову.

Больше всего хотелось подойти к Учителю и уткнуться ему лбом в плечо — чтобы погладил по голове, чтобы сказал бы наконец хоть одно живое слово, не только взгляды...

Но она знала, что это совершенно невозможно.

Вздохнув, девочка поплелась к выходу — принимать заслуженное наказание за нерешенную задачку.

* * *

Она никого не видела из других обитателей Храма Мечей. Грозная сила смерти, которой здесь служили, не нуждалась в торжественных многолюдных молениях. Ученик знал трех — своего наставника, помощника наставника и того, кто стоял во главе Храма. Его, Стоящего во Главе, не называли ни настоятелем, ни игуменом, ни командором — не называли просто никак. Наверное, каждый из прошедших Храм находил для этого человека (впрочем, человека ли?) свое собственное прозвание.

И Стоящий во Главе охотно откликался на них. Он мог быть господином и милордом, преосвященством и доном — кем угодно. Видящим, познающим, ведающим, ведущим — все вместе.

Когда он говорил с учеником, тому казалось, что весь этот величественный Храм воздвигнут с одной-

единственной целью — наставить его, ученика, на путь истинный.

И никто не знал, о чем Стоящий во Главе говорит с остальными. Чему их учит. К чему готовит. Этого не знали даже его собственные помощники.

К Ниакрис учитель — или, вернее, Учитель — потому что два других наставника были просто учителями — приходил раз в семь дней.

И мир вокруг нее тотчас менялся. Учитель не утруждал себя какими-то там классными комнатами или тому подобным. Каждый раз Ниакрис ждало необычайное, невероятное приключение — правда, от которого пробирал самый настоящий мороз.

Учитель не говорил ни слова. Та фраза — «а у тебя есть характер!» очень долго оставалась единственной, услышанной девочкой. Учитель просто разворачивал перед ученицей целый мир — то ли творил на самом деле, то ли всего лишь являл ей видение, но совершенно неотличимое от «реальности».

Он бросал ее, точно щенка, в воду и смотрел, выплывет она или нет. Пару раз, когда она начинала тонуть, он в конце концов вытаскивал ее — но лишь после того, как она, образно говоря, успевала нахлебаться воды.

Задачи...

Сначала он учил ее разрушать. Ни одной «задачки на созидание».

Сперва это было просто. И походило на игру. Толпы отвратительного вида чудовищ набрасывались на нее со всех сторон, и не оставалось ничего другого, как убивать — всеми доступными ей способами, которые двое наставников успели показать ей за неделю.

Огонь, молнии, лед, холод, камни — весь простой и немудреный арсенал начинающих волшебников, не умеющих ничего, кроме как придавать привычную форму яростному буйству чистой энергии. Это она ос-

воила на удивление быстро. И еще быстрее привыкла к отвратительным, не переносимым для обычного человека картинам смерти — рассеченным телам, вывороченным кишкам и тому подобному. Чудищ она разила направо и налево, не колеблясь.

Потом пришло время, когда после чудовищ ей требовалось сравнивать с землей крепостные башни и развеивать по ветру дворцы. Здесь уже надо было стараться изо всех сил. И Ниакрис словно на собственных плечах перетаскивала всю немереную тяжесть уложенных в фундаменты каменных глыб. Здесь уже требовались другие заклинания, совсем другие.

Заклинания... Оказалось, что она знала их всегда, сама не отдавая себе в этом отчета. А теперь они ложились в ее память удобно и легко, словно она просто вспоминала нечто давним-давно забытое.

О природе самого волшебства с ней говорили мало. Иногда ей казалось, что ее не учат, а просто натаскивают, словно охотничью собаку — она пыталась задавать вопросы, но наставники только качали головами.

«Мы не можем говорить об этом. Спроси того, кто сильнее нас».

Она пыталась. Стоящий во Главе молчал.

Потом, после «чистого разрушения», Учитель резко изменил их занятия. Заклинания и магия сменились долгими упражнениями в том, что можно было б назвать «воинским искусством». Десятилетняя девочка учились управлять армиями, сталкивавшимися на поле битвы, — наставники объяснили ей, что далеко не всегда чистая магия может достичь успеха.

Потом... в кого только не превращалась она! В нишью побиушку — и могущественную королеву. Беспощадную амazonку — и милосердную целительницу. Она становилась монахиней и инквизиторшей, наемницей и дамой высшего света.

И Учитель не отступался, пока она не добивалась успеха.

И после этих, казалось бы, приключений в иллюзии на теле Ниакрис прибавлялось все новых и новых шрамов, притом — самых настоящих.

Однако это было интереснее любых игр и забав. Есть люди, которые, раз познав прелест смертельной игры, где ставка — их собственная жизнь, уже не могут от этого оторваться. Ниакрис, похоже, оказалась именно из этой породы. Предчувствие смерти не заставляло внутренности леденеть, а руки — бессильно опускаться. Напротив, кровь вскипала, и она шла навстречу очередной опасности — с открытым забралом. Она знала, что теперь ее Учитель может и не выручить — если она сделает какую-то глупость, не достойную ученицы Храма Мечей. Она не бросалась вперед слепо, подобно объевшемуся мухоморов берсерку, она билась обдуманно и точно, и заклятъя послушно выстраивались в нужной последовательности.

Из нее ковали отправленную стрелу, которая, быть может, и слабее громадного топора или копья, способного пробить кольчугу тройного плетения, но зато разящую наверняка и от которой не спасут никакие снарябья.

А вот зачем ковали и против кого ей предстояло выступить, по мысли набольших Храма, — этот вопрос Ниакрис просто не волновал. Он даже не приходил ей в голову.

* * *

Годы торопились, подгоняя один другого, точно боясь куда-то опоздать, — хотя куда могут торопиться могущественные Духи Часа? К какому безвестному концу, к какому жуткому и непредставимому людским разумом устью несет свои воды великая Река Времени?.. Нет ответа. И потому веками, тысячелетиями че-

ловек смотрит в ночное небо — ему уже мало просто бесконечности, ему подавай Беспределность, где нет границ ни для чего — ни для мысли, ни для духа, ни для тела.

Ниакрис превратилась в худенькую девушку-подростка, сухую и жилистую, словно выдубленный ветром и солнцем старый корень. Пять лет она провела в Храме. Пять лет... пять лет, которые для кого другого показались бы пятью веками.

Ошибается считающий Храм Мечей суровой воинской школой, откуда выходят беспощадные и свирепые ассасины, против которых бессильны замки, яды, ловушки и наемные мечи. Ошибается считающий затерянный в пустынях Храм средоточием отвратительного колдовства, имеющего исток, подобно некромантии, в мучительстве и страданиях. Ошибается считающий Храм последней твердыней бросающих вызов Спасителю магов и волхвов, крепко блудущих до сих пор старую веру и не принявших новую.

Потому что Храм — это и то, и другое, и третье вместе и еще многое-многое другое, о чем за пределами его стен если кто и догадывался, то почитал за лучшее держать язык за зубами — в том числе и такие персоны, как милорд ректор ордосской Академии Высокого Волшебства, и хозяйка Волшебного Двора Мегана, несмотря на все свое могущество.

Ведь меч — это не только и не столько прямой (или как-то изогнутый) кусок заостренного и заточенного по краям железа. Меч — это выражение пути, способа, цели. Меч — то, что возвышает и возвеличивает. Меч берет в руки человек, стремясь достичь чего-либо; и неважно, собирается ли он при этом проливать потоки чужой крови или, скажем, всего-навсего составить учебный трактат или достойную компиляцию из древних авторов.

В Храме учили Пути. Умению ставить цели и до-

стигать их, отрещаясь от средств. И притом совсем не обязательство мечами.

Ниакрис прошла все круги. Прожила десять жизней. Когда ты живешь в сформированной для тебя мастером иллюзии, время в настоящем мире почти что не движется. В иллюзии пройдут недели и месяцы, а здесь, в жаркой пустыне к востоку от Стены Салладора, — считанные часы.

Она побывала на всех континентах и островах. Бродила по сотням дорог. Горела, тонула, падала в пропасть, срывалась с гор, бесчисленное число раз погибала в поединках с чудовищами или вражескими колдуна-ми — но куда чаще одерживала победу. Она могла легко и непринужденно станцевать на королевском балу и пить всю ночь наигнуснейшую брагу в логове лесных разбойников. Она управлялась бы со столовым прибором из двадцати четырех предметов и не побрезговала бы ничем из кухни поури. Она без запинки прочитала бы наизусть все восемьсот с лишним строф «Деяний Спасителя» и любой из многочисленных символов веры. Ее сочли бы своей в высшем свете и на самом дне.

Настала пора уходить.

Храм отпускал ее. На один год. Она была свободна и могла идти куда возжелается, делать все, что угодно. Но через год — ее ждали обратно.

...Мрак в низком подземном зале, казалось, щекотал ее кожу мягкими шелковистыми лапками. Она стояла в полной темноте, на коленях, как и в тот далекий день, перед воротами Храма. Сегодня — ее последний день. Впереди — год свободы. Потом она должна вроде как вернуться... что-то там такое совершив, о чем намеками и околичностями говорили два ее наставника, те, что позволяли себе разговоры с ней. Но на самом деле все это значения не имеет. За прошедшие годы ее Враг набрал поистине великую силу. Храм Мечей, ка-

залось бы, наглухо отгородился от мира, но какие-то слухи все же проникали. Ниакрис подозревала, что именно Стоящий во Главе определял, о чем можно обмолвиться с ней обычным наставникам и о чем — нет.

Конечно, никто не знал, что она имеет своего собственного Врага, да еще такого. Никто в Храме ее ни о чем не спрашивал. Ее прошлое умерло в тот миг, когда за ней захлопнулись черные ворота. Теперь она — воин Храма, и этим все сказано.

Во мраке возникло движение. Нет, это не заколебался воздух, не возникло легчайшее эхо, не вздрогнул едва-едва пол под ногами — Стоящий во Главе появился совершенно беззвучно, словно соткавшись из этой самой темноты. Ниакрис, несмотря на все годы ученичества, так и не смогла понять, что же за чародейство стоит за этим. Как не смогла понять, кстати, кто вообще такой этот Стоящий и чего, собственно говоря, добивается Храм. Власти? — с такими воинами ничего не стоило покорить пару-тройку соседствовавших с пустыней королевств или княжеств. Несколько десятков ассасинов — и к ногам Стоящего падет любая столица, быть может, даже блистательный Ордос.

Но никто не отдавал подобного приказа, и Храм жил как бы сам по себе, не допуская Ниакрис, несмотря на все ее старания, к своим сумрачным тайнам.

Сегодня она надеялась узнать чуть-чуть побольше.

Стоящий во Главе заговорил. Ниакрис услыхала его голос впервые за пять с лишним лет, с того самого до-стопамятного дня, когда он нашел, что у нее «есть характер».

— Мы закончили, — самым что ни на есть будничным голосом сказал глава Храма. — Больше тебе здесь делать нечего.

Сама Ниакрис так не считала — но не станешь же сейчас спорить!

— Да-да, не станешь же, — подтвердил Стоящий во

Главе, даже не считая нужным скрывать то, что он читает ее мысли. — Ты вполне готова.

Ей очень хотелось спросить: «Готова к чему?» — но вместо этого Ниакрис лишь еще ниже наклонила голову, не сомневаясь, что Стоящий во Главе, несмотря на мрак, видит каждый ее жест и движение.

— Ты покидаешь Храм. Немедля, как только закончится наш разговор. Ты свободна идти, куда хочешь, и делать, что хочешь. Через двенадцать месяцев, в этот же день, ты вновь придешь к воротам Храма. И узнаешь свою судьбу. А за этот год ты должна... — он сделал паузу, — ты должна отнять жизни у троих. Троих людей, или эльфов, или гномов, или... словом, трех любых разумных. Выбор за тобой. Можешь говорить, — неожиданно позволил он.

Ниакрис не знала, как обращаться к Стоящему во главе. Все принятые у людей и нелюдей вежливые «господин», «сир», «милорд», «тан» и так далее явно не годились. И она заговорила просто, без всяких словесных вывертов, хотя по спине на миг и пробежал холодок — а ну как ему подобная дерзость не понравится?..

— Поменьше думай о том, кому и что не понравится, и побольше о том, что предстоит сделать, — суховоато заметил ее собеседник. — Ну, говори, говори, я слушаю.

— Как я смогу определить...

— Плохой вопрос, — покачал головой Стоящий. — Попробуй еще раз.

— Я должна угадать?..

— Да. Ты должна угадать. Не каждое отнятие жизни удовлетворит Храм. Не меня, запомни это хорошенеко, — Храм. То, частью чего ты должна стать. Я знаю истории, когда люди выходили за ворота, убивали трех первых попавшихся пастухов, возвращались в Храм, и Он принимал их. И я знаю истории, когда воины преодолевали немыслимые трудности, проникая в святая

святых королей и прелатов, убивая тех, кого, как считалось, убить невозможно — и заканчивали свои дни храмовыми рабами, потому что их деяние оказалось неугодно той силе, которой мы все служим.

— То есть... — кажется, Ниакрис следовало бы испугаться. Но пора испугов давно прошла. У нее единственная цель — ее Враг, и как она доберется до него — уже неважно. Клятвы, обязательства — все это ничто перед тем, что она обязана совершить.

— То есть никто не может тебе ничего посоветовать, не может приказать, не может попросить. Ты — сама по себе и сама за себя. Ни твои наставники, ни я — мы больше ничем тебе не поможем. Вслушивайся в себя и, когда поймешь, что *должна* убить, — убивай. Вот и все, что я могу тебе сказать на прощанье.

И у девушки не возникло даже мысли спросить о том, что происходит с теми, кто не выполняет волю Храма и не возвращается.

* * *

Истину говорили о Храме Мечей — прошедшим его не нужно оружие. Ниакрис не дали с собой ничего. Ничего, кроме легкого серого плаща да грубой веревки подпоясаться. Все остальное она оставила за черными воротами, молча и равнодушно захлопнувшимися за ней.

Это странное чувство — свобода. Оголодавший человек может умереть, дорвавшись до еды, привыкший к цепям и ошейнику раб оказывается сущим зверем, едва только выйдя на волю; Ниакрис стояла, крепко зажмурившись, запрокинув голову. Даже сквозь веки она видела яростное в здешних краях солнце, яркий белый круг — теперь она может доверять только ему, дневному светилу. Поиск не может затянуться, у нее в запасе двенадцать полных лун, о том, что будет потом, если она не вернется в Храм, сейчас лучше даже и не

думать. Бессмысленно. А первое, чему ее научили в Храме, — не думай о недостижимом, невыполнимом и бессмысленном. Даже если ты ошибаешься, и это окажется потом вполне достижимым, очень даже выполнимым и совершенно не лишенным смысла. Это неважно. Важно лишь, как ты думаешь об этом сейчас. Сомнения обессиливают. Не берись, если сомневаешься. И потому столько времени в Храме тратилось на то, чтобы понять, понять без сомнений, можешь ты сделать то или иное — да или нет?..

Едва заметная дорога вела через пустыню к черным воротам. В двух неделях пути на юг — океан, о котором она столько слышала, но никогда не видела. Там — города, большие, шумные, где звучит речь с таких дальних концов Эвиала, что плыви по океану хоть год — не доплынешь. А можно повернуть на запад. Одолеть пустыню, выжженные горы Восточной Стены — и попадешь в сказочный Салладор, где дворцы, говорят, и вовсе не опишешь словами.

На востоке за пустынями и лесами, особыми, не знакомыми ей лесами-джунглями, за крошечными лесными городами-государствами, по-ученому прозывавшимися «полисы», за страной каменных идолов, если взять чуть севернее, — Царство Синь-И, а еще дальше на полночь — и вовсе незнаемые черные леса, одним плечом упирающиеся в ледяные тундры.

Но это далеко не все. Карты изобиловали «белыми пятнами», державы, королевства и герцогства возникали и исчезали, оставаясь только на желтеющих пергаментах.

Она свободна. Она может идти куда угодно. У нее нет ничего, ни одной привязанности, она никому ничего не должна и ее нигде не ждут. Храм?.. О, об этот думать не стоит. Она все равно не успеет отработать потраченное на нее. Потому что если Враг и впрямь настолько силен, шансов выйти из боя живой у нее нет.

Но это тоже неважно...

Если б она попробовала подсчитать, скольким вешам в своей жизни она успела сказать «неважно»...

Ни вещей, ни денег, ничего. Веревка вокруг тонкой талии да плетеная фляжка с малым запасцем воды — только-только добрести до следующего колодца.

Впрочем, нет. Кое-что у нее все-таки осталось. По странной прихоти Стоящий во Главе разрешил ей взять с собой памятный клинок поури — оружие долго лежало, дожидаясь своего часа, — и вот наконец дождалось. А кроме того — тряпичную куклу, постаревшую, пообтрепавшуюся, подштопанную в нескольких местах — но живую, несмотря ни на что. И сейчас кукла, как обычно, сидела на плече хозяйки, крепко-накрепко вцепившись в одежду специально для этого пришитыми Ниакрис крючочками.

Ниакрис зажмурилась плотнее. Белый солнечный диск потускнел, померк, вместо него пропадали звезды, послушно складываясь в фигуры, планеты занимали приготовленные места; Ниакрис чуть вздохнула — она не ошиблась, нужный ей день приближался, день, когда она сможет наконец встать на след своего Врага.

Она зашагала прочь от Храма. Никто не смотрел ей вслед, целый год оставшимся тут не будет до нее никакого дела. Они станут судить ее, когда она вернется — но она, конечно же, не вернется.

* * *

К вечеру Ниакрис добралась до первого в длинной цепи колодцев, соединявших Храм с более пригодными для жизни краями. Донимавший ее днем ветер, что гнал с бархана на бархан тучи мелкой и едкой пыли, наконец-то стих, и яркие-яркие звезды как-то по-особенному празднично сияли в небесах. Чернота неба, искорки звезд, песок, источающий накопленное за день тепло... Ниакрис легла ничком, раскинула руки. Мир,

громадный мир лежал вокруг, глубоко и ровно дыша, точно исполинский морской кит-левиафан. Тысячи тысяч дорог перед ней, и год — громадный срок, особенно когда тебе всего пятнадцать; смерть еще где-то невообразимо далеко, даже если должна наступить на следующий день: таково уж свойство юности, с твердой и неколебимой верой в собственное бессмертие. «Все умрут, но не я», — мысль не отличающаяся глубиной или мудростью, однако в молодости она неотвязна — наверное, только она и дает силы жить и свыкнуться с неизбежностью конца.

Время гадания близилось. Ниакрис чувствовала его течение настолько остро, словно каждый миг и каждая секунда, сорвавшиеся в пропасть невозвратного прошлого, были каплями ее собственной крови. Небесные тела как будто протягивали к ней незримые руки — через все бездны пространства, непредставимого скучным умом смертного. И в миг, когда ядовито-желтый Ямерт, снежно-белый Ямбрен, коричневатая Ятана, огненно-алая Явлата и изумрудная, точно весенняя трава, Ялини сошлись на одной прямой — нить Силы протянулась с небес на землю, бесплодную, мертвую землю, где возле затерянного среди песков колодца лежала, раскинув руки, зажмутившаяся девушка.

Все эти годы в Храме Ниакрис не имела никаких вестей из большого мира. Для усердных учеников он как бы переставал существовать. Она не знала, что случилось с ее Врагом, где его искать — не знала ничего, кроме одного — она обязана его найти.

Она закричала от жгучей боли — сила небес опаляла, словно огонь. Тело изогнулось дугой, сознание помутилось — но вытолкнуть из себя заранее сплетенное заклинание она успела, словно плунув в лицо холодным и равнодушным небесам.

И, хрипя, отхаркиваясь кровью и корчась на земле в жестоких судорогах — неизбежная расплата за подоб-

ные колдовские прозрения, — она словно с высоты птичьего полета увидела угрюмый замок в суровых, злых горах; болезненно-тонкие башни, словно вознамерившиеся пронзить сами тучи, дерзни те опуститься недозволенно низко; высокие изогнутые переходы, арки, переброшенные через пропасти. Замок напоминал диковинного спрута, распростершего щупальца над безднами. К замку вела одна-единственная узкая дорога, где едва могла протиснуться телега — со всех сторон были только отвесные скалы. Тонкая цепочка каких-то существ тянулась к воротам по подвесному мосту без признаков перил и исчезала в черном провале входа. В венчике окон главной башни угрюмо мерцал красный отсвет. От всей этой картины веяло смертью и запустением, запустением и смертью, и Сила, обитавшая в пределах этих стен, похоже, давно забыла, что такое радость.

Больше Ниакрис ничего не увидела — пришло четкое осознание пути, дорога лежала перед ней, словно начертанная на карте. Оставалось только встать и идти.

Сознание погасло, уступив натиску боли. Ниакрис провалилась в забытье с блаженной улыбкой на губах. Она узнала все, что нужно, — и кого волнует, что откатом от ее заклинания колодец превратился в зловонную яму, забитую ядовитой зеленоватой слизью, где очень скоро заведутся более чем несимпатичные создания?..

* * *

Дорога стелилась под ноги. Закаты сменялись восходами, пески уступили место сухим степям. Ниакрис шла на северо-восток, туда, где цепь старых гор почти что надвое разделила громадный континент. Ее не забо-тило, сколько дней займет дорога. Пусть даже и целый год. Жара сменилась осенними дождями, надвинулись леса, безлюдье сменилось редкими деревнями — а она

110°39'

все шла и шла, почти не обращая внимания на окружающий мир. Правда, мир сам пытался обратить на нее свое внимание, но, увы, безуспешно.

Как правило, она сторонилась людей. Еду она добывала в лесах — осень щедра на ягоды с грибами, и только невежда не сможет на этом прожить, а Ниакрис как раз невеждой отнюдь не была.

Правда, однажды она-таки не смогла миновать города — крепость запирала вход в узкое ущелье, а пробираться по отвесным скалам означало большую потерю времени — летать Ниакрис все-таки не умела.

На нее стали плятиться еще в воротах. Стражники, смуглые, черноволосые, в странных желтоватых пластинчатых доспехах и рогатых шлемах, уставились на белокожую Ниакрис, словно на чудо. Копья с широкими, в полторы ладони наконечниками скрестились, преграждая ей путь.

Язык, на котором к ней обратились, Ниакрис знала, но ответ получился, разумеется, с акцентом: наставники Храма очень старались, но полностью изгнать это так и не смогли.

— Ты откуда?

— Из Меагры, — Ниакрис назвала большой порт на побережье Южного Океана.

— Не похожа ты на меагрийку, — нахмурился старший. Скрешенные копья не поднимались.

— Конечно, — презрительно бросила Ниакрис. — Я в Княж-городе родилась.

— В Княж-городе? — не успокаивался стражник. — А в Меагре что делала?

— На жизнь зарабатывала, — невозмутимо ответила Ниакрис. — Так, как могла. — И она игриво подмигнула старшему наряда.

Охранники масляно ослабились.

— Э, подружка, мы таких, как ты, запросто в город не пускаем, — ухмыльнулся старшина. — Давай-ка, прогуляемся... тут недалеко...

— Можно и прогуляться, — беспечно кивнула Ниакрис.

— За меня останешься, Кирит, — распорядился старшина. Облапил Ниакрис за плечи и почти что поволок к узкому проулку, вплотную примыкавшему к городской стене.

Так Ниакрис и попала внутрь.

Они прошли шагов двадцать по грязной уличке, завернули за угол, оказавшись в окружении отвратного вида глинобитных домов в два этажа, с черными провалами окон и зловонными сточными канавами вдоль стен. Стражник задом толкнул какую-то дверь, потянув Ниакрис внутрь.

Она послушно последовала за ним — но стоило солдату сунуть обе руки ей под запыленный плащ, как рука Ниакрис взметнулась, сложенные щепотью пальцы ударили стражника в горло с такой быстротой, что никто не смог бы даже рассмотреть этого движения.

Незадачливый страж свалился, точно куль с мукой, не издав и единого звука. Ниакрис равнодушно перешагнула через тело. Несколько мгновений спустя она уже покинула лачугу через занавешенную рваным покрывалом заднюю дверь, оказавшись на другой уличке, еще более кривой и грязной, чем предыдущая. Не оглядываясь, девушка быстро двинулась в глубь густого и запутанного лабиринта, возведенного человеческими руками.

Она не собиралась задерживаться здесь. Солдата, конечно же, хватятся его же собственные товарищи, и найти им его труда не составит — едва ли место подобных утех держалось в особенном секрете. Ниакрис легко прорвалась бы сквозь любые заслоны — но кто знает, вдруг Враг имеет тут своих прознатчиков?..

И все-таки проскользнуть тихо и незаметно ей не удалось.

На перекрестке ее остановили двое, от кого она, честно говоря, в последнюю очередь ждала бы угрозы.

Пара неспешных, солидного вида монахов в добрых, чистых алых рясах, с лицами более чем умироворенными — что нетрудно было понять, потому как святые отцы прямо-таки благоухали добрым ячменным пивом.

Один — здоровенный толстяк — благодушно перебирал четки, второй, высокий и тонкий, и вовсе шагал, возведя очи горе, и, казалось, вообще не интересуясь мирским. Ниакрис аккуратно взяла левее, обходя колоритную парочку, но монахи, которым еще секунду назад вообще не было до нее никакого дела, внезапно и резко подались к ней.

— Дочь моя, куда направляешься ты? — сладким голоском пропел толстяк.

— Да-да, куда? — подхватил высокий.

Ниакрис отшатнулась. Монахи не казались опасными... но, с другой стороны, что за странные вопросы? Какое им дело до мирно бредущей куда-то по своим делам бедной девушки?

На миг Ниакрис взглянула в жесткие, буравящие ее глаза толстяка — и тотчас отбросила все возможные роли. Словами тут не отделаешься. Будет драка — вот только почему, и что им от нее нужно?

Она отступила еще дальше, вжимаясь в угол стены. Если хотят нападать — пускай. Поломают себе зубы.

Монахи выразительно переглянулись. Получилось что-то вроде «Она знает, что мы знаем».

А в следующий миг толстяк, казавшийся всего-навсего неуклюжим увальнем, с неожиданной ловкостью и быстротой метнул в девушку какой-то хитрой ременной петлей — словно кнутом стегнул.

Ниакрис еле уклонилась — однако щеку обожгло, словно огнем.

— То, что надо, — совершенно другим, холодным и деловым голосом сказал толстяк.

Его напарник молча кивнул.

Ниакрис не могла ошибиться — оба монаха двигались теперь не просто как обученные искусству боя люди, но как истинные мастера. Даже ей, со школой Храма, приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы хотя бы не прозевать начало удара.

А удар последовал. Мгновенный, резкий и кручениий, толстяк как-то враз оказался рядом с девушкой, и его кулак скользнул Ниакрис по ребрам. Она увернулась, но не до конца, и в глазах вспыхнули алые круги. А из руки второго монаха уже струилась, точно живая, кожаная удавка, петли захлестывали плечо и шею, еще миг — узел затяняется, а тогда — конец.

Ниакрис ничего не оставалось делать, как прибегнуть к магии.

Вокруг пальцев девушки вспыхнул слепящий ореол, послушный огонь потек было вперед — но бессильно разбился о грудь толстяка, не оставив на красной рясе и малейшего пятнышка.

Монах лишь отшатнулся, словно от сильного удара — и только.

— Ого, славно-то как! — услыхала Ниакрис более чем довольное восклицание высокого. Небывалое дело — он радовался силе врага!

Кто-то очень и очень могущественный наложил на эту парочку заклятье, почти полностью защищающее от магии. Времени перебирать боевые заклинания, в надежде, что хоть одно да сработает, у Ниакрис не было. Оставалось только одно — драться. Самым что ни на есть простым способом, как говорится, «на кулачках».

Воины Храма считались лучшими бойцами в мире. Почти что непобедимыми. Однако на сей раз Ниакрис встретила достойных соперников. Неведомо, кто и где учил этих монахов, но учил он их хорошо. Скорость встретилась со скоростью, точность — с точностью,

ловкость — с ловкостью. Случившиеся бы поблизости люди не увидели ничего, кроме ало-серого вихря. Схватка продолжалась несколько секунд, и вот они замерли вновь — даже не запыхавшись. Никто не взял верха, да, наверное, и не мог взять. Монахи остались без своего ловчего снаряда, на лицах их прибавилось несколько ссадин; Ниакрис украдкой потирала ноющий бок.

— Сильна, — с уважением сказал толстяк. — Сильна ты, дева, что ни говори. Храм?

— И думать нечего, — прошепелявил высокий, лишившийся одного зуба. — Храм. Знатная добыча...

— Ничего, никуда не денется, — зловеще посулился толстяк, медленно пятаясь прочь.

— Это верно, — согласился с напарником высокий.

Монахи неторопливо, осторожно отступали, пока не скрылись за углом. Ниакрис вихрем метнулась прочь — не хватало только ждать, пока эта парочка приведет пополнение. Некогда думать, кто это такие и зачем напали на нее средь бела дня и на оживленной улице.

Оживленной? Как бы не так. Вокруг все вымерло, окна захлопнулись, все как одно, словно по команде, ни одной живой души... Ниакрис мчалась будто через зачумленный квартал, не хватало только траурных черных тряпок на заразных домах.

Однако, несмотря ни на что, она успела заметить, как с крыши одного из домов сорвалась в небо здоровенная летучая мышь.

Летучая мышь? Среди дня? Вампир, из высших, не иначе. Вот только что он делает здесь, в городе? В Храме говорили — нынешние вампиры страшатся городов как огня, власть слуг Спасителя растет, Ночному Народу все труднее даже не добывать пропитание, а уходить после этого живыми.

А что, если — мелькнула на бегу мысль, — что, если

этот вампир служит Врагу?.. И послан следить за одним из подходов к горному замку?..

...И все-таки, кто такие эти монахи? И что значит «никуда не денется»? Они пошлют за ней погоню? Вот еще одна забота...

Грязный городок, названия которого она не потрудилась даже сохранить в памяти, кончился резко и внезапно высокой стеной и скучающими стражниками в воротах. Такими же, как и на южном входе в город.

Тут Ниакрис времени терять уже не стала. Прямо посреди жидкой грязи, среди мирно нежившихся в ней тощих свиней вспух оранжевый пузырь взрыва, расшивырявшего и хрюшек, и стражников. Никого, конечно же, не убило, но шуму и грому получилось изрядно.

Перед Ниакрис раскрылось узкое ущелье, по дну которого журчал быстрый поток. Каменное царство, где лишь кое-где по краям осыпей отчаянно пытались укорениться жалкие кустики и карликовые деревца. Дорога вдоль потока некогда была замощена, но давным-давно уже не чинилась и выглядела почти что заброшенной. А ведь крепость явно поставлена была охранять южный выход из горного прохода, через который вел на север когда-то оживленный торговый тракт — уж не из-за поселившегося в полуночных краях Врага стряслись все эти беды?

Ниакрис продолжала путь. Правда, через горы идти оказалось голодно — на камнях, как известно, если что и растет, так лишь мхи да прочая гадость. Несколько раз девушке удавалось поймать рыбу в струившейся, по ущелью быстрой реке и кое-как утолить голод, съев добычу сырьем.

Восемь дней она пробиралась горами, не встретив ни единого живого существа.

На девятый день ущелье кончилось, а вместе с ним — и одиночество Ниакрис.

На камне, нимало не скрываясь, сидел невзрачного

вида монашек в видавшей виды алой рясе. Сидел, перебирая четки и насмешливо посматривая на замершую Ниакрис.

Так вот что имел в виду тот толстяк! Ну конечно, как же иначе — они просто послали весть на другую сторону гор, и ей приготовили теплую встречу. Только вот почему этот монашек не скрывается?.. Или это просто хитрость, и за камнями засела целая сотня его соратников-краснорясников?..

— Нету тут никого, я один, — сказал монашек, перекидывая четки на сторону. — Не бойся ничего... девочка.

Девочка? Ниакрис забыла, когда ее в последний раз называли так.

Беспокойно зашевелилась тряпичная кукла на плече.

Воспитанница Храма ничего не ответила. И не потому, что с врагом нельзя говорить, как верят некоторые. Мелкими, медленными шагами она двинулась в сторону, стараясь занять позицию получше. Монашек же тем временем соскользнул с камня, покряхтел, расправляя занемевшие ноги, — верно, сидеть ему пришлось долго.

— Мне надо тебе кое-что объяснить, о доблестная дева, — он откинул капюшон, улыбнулся, и Ниакрис вдруг поняла, что невзрачный монашек на самом деле очень молод. Правда, лицо его не отличалось красотой — все покрытое багрово-синюшными следами от заживших оспин, худое, какое-то птичье, с острым выдающимся носом. Но двигался монашек с какой-то диковатой, неуловимой грацией, так что заметить начало его движения не мог даже тренированный глаз юной мстительницы.

— Я из ордена Красных монахов, дева, — сказал монашек. — Нас еще прозывают Охотники за Свободными. Слыхала, поди, в своем Храме?.. Молчишь? Не

хочешь говорить? Правильно, я б на твоем месте тоже молчал. Ну хоть кивнуть-то ты можешь? Твоя боевая стойка от этого не пострадает.

Ниакрис не ответила ему и даже не кивнула. Все ясно. Монахам не удалось взять ее силой, теперь они пробуют хитрость. Пусть не надеются, что она купится на задушевные разговоры.

И об Охотниках за Свободными она ничего не слышала.

— Орден создали лет шестьсот назад, — размеренно, словно на лекции перед усердными студиозусами, проговорил монашек. — Создали в помощь Святой Инквизиции для борьбы со скверной в тех местах, куда не может дотянуться рука аркинского престола. Главным образом — с ведьмами, которых тогда развелось в восточных землях видимо-невидимо. И притом это были далеко не те же ведьмы, что на западе. Знаешь, чем они отличались?..

Ниакрис этого не знала и, собственно говоря, знать не хотела, однако время совершать какие-то резкие движения, по ее мнению, пока еще не пришло. Неразумно вступать в бой, не выяснив до конца сил врага. Так что пусть этот рябой говорит. А мы послушаем...

— Западные ведьмы были самыми обычными женщинами. Разве что только с некоторым даром чародейства и ворожбы. Инквизиция жгла их сотнями. А вот здесь, на востоке, где спины гнутся далеко не так же легко, ведьмы дрались отчаянно. И создали даже свое собственное войско. Себя они называли просто — Свободные. И справиться с ними не могли даже самые лучшие инквизиторы, которых присыпал сюда Аркин. Ты следишь за моей мыслью, дева?

Ниакрис в куда большей степени следила за камнями вокруг, но тем не менее кивнула.

— Ага! — обрадовался монашек. — Кивнула — это уже что-то. Так вот, ведьмы сорганизовались. И дали

бой. Инквизиторам пришлось несладко. И тогда на помощь им пришли мы, Красные монахи. Орден разгромил воинство ведьм и с тех пор стоит на страже мира и покоя восточных земель. Он бдительно несет неусыпную стражу, и если кто-то из братьев-исследователей видит подозрительную... Вот ведь чушь какая несусветная, правда? — неожиданно закончил он.

Ниакрис оторопела. Если монашек хотел ее огородить, ошеломить и вообще сбить с толку — ему это вполне удалось. Правда, внимания она все равно не ослабила ни на миг. Словам верить нельзя. Тем более — словам слуги Спасителя.

— Вижу, ты удивлена, — весело продолжал рябой монашек. — Все, что я тебе говорил, — вздор, которым забивают головы глупым неофитам. Послушай, может, мы все-таки поговорим? Ты, я догадываюсь, из Храма, у тебя были прекрасные наставники, и ты справилась бы с любым братом-исследователем... что, собственно, и произошло в Накрете. И тогда тебе навстречу пришел я. — Он широко улыбнулся. — Думаю, если мы с тобой начнем мериться силами, мне не удастся тебя скрутить, но и тебе не удастся пройти мимо меня. Думаю, мы с тобой равны. И нам совершенно незачем пытаться проломить друг другу голову, не правда ли?

— Мне надо пройти, — угрюмо сказала Ниакрис. — Или умереть, пытаясь это сделать.

— Тц-тц-тц, какие высокие слова! — покачал головой монашек. — Не сомневаюсь в их серьезности и правдивости, сестра. У меня ведь, собственно говоря, дело простое — разузнать как можно больше о тебе и, если удастся, уговорить примкнуть к нам, Красным монахам.

Ниакрис покачала головой. Ей нет дела до каких-то там монахов.

— Собственно говоря, Орден сейчас — веселое место, — задумчиво уронил рябой монах. — Ведьм оста-

лось мало, и, если честно, чтобы снискивать, как и прежде, обильное пропитание... — он залихватски подмигнул Ниакрис, — частенько приходится разыгрывать всяческие спектакли... перед князьями и владельцами. Теперь понимаешь, для чего ты смогла бы нам сгодиться?

— Так ваша цель — просто весело жить, и все? — не удержанась Ниакрис. — Ну и типы...

— Конечно, нет, — рябой монашек посеръезнел. — Все ведь зависит от тебя, сестра. Орден — наилучшее место, где каждый, обладающий Силой, может найти себе дело по способностям и призванию. У нас есть искусные актеры и драматурги, которые наслаждаются, ставя грандиозные пьесы, трагедии и драмы под открытым небом, — он чуть усмехнулся. — Есть истинные бойцы, которые, как встарь, рыскают по всему востоку, отыскивая настоящих ведьм. Есть те, кто сражается с Нечистью и Нежитью, кто защищает людей именем Спасителя... Орден — это сейчас и есть общество Свободных, сестра. Ты можешь стать одной из нас.

— Ты забыл, что я из Храма? — уже более миролюбиво откликнулась Ниакрис. — Ты знаешь его законы?..

Монашек вопросительно поднял бровь.

— Нет. Мы не сталкивались с его ассасинами. Они как-то по большей части действуют на юге и западе.

— Тогда и не предлагай мне ничего подобного, — мрачно сказала Ниакрис. — Мне надо идти, монах. Уступи мне дорогу или — что ж! — сразись со мной. У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, — возразил монашек. — Как говорится, из каждого безвыходного положения есть самое меньшее два выхода. Ладно, сестра, я не стану ничего тебе навязывать. Но, быть может, ты согласна

будешь взять меня в провожатые? Я смог бы рассказать тебе больше...

— Ты сказал вполне достаточно, — оборвала его девушка. — С обманщиками и лгунами мне не по пути.

— Ну, не по пути так не по пути, — неожиданно легко согласился монашек. — Я вижу, твой характер тверд, как гномья сталь, сестра. Грех против Спасителя препятствовать тебе в осуществлении твоей воли. Легкой тебе дороги... и легкой смерти, ибо, я вижу, ты идешь умирать.

Ниакрис равнодушно пожала плечами.

— Это не слишком правильное времяпрепровождение, — заявил монашек, — но опять же это твое решение и, значит, так тому и быть. Вот только не знаю, сумеешь ли ты дойти до замка...

— Замка? Какого замка? — насторожилась Ниакрис. Ни о каком замке она и слыхом не слыхивала и, собственно говоря, даже не могла сказать, почему ее это должно касаться, но... Грудь сдавило странной тревогой, а во рту ни с того ни с сего пересохло. Ей показалось, что на миг потемнело само небо над их головами.

— Ты ведь идешь убивать одного оч-чень-очень злого волшебника, с недавних пор выстроившего себе грандиозный замок в северных горах? — как бы неизначай осведомился монашек.

Ниакрис пожала плечами. Она ничего не знала о своем Враге, кроме лишь одного — ее заклятье должно привести прямо к нему.

— Этот чародей пришел туда не столь давно, может, лет пять назад, — принялся рассказывать монашек, хотя никто его об этом не просил. — На голом месте воздвиг крепость. Строили мертвцы. Орды мертвцов. Он разорил все до единого кладбища в предгорьях. Целые орды зомби уходили за перевал сплошными колоннами, где он затеял строительство своей цитадели.

Никто не дерзнул их остановить — разумеется, кроме Красных монахов.

— Ну и?.. — не удержалась Ниакрис.

— Они погибли мученической смертью, и вся братия ещенощно с тех пор молится за спасение их душ, — очень серьезно ответил монашек.

— Тыфу, глупость, — проворчала девушка. — Если у них не было никаких шансов — зачем же ввязывались? А если шансы были — значит, они плохо подготовились. Потому что идти в бой надо не для того, чтобы геройски умереть. Так нас учили в Храме.

— Что ж, правильно учили, — кивнул ее собеседник. — Вот только почему ж ты нарушаешь завет своих же собственных учителей?

— А это мое дело, — буркнула Ниакрис. — Тебя не касается.

— Хорошо, пусть не касается, — вновь согласился монашек. — Но идти-то я могу куда угодно, правда? Здесь дороги общие.

На это Ниакрис не нашла что возразить.

Какое-то время они молча шагали рядом. Монашек ловко перемахивал через попадавшиеся у них на пути рытвины и щели, казалось, земная тяга над ним не властна совершенно, и захоти он — в ту же минуту взлетит в небеса. Дорога выдалась не из легких, по всхолмленной равнине, наверное, прошлась палица какого-то разгневанного великана — столько на ней встречалось ям, ямищ и ямин. Да еще и трещины, как после землетрясения. Угрюмые еловые леса с обеих сторон сдавили узкую дорогу, не дорогу даже, а скорее звериную тропу, изредка используемую и людьми. Но вела она в правильном направлении, а все остальное Ниакрис волновало мало. Все равно возвращаться ей этим путем уже не придется.

Монашек и впрямь никак не старался разговорить девушку. Даже своего имени он не называл. Шагал се-

бе то рядом, то чуть сзади, но на саму Ниакрис не смотрел. Опасности от него не исходило — в этом Ниакрис не сомневалась, своему чутью на угрозу она привыкла доверять. Похоже, монашек и в самом деле был тем, кем назывался; а раз так, то пусть идет себе, дорога ведь и впрямь общая.

Как и Ниакрис, монах шагал налегке, даже без за-плечного мешка, и непонятно было, как же он сам-то оказался в этих диких краях без всяких припасов? Девушке пришлось сделать дневку, потому что даже воспитанники Храма странствовать так уж особенно долго на голодный желудок все-таки не умели.

— Не стоит, — вдруг сказал монашек, когда Ниакрис решительно свернула с тропы в чащу. — Не теряй времени, Ниакрис. Чародей становится сильнее с каждым днем и, быть может, даже с каждым часом. Ты вот не дала мне рассказать о его замке, а зря...

— Так рассказал бы, кто ж мешает, — буркнула мстительница. — И, кстати, поделился бы секретом — как это ты ноги не протянешь, если не ешь ничего?

— Плоть не должна властвовать над духом... — затянул было монашек знакомые девушке еще по Храму Мечей объяснения, и она нетерпеливо прервала своего спутника:

— Про это будешь на базаре зевакам заливать. Дело говори!

— Дело и говорю, — обиделся монашек. — Ты вот смеешься, а на самом-то деле так оно все и есть. Плоть сильна, только мы этого сами не знаем. Потакаем ей во всем, а ее надо в строгости держать, в строгости!..

— Это вериги носить, что ли? — хмыкнула Ниакрис.

— Зачем вериги? — удивился монашек. — Вериги это уже вчераший день... даже, наверное, позавчераший. Просто я вот един с этой землей, с небом, с водой, текущей в недрах...

— Да оставишь ты эту ерунду или нет! — рассвирепела Ниакрис. — Кому голову задурить хочешь — мне, Храм Мечей прошедшей?! Будешь пытаться — честное слово, проверю, так ли ты и в самом деле неуязвим, как хочешь казаться!

— Погоди, погоди, — примирительно поднял руку монашек. — Экая ты горячая. Ты вот не веришь ни во что, а это неправильно. Верить надо, иначе...

— Я и верю, — усмехнулась Ниакрис. — В себя верю, в свое оружие... в умение... а больше, извини, ни во что. И в Спасителя твоего тоже не верю, ты уж извини. Наслушалась я сказок этих.

— Ну, ты ж меня своими глазами видишь — где же тут сказки? — кротко заметил монашек. — Вера меня питает и поддерживает. Вера, и больше ничто. Ибо сказано в Писании...

— Знаю, знаю, имей веру с горчичное зерно и сможешь горы двигать, — насмешливо перебила монашка Ниакрис.

— У тебя ведь тоже есть вера, — неожиданно заметил ее спутник. — Только ты веришь в неверие. Вот и все. А спроси тебя — почему так получилось — не ответишь, потому что на такое даже и ответить нельзя. Вбила ты себе в голову «не верю!», мол, — и с концами. А на самом-то деле Спаситель, он...

— Заткнись, — Ниакрис остановилась, в упор глядя монашку в невольно забегавшие глаза. — Замолчи. Или будем драться. Насмерть. Здесь и сейчас. В эти мои слова ты веришь?!

Монашек поперхнулся и умолк. Несколько секунд он вглядывался прямо в глаза девушки; потом шумно вздохнул и с сокрушенным видом развел руками.

— Прости, сестра. Прости, я потерял терпение и впал в соблазн. Буду молить Спасителя, чтобы он отпустил бы мне этот грех...

— Потом молиться станешь! — с яростью перебила

его Ниакрис. — Хочешь идти со мной — иди, что ж с тобой поделаешь, ты еще хуже рыбы-прилипалы! Иди, только молча! Понял меня, краснопузый?!

— Понял, сестра, — ухмыльнулся монашек. — Постараюсь тебе больше не досаждать. Только вот есть тебе все равно что-то надо.

— Так вот не трепал бы языком, а помог бы дичину добыть, — не удержалась Ниакрис.

— Не могу, — монашек виновато развел руками. — Трупоядством не занимаюсь. Злаки еще куда ни шло... все, молчу, молчу, — поспешил добавил он, очевидно, заметив выражение на лице Ниакрис.

...Охота отняла у мстительницы целый день, пока ей наконец не удалось сбить тупой стрелой неосторожного тетерева. Все это время Красный монах таскался за Ниакрис тенью, правда, не проронив ни единого звука и вообще стараясь не слишком отличаться от ее собственной тени.

— Так ты собирался что-то там про этот замок рассказать, — как бы невзначай обронила Ниакрис, после того как тетерев был запечен в углях.

— Замок? Ах да, замок... — монашек сосредоточенно потер лоб, словно вся округа усеяна была замками злых волшебников, которым шли мстить пятнадцатилетние девчонки. — Замок, конечно, всем замкам замок. Строили его, если помнишь, я тебе говорил, зомби, так что заказчик с рабочими не церемонился. Три рва. Три кольца стен. Ну, башни, как положено. С трех сторон — голая скала, не вскарабкаешься.

Ниакрис непочтительно фыркнула. Для нее, прошедшей Храм, не существовало ни стен, ни скал, на которые она не смогла бы подняться.

— Не вскарабкаешься, — уже строже повторил монашек. — Наши пробовали. Не смогли.

— Не смогли вскарабкаться или прорваться не

смогли? — уточнила Ниакрис, и монаху пришлось волей-неволей сознаваться:

— Влезть-то они влезли .. да прямо там их и повязали.

— Кто? Страж?

— Стражи. Мертвые в том замке служат, живых на десять лиг в округе не сыщешь...

Ниакрис пожала плечами. После всего случившегося в Пятиречье и потом ее не испугаешь никакими зомби и прочими страхами.

— Ладно, — она махнула рукой. — Дальше говори. Я слушаю.

Монашек кивнул:

— Думаю я, в замке не меньше пяти тысяч воинов-мертвецов. Целая армия. Спать они, само собой, не спят, не едят и не пьют. Что и говорить, выгодные воины! Да только бойцы они никудышные. Мертвяки, одно слово. Конечно, от дуновения одного не упадут, но хороший воин запросто с пятком справится... а такой, как ты — то, наверное, и с сотней, да только все это без толку — уж больно их там много собрано...

— Много — не мало, — равнодушно сказала Ниакрис. — Жарче гореть будут.

Ей и в самом деле было как-то все равно, пять воинов Врага поджидает ее впереди или пять тысяч. Драться с ними в планы мстительницы никак не входило.

— Гореть! — монашек всплеснул руками. — Надо же такое сказать! Чему тебя только в твоем Храме хваленом учили, хотел бы я знать!.. Мертвяки не солома, так просто не вспыхнут. Что, погребального костра никогда не видела?

Ниакрис помотала головой. В Храме было не до того, а поури своих мертвых просто зарывали в землю, не отягощая себя лишними мыслями об огненном потребении.

— Ты про замок говори, не про охрану, — попросила она, решив до конца оставаться терпеливой. — Замок меня интересует, понятно? Замок и больше ничего. Рассказни о зомби оставь для другого раза. Подходы, подступы, подъездные пути, дороги, все прочее.

— Дороги... — выразительно скривился монашек. — Подъездные пути... надо ж, слова какие учёные... Нету там никаких дорог, кроме лишь одной, что к воротам идет из долины. С трех сторон — обрыв, голые скалы, там и хорек не взберется.

Ниакрис еще более выразительно подняла бровь.

— Хочешь сказать — я, мол, не хорек, взберусь? — спросил монашек. — Может быть, может быть. Только наши, я тебе скажу, лазили. И тоже не из последних ребята были. Однако ж где они теперь? Нету, сгинули, может, среди таких же зомби тот замок проклятый сторожат...

— Я не сгину, — заверила спутника Ниакрис, хотя могла бы и вовсе не отвечать.

— Они тоже так говорили, — раздалось в ответ.

— Опять ни о чём разговор, — девушка начинала сердиться. — Ты дело говорить будешь или только чепуху молоть? Высота стен, глубина рвов, сами стены — из чего сложены? Бутовый камень, блоки, кирпич?..

— Блоки, — злорадно сказал монашек. — И один к другому пригнаны так, что и шила не всунешь. Видел я их — каждый блок с телегу размером. Мертвцов передавило, пока их на место ставили, — страсть! Да только хозяину-то что, он новых себе в одну ночь целую армию наделает...

— А чего ж он тогда в тех горах сиднем сидит? — неожиданно спросила Ниакрис. — Коли у него такая силища — так надо идти равнинные земли завоевывать, власть Тьмы устанавливать... чего ему, спрашивается, на тех перевалах делать? Над кем владычество-

вать, над кем злодейства творить? Что-то не пойму я этого...

— Ну откуда ж мне знать? Я с тем чародеем пива накоротке не пивал, — съехидничал монашек. — Сидит, значит, так надо. Может, силы копит. Может, какое особое злодейство замышляет. Может, он вообще с того места двинуться не может. Может, он в землю на мертвое врос. Или там в стену. Я о таком слыхал. Сидит в пещере чудище, и хотелось бы выйти, а не может — кости в камень вросли. Говорят, таких колдуны сокровища сторожить сажали, и притом специально не кормили, чтобы, значит, злее были.

— Так если пса сторожевого не кормить, так он любому, кость бросившему, служить станет, если прежде от голода не подохнет, — заметила Ниакрис.

— А эти страховиды добычу свою зовом подманивали, на манер вампиров, — продолжал болтать монашек — Да только все равно вымирали, потому как народишко те места не то что за лигу — за пять дней пути начинал обходить, а тут уже никакого зова не хватит...

Разговор о замке как-то сам собой умер и больше не возобновлялся. Ниакрис все больше и больше осознавала, что ей придется полагаться не на тщательно разработанный детальный план, где просчитаны каждое мгновение и каждое движение, а на то, что в западных землях порой именуется *фюором*, если пользоваться их смешной нелюдской азбукой.

Фьюорор — это когда боец сам вызывает у себя состояние, схожее с боевым опьянением берсерков, только в отличие от оных аколит Храма Мечей не нуждался в настойке из мухоморов. В состоянии фьюорора Ниакрис не будет нуждаться в планах и тому подобном. Она превратится в саму смерть, что находит врага, даже не прибегая к такой медленной вещи, как обычное сознание.

Но фьюорор еще и смертельно опасен. Воин сжигает

себя, и, если он перейдет черту, — возврата уже не будет.

Впрочем, Ниакрис ни на какой возврат и не расчитывала.

Минул день, минул другой — Ниакрис знала, что замок ее Врага приближается, она чувствовала нарастающую, казалось, в самих костях тупую ноющую боль — она знала, что ее заклинание повлечет за собой отдачу, но никогда и представить себе не могла, что это окажется настолько болезненно.

Леса вокруг стали совершенно безжизненны — то есть в них совсем не стало обычного зверья и птицы. Зато все чаще и чаще стали попадаться совсем другие создания, что обычно крутятся вокруг да около подобных посвященных Злу мест, собирая обильную жатву, пируя ли на останках принесенных колдуном неведомым силам жертв, разрывая ли на куски безжалостно выброшенных им слуг, в чем-то провинившихся или же почему-то ставших просто ненужными. Попадались тут и совсем ни на что не похожие существа, как предположил спутник Ниакрис, — то, что чернокнижник пытался превратить во что-то иное, но почему-то не добился успеха и тоже вышвырнул этих уродцев прочь.

Как ни странно, путников никто не побеспокоил. Горели по ночам в зарослях красные и желтые огоньки глаз, но напасть твари не решились. Ниакрис чувствовала истекавшую из кустов голодную злобу, засевшие там существа пускали слюну, но что-то более могущественное, чем голод, сильнее, чем даже страх смерти, удерживало их от нападения.

— Тебя они чуют, — ответил на невысказанный вопрос Красный монах. — Собравшийся умирать и твердо на это решившийся — страшный противник. Если б они напали на тебя сейчас, от них не осталось не только бы их поганых шкур, но и того, что они имеют наглость именовать «душой». Ты не знаешь сама, на что

способна, моя дорогая. И... должен признаться, что и сам не стремлюсь это узнать. Начинаю думать, что добиться с тобой ничьей оказалось бы весьма непросто, — он усмехнулся и помешал прогоравшие угли. Взлетел сноп красных искр, на миг ожило пламя, вырвав из темноты лицо Ниакрис — закаменевший бронзовый профиль, сухие и резкие линии...

— Ты словно наконечник стрелы... — внезапно осипшим голосом произнес монах. — Тебе никто никогда не говорил, какая ты красивая? Ох, извини меня, что я несу...

Ниакрис внезапно ощутила, что к щекам подкатила жаркая волна. Она смутилась — и в самом деле, неужто на нее могут действовать эти пошлые словечки, на нее, обученную повергать к своим ногам принцев крови и королей?..

— Говори, мне-то что, — постаралась она ответить как можно равнодушнее. — Или ты думаешь, что я, точно деревенская дурочка, с визгом брошусь тебе на шею?

— Нет, не думаю, — принужденно рассмеялся монах. — Хорош бы я был!.. Нет, не бойся.

— Бояться?.. — Ниакрис сстроила гримаску. — Вот еще!.. Скажи лучше, ты не можешь зачаровать дюжину-другую наших соглядатаев? Пригодятся, когда мне на штурм идти.

— Этих — могу, но не советую, — заметил монашек. — Тьма невероятно сильна в них, ты можешь внушить им покорность на какое-то время, но рядом с замком они тотчас стряхнут все твои заклятья. Враг куда сильнее нас, не забывай. Вообще-то лезть в его логово — самоубийство, это ж яснее ясного. Но, — он остановил сам себя, — кто я такой, чтобы тебя отговаривать? Ты все равно пойдешь до конца... и я вместе с тобой, — неожиданно закончил он.

— Ты?! — поразилась Ниакрис. Этого она никак не

ожидала. Монашек, думала она, вполне может проводить ее до замка, но идти вместе с ней на штурм?..

— Я, — кивнул монашек, резко отбрасывая капюшон. Теперь пламя играло уже на его лице, властно смывая рябые осины, сглаживая и скрадывая черты: на девушку смотрело властное и сильное лицо при рожденного бойца, такого же одинокого волка, как и она сама, только на время прибившегося к какой-то стае, какой — сейчас уже значения не имело. — Почему это тебя так удивляет?.. Ну хорошо, я мог говорить глупые слова, но я хочу, чтобы за меня говорили б мои дела.

— Но зачем тебе это? — слабо запротестовала Ниакрис. Представить монаха, идущего на смерть ради нее, она никак не могла. В голове такое никак не укладывалось — она ж не пыталась сделать его своим орудием, наверное, Стоящий во Главе остался бы ею недоволен — но это была ее месть и ее война, и никто, никто в целом мире не смел вставать между ней и Врагом!

— Знаешь, а я уже тебя к нему ревную, — вдруг признался монах, опять же не скрывая того, что читает ее мысли. — Ты думаешь только о нем. Ты живешь им. Отними у тебя эту месть — и что останется от тебя, ты никогда не думала? Неужели тебя так плохо учили в Храме?..

— Послушай, ты опять? — поморщилась Ниакрис. — Высокие слова, слова и больше ничего.

— Это твоя душа, — тихо сказал монашек. — Твоя душа состоит из высоких слов и чувств, пусть даже тебе самой они не слышны. Ты не сказала мне ни слова о том, что случилось с тобой, но, думаю, мне не составит труда самому восстановить всю твою историю. Ты побывала у поури — достаточно посмотреть, как ты держишь нож, когда забываешь следить за собой. Словно горло вспарываешь. Приметное движение... Школу

поури непросто одолеть даже самому расхрамовому Храму.

— Ну и что? — медленно сказала Ниакрис. Проницательность монашка ей отчего-то очень не понравилась. Словно в нем проявилось что-то от этих... из монастыря.

— Ничего, — пожал плечами ее спутник. — Если ты думаешь, что у меня какая-то особая неприязнь к поури... просто мне странно, что они не убили тебя и не разделали на мясо без всяких долгих разговоров. Очень не похоже на поури, очень... Интересно все-таки, почему они ради тебя отказались от любимейшей привычки?

— Мне-то откуда знать? — буркнула Ниакрис, отворачиваясь.

— Конечно, ты такого знать не можешь, — вновь легко согласился монашек. — Но... продолжим. Поури тебя почему-то не убили, даже не продали в рабство, как они порой поступают с пленниками, когда у них изобилие пищи...

— Поури не каннибалы! — резко сказала Ниакрис. — Не самые приятные создания, что верно, то верно, — но не людоеды. По крайней мере, при мне они никого не ели. Каша да лепешки — вот и вся еда. Наговаривают на них много, вот что я тебе скажу...

— Может, и наговаривают, — монашек весело блеснул глазами, — да вот только скажу тебе, что сам видел, как поури пленных в котлы кидали. У них ведь так — чем дольше мясо в кotle живым продержится, тем навар сочнее получается... Дикари, правда ведь?

— Чушь какая! — фыркнула Ниакрис. — Никогда они при мне никого не варили, ни живьем, никак.

— Ладно, ладно, — примирительно поднял руки монашек. — Не буду спорить... только если они при тебе никого не варили и не ели, то еще интереснее все это дело становится... Ну, словом, потом ты от них...

нет, не сбежала. Не дали б они тебе сбежать. А тебе тогда до себя нынешней, что целое войско поури положить может, далеко было...

— Ну, допустим, — не выдержала девушка, — и что с того?

— А то, что кого попало в Храм не примут, — охотно пояснил монашек. — Много желающих находилось к силе да могуществу приобщиться, да только берут они только тех, в ком магический дар чувствуют. Да не просто дар, а... словом, оформленный уже, как у тебя. Способности-то у тебя врожденные, и немалые притом... а вот где тебя учили... а! Стоп! Ну конечно! Монастырь! Ищащие! То-то разговоров было — кто ж их прикончил, кто перебил эдакую ораву не самых слабых, право же, чародеев!.. А это вот кто!.. Ну, дева, сильна ты, ничего не скажешь. Но... школа их тоже оказывается. Потому что до них настоящего учителя магии у тебя не было. Так ведь?

Запираться смысла не было. Ниакрис молча кивнула. В конце концов, какое ей дело до этого монашка? Пусть себе говорит. Все равно ей, Лейт-Ниакрис, дорога предстоит только в один конец.

— Вот потому-то тебя и взяли в Храм, — отчего-то вздохнул монашек. — Странно-то как все совпало... Поури научили тебя быть жестокой и убивать ради еды не колеблясь. В монастыре тебя научили азам колдовства, и... и ты показала, что поури учили тебя не зря. Не знаю, что вы там не поделили с аколитами Ищащих — но с ними ты тоже разделась. Потом Храм... эти, правда, как-то твое присутствие пережили... и вот ты идешь убивать врага — не того ли, по чьей милости ты оказалась на этой дорожке? Родные-то у тебя, конечно, погибли?

— А тебе что за дело? — яростно прошипела Ниакрис. — Вот этого ты не касайся, монах, понял или нет?! Не касайся! Не про тебя те вещи!

— Да отчего же не понять, — невозмутимо откликнулся монашек. — Думаю, враг твой твоих родных и убил. Думаю, у тебя на глазах. И вот теперь ты идешь счеты с ним сводить...

Терпение Ниакрис лопнуло.

— Ну и что, если так?! — Она с трудом подавила жгучее желание расцарапать нахальному монашку всю его рябую физиономию. — Твое-то какое дело, красный?! Я тебя с собой не тащила, сам пошел. Так что теперь-то?!

— Теперь? Теперь ничего. Кроме лишь того, что теперь я тебя еще больше уважаю, — без тени насмешки ответил монашек. — Ты прошла через такое, что редко кто из взрослых-то выдержит. А ты выдюжила — ребенком!.. Жаль только, что теперь ты решила умереть...

Ниакрис не ответила. Отчего-то навалилась странная усталость, и гнев на ее спутника куда-то отступил — он и впрямь не смеялся, он жалел ее, этот непонятный спутник, неведомо откуда взявшийся на ее дороге и отчего-то упрямо не желающий оставить ее в покое, ищущий неприятностей на свою голову...

— Говорю, жаль, что ты решила умереть, — видя, что Ниакрис вновь замкнулась в себе, повторил монашек. — Ты сама не знаешь, насколько богато ты одарена. Магически, и... — он запнулся, — и вообще. Ну что тебе в этом некроманте, или как там его зовут! Твоих родных — а я не сомневаюсь, что он убил твоих родных, — уже не вернуть. Идти же в одиночку казнить врага, такого врага — это значит обречь не только себя, но и свою месть. Почему бы тебе не...

— Довольно, — на сей раз Ниакрис произнесла эти слова чуть слышно, но монашек осекся тотчас — за не-громким, словно бы и лишенным эмоций голосом бурлила едва-едва сдерживающая сила магии, готовая в

любой миг сорваться с тонкой привязи. — Довольно, монах. Все, шутки кончились. Ты меня понял.

— Да, я тебя понял, — после недолгого молчания горько сказал монах. — Я понял тебя... и теперь-то уж точно от тебя не отстану.

— Почему?

Монах пожал плечами с деланным равнодушием:

— Должен же кто-то вытаскивать тебя, когда все за-кончится!..

Он не уточнил, что, чем и как должно закончиться, а Ниакрис не стала ни о чем спрашивать. Однако, засыпая в тот вечер подле умирающего костра, она даже сквозь подступающий сон чувствовала на себе пристальный взгляд застывшего, словно изваяние, монаха в алой рясе.

* * *

После этого весь оставшийся до Проклятых гор путь они почти не разговаривали. Монах по-прежнему ничего не ел, почти не пил, и чем существовал — непонятно. Странники миновали запустевшую, позаброшенную местность — поля еще не успели как следует зарости, а с домов еще не сорвало крыши и не повалило заборы; судя по всему, люди ушли отсюда не так давно. Монах предложил было зайти в одну из брошенных деревень перевести дух — однако Ниакрис категорически воспротивилась. Ее второе зрение позволяло видеть, *кто* свил себе гнезда возле покинутых людских жилищ. Нет, она не испугалась бы и их, она сейчас вообще не боялась никого и ничего, но... не следует предупреждать Врага задолго до своего появления. Ниакрис надеялась, что ее первый и единственный бой будет в замке ненавистного чародея, не раньше. Долгой магической войны, понимала она, ей не выдержать.

Монах всю дорогу тоже не пытался с ней разговаривать, только смотрел как-то странно, Ниакрис гото-

ва была поклясться — чуть ли не с нежностью. Впрочем, какое ей дело до этого случайного спутника?.. Хочет идти — пусть идет, глядишь, и в самом деле пригодится, а остальное ее не касается.

Дикие леса надвинулись вновь, серые копья громадных скал то тут, то там возвышались над угремым морем корабельных сосен. Дороги кончились, путники пробирались по заваленной буреломом просеке — словно через лес тут ломилось бешеное стадо неведомых чудовищ.

Наступил вечер; окончательно выбившись из сил за день, Лейт и монах остановились.

— Здесь они и шли, — негромко сказал монах, наклоняясь к земле и прикладывая к ней обе ладони. — Здесь они и шли... все те несчастные зомби, которых твой некромант поднял с погostов и погнал строить свой замок...

Ниакрис не ответила. Она тоже чувствовала слезы — да и мудрено было бы их не почувствовать! Горе и отчаяние лишенных посмертия не измеришь, не осознаешь — пока сам не отправишься тем же путем. Сила, вырвавшая мертвых из могил, была поистине огромна. Там, за мрачным лесом, за равнодушными скалами, Ниакрис ждала неведомая и невиданная еще в этом мире мощь, холодная и всеуничтожительная. Невольно девушка остановилась — впервые за все время своего странствия она начала понимать, что за страшный противник будет противостоять ей.

Не поздно было повернуть — никто не сторожил обратной дороги, можно навсегда уйти из этих мест, можно выполнить волю Храма и стать его воином — чем плохо? — но...

Нет! Ниакрис решительно встряхнула головой, отгоняя непрошеные малодушные мысли. Она не повернет назад. На ней не лежит никакого долга, кроме

лишь молчаливой клятвы, данной перед двумя могильными камнями во дворе родного дома.

Волосы упали на лицо, растрепавшись от резкого движения; Ниакрис хотела поправить их, но ее опередили. Рука Красного монаха.

Пальцы его осторожно коснулись ее щеки и скользнули вниз, к шее.

— Лейт... — услыхала девушка.

— Оставь, — хрипло проговорила она, с трудом отталкивая его ладонь. — Я знаю, чего ты хочешь, но не надо... пожалуйста.

— Почему? — шепотом спросил монах. — Не обманывай себя, Лейт. Из этого боя не вернемся ни я, ни ты. А я... я понял, что приговорен, как только увидел тебя...

— Любовь с первого взгляда? — она постаралась усмехнуться как можно циничнее.

— Называй как хочешь, — сказал монах, неотрывно глядя на нее и не опуская руки, что по-прежнему касалась ее ключицы. — Я шел с тобой, потому что не верил сам себе. Я малодушно думал, что избегну этой участи. Не удалось.

— И ты опечален? — тут же бросила Ниакрис.

Монах улыбнулся:

— Никому не хочется умирать, Лейт. Тем более в бою с *таким* врагом, какого ты себе выбрала. Но я смотрю на тебя и знаю, что хочу быть с тобой даже в смерти, да простятся мне эти высокие слова.

Касавшиеся Ниакрис пальцы монаха чуть вздрогнули. Кажется, он собрался-таки их убрать.

— Сядем, — тихонько сказала девушка.

— Сядем, — кивнул монах, чинно устраиваясь на более чем благопристойном расстоянии от нее.

Ниакрис мгновение смотрела на неказистого рабочего монашка, а потом вдруг заговорила.

Она вспоминала — давно минувшие дни в Княж-

городе, и последовавшие за ними бесконечные годы бегства и скитаний. Теперь-то она понимала, от кого пытались скрыться ее мама и дедушка, только по-прежнему не могла уразуметь, почему же она так понадобилась этому проклятому чародею.

Она рассказывала, как дедушка встретил Михаэля, воина Святого Престола, как тот присоединился к ним и стал для нее, тогда еще никакой не Ниакрис, а просто Лейт, самым настоящим дядей. Как они добрались до Пятиречья, надеясь найти там настоящий новый дом. О том, как хорошо и тихо жили они там, и казалось — беда таки пройдет стороной.

И еще она рассказывала о том дне, когда беда настянула.

Монашек слушал молча — только крепко держал Ниакрис за руку. И она отчего-то не выдергивала пальцев.

Сухих, жестких, совсем не девичьих пальцев — они скорее подошли бы воину, мореходу Волчьих островов или замекамскому кочевнику-варвару...

Ее голос не дрожал, глаза оставались сухи. Пора слез кончилась раз и навсегда во дворе заброшенного скита.

Она рассказывала о своей жизни среди поури, как убивала ради котелка вонючей каши, чтобы самой не умереть с голоду. О том, как попала в монастырь Ищущих, как ей показалось, что ее хотели принести в жертву невесть чему, и как вырвавшаяся на волю ее ненависть не оставила в монастыре ничего живого, испепелив даже оказавшиеся на краткий срок под ее властью магические камни.

И как она попала в Храм.

Монашек ничего не сказал, когда она наконец умолкла и неожиданно для самой себя постыдно шмыгнула носом, стараясь удержать все-таки подкатившие

слезы. Он только протянул руку, обнимая ее за плечи прижимая к себе и баюкая, словно ребенка.

— Он очень хотел тебя разыскать, — тихо проговорил монах. — То, что ты мне рассказала... ничего из происшедшего не было простой случайностью. Я догадываюсь, что сделал твой дедушка... сотворил заклинание, сделавшее вас недоступными для сыскных чар этого самого некроманта.

— А потом? — прошептала Ниакрис.

— Разве ты не догадалась? Что может сделать один волшебник, чтобы разыскать другого волшебника? Правильно, заставить его прибегнуть к магии. Что твой враг и проделал. Сперва набег гоблинов... я слыхал, от них пострадало все Пятиречье, но только в нескольких местах им дали настоящий отпор. Магия в ход не пошла, и враг по-прежнему точно не знал, где вы. Ему потребовался второй набег, набег поури, чтобы твой дедушка наконец-то прибег к своей волшебной силе — и тогда врагу оказаться рядом было делом нескольких секунд. Я слышал, что ему служат вампиры... а эти владеют многими тайнами, что не по зубам даже иным истинным чародеям. Я, например, не могу мгновенно переноситься с места на место — а вампиры, особенно высшие, говорят, свободно. Правда, не пойму я тогда другого — если это твой враг наслал на вашу деревню поури, убил твоих родных, — почему не убил тебя? И почему тебя оставили в живых поури, которые вообще-то, как я говорил, пленников либо съедают, либо продают, но ни в коем случае не принимают в свою среду?.. Признаюсь, Лейт, для меня это загадка.

Наступило молчание. Чуть потрескивал догорающий костер, о котором все забыли во время разговора. Монашек опомнился первым, вскочил, подбросил в огонь хвороста, добыл из-под рясы небольшой топорик, принялся рубить сухую лесину.

— До утра мы все равно отсюда не сдвинемся, — пояснил он.

— Не сдвинемся, — эхом откликнулась Ниакрис, неотрывно глядя на разгорающийся огонь. В пляшущих языках пламени ей чудились высокие, вымороочно-тонкие башни вражьей твердыни, медленно рассыпающиеся в пыль, проваливающиеся сквозь саму плоть земли, не в бездны даже — в иномирье, откуда нет возврата, что хуже и страшнее любого посмертия здесь, в Эвиале, туда, где жертвы чудовища смогут наконец сами отомстить за себя...

Монашек подложил в огонь пару поленьев потолще, уселся рядом.

— Не зову тебя повернуть назад, Лейт, — шепнул он ей на ухо. — И сам не поверну. Не знаю, что со мной... но хочу быть с тобой до конца.

— Я тоже хочу, — вдруг вырвалось у Ниакрис, а глаза предательски защипало. — Но... ты прав. Зачем тебе умирать? Ты знаешь меня несколько дней...

Монах невесело усмехнулся:

— Знаешь, наверное, потому, что я, несмотря ни на что, все равно надеюсь тебя вытащить...

Что-то пряталось в его голосе, словно пушистый котенок, играющий в прятки со своей хозяйкой, — у Ниакрис был такой, давным-давно, когда они еще жили в Княж-городе; и невольно девушка вдруг ощутила, какой ледяной глыбой давят на плечи все годы одиночества и нескончаемых усилий — стать, стать, стать наконец той, что сможет по-настоящему *отомстить*.

Она сама протянула руку. Голос, правда, дрогнул, когда она произнесла:

— Послушай, тебе не кажется, что, если мы все равно умрем, очень глупо в эту последнюю ночь спать по разные стороны костра?..

Монах отшатнулся, и на лице его отразился такой

ужас, словно перед ним предстал во плоти тот самый Владыка Зла, о котором так любят повествовать легенды верящих в Спасителя.

— Ты что, ты что! — забормотал он, лихорадочно осеняя себя спасительным знаком. — Чтобы я... с отроковицей... да никогда... ни за что... лучше уж к поури в котел... не осквёрню...

Ниакрис вздохнула, словно опытная, умудренная жизнью женщина. И уже собиралась, встав, обойти вокруг костра и самой сесть рядом с этим смешным монашком, когда взглянула в его глаза — и поняла: для него все это не игра, а действительно вера, истинная и глубокая. Для него она, Лейт, оставалась отроковицей, которую можно любить, но ни в коем случае не идти дальше простого и легкого касания пальцев.

— Хорошо, — с неожиданной для самой себя покорностью сказала она. — Коли так, давай спать.

...И, как ни странно, спали они в эту свою последнюю спокойную ночь крепко, спокойно и без сновидений.

* * *

Наутро они старались не смотреть друг на друга. Ниакрис ругала себя последними словами, что все-таки не встала ночью и не прилегла рядом со своим спутником, ну а о чем думал монах, так и осталось на всегда тайной.

Буреломные леса кончились.

На рассвете Ниакрис вместе с монахом подошли к горам. Перед ними раскрывалось устье широкой долины; склоны густо заросли дремучим еловым бором, над темно-зелеными вершинами кое-где виднелись серые гребни скал. Через долину текла речка, по обоим ее берегам раскинулись луга — казалось бы, чудное место.

Если бы не...

Если бы не речка, что несла иссиня-черные воды, с клубящимся едким туманом над ними.

Если бы не изрытые, истоптанные луга, покрытые сотнями полуразложившихся тел.

Если бы не наполненный запахом тления воздух.

Если бы не человеческие костяки, невесть как оказавшиеся висящими на ветвях деревьев вдоль края леса.

Если бы не парящее над лесом страшилище, чем-то напоминавшее громадную летучую мышь, только отчего-то с длинной змеиной шеей и песьей головой.

— Славно, славно, — только и смог выдохнуть сквозь зубы монах. Верно, открывшееся им зрелище зацепило даже его.

Однако ж поодаль от отравленной реки, там, на еще чистой земле, путники увидели совсем другую картину.

Стояли полотняные шатры и наскоро срубленные жердяные навесы, к небу поднимались дымки походных костров. Слышался лязг оружия, звонкие удары кузнечных молотов; между палатками деловито сновали невысокие коренастые воины в тяжелых латах и низких рогатых шлемах.

— Гномы! — воскликнул монашек.

Ниакрис молча кивнула — спрашивается, чего орать, когда все и так ясно? Гномов с орками не спутаешь.

И направлялись эти гномы, судя по всему, не кудалибо, а прямиком в зачарованную долину — куда уводил четкий след Врага Ниакрис.

— Ого! — присвистнул монах, указывая на торчащие среди полотняных колышащихся крыш длинные деревянные шеи требуетов. — Господа гномы преизрядно подготовились к походу...

— Пойдем к ним, — решительно сказала Ниакрис.

— Зачем? — удивился монах. — С гномами объяс-

няться, Лейт, это тебе не с некромантами драться, это гораздо труднее...

— Они мне нужны, — уже на ходу бросила девушка, направляясь прямиком к лагерю. — Будет кому на себя мертвяков отвлечь...

— Ты что?! — поразился монах. — Так ведь эти же гномы все там тогда и останутся...

— Зато мертвяков немало положат, — хладнокровно заметила Ниакрис. — И дорогу мне расчистят.

— Да ты в уме ли, дева?! — вскинул монах.

— В уме, в уме, — кивнула Ниакрис. — Без меня их всех там точно перебьют. А вот со мной — глядишь, кто-то до родных гор и доберется обратно...

— То, что их перебьют, — это точно, — угрюмо буркнул монах. — С тобой ли, без тебя — все едино. Так что лучше уж нам их вообще отговорить туда созваться.

— Думаешь, твоя магия гнома переупрямит? Со мневаюсь, — пожала плечами девушка.

— Все равно! Попытаться надо!

— Погоди, — Ниакрис даже остановилась. — Они остановятся, мы не дойдем... случайная стрела, или еще что... И — выходит, что Враг наш живет, здравствует и процветает? Значит, будет он и дальше жить-поживать да каждому дню радоваться?! Ну уж нет. Не бывать этому! Я его прикончу, слышишь, монах, твоим Спасителем клянусь — прикончу! А сколько при этом народу погибнет — уже не важно, потому что, коли Враг уцелеет — крови стократ больше прольется. Тут ведь даже и спорить нечего. Никто этих гномов сюда на ве-ревке не тянул. Небось сами пришли, по собственной воле. Так что...

Монах поджал губы и укоряюще покачал головой:

— Что с войском, что без войска — один конец, Лейт. Мы погибнем. И это даже хорошо, конечного его триумфа не увидим...

— Ну так тогда давай ты сразу до ближайшей ели прогуляешься? — зло бросила Ниакрис. — Иди и вешайся, только душу не трави. Понял меня?

— Неудобно на ели вешаться, весь исколешься, пока управишься, — отшутился монах.

Девушка остановилась, замерла, вытянулась в струнку, точно звенящая тетива.

— Запомни, монах, я Врагу по земле разгуливать не дам. Что сама погибну, это понятно. Знаю. Сжилась. Свыклась. И уже не боюсь. А те, кого я к замку поведу... что ж, монах, они ведь на войну собрались, не в пивную, а на войне убивают. И полки целые гибнут, победу приближая. Так что... нет, не поверну я. И гномов отговаривать не стану. А если ты попробуешь... так и знай, стану биться с тобой до последнего издохания.

Монах склонил голову и ничего не ответил.

* * *

...Бородатые коренастые воители, не расстававшиеся с тяжелой броней даже на привале, провели Ниакрис и монаха к центральному шатру лагеря. Молчаливые гномы были угрюмы и деловиты, они даже не смотрели на странных гостей, однако все как один — заметила Ниакрис — втихомолку держались за свои магические обереги и амулеты. Некоторые из них, к удивлению девушки, оказались немалой силы, даже ей пришлось бы повозиться, обезвреживая их. Впрочем, устраивать тут драку она и не собиралась.

Монах, мрачный, словно плакальщик на похоронах, плелся следом. Очевидно, до сих пор осуждал Ниакрис за намерение втянуть в свою месть еще и гномов.

У центрального шатра стояла стража — шестеро могучего сложения бойцов, ростом почти что с рабого монаха, только раза эдак в три шире его в плечах. Доспехи воинов Подгорного Племени отливали сереб-

ром, а секиры, казалось, светятся сами — так они были отполированы.

Сверкающие лезвия скрестились перед чужестранцами.

— Кто такие? — басовито прогудел старший из воинов, с седой бородой ниже пояса. Он донельзя напоминал обломок могучей скалы, казалось — там, где он встал, ноги его пускают корни, и сдвинуть его с места уже невозможно никакими силами.

Как принято среди гномов, в присутствии людей он обратился к своим соплеменникам на общеимперском диалекте.

— Вышли на пост, Дарфан, с поднятыми руками и не имея оружия, — ответил старому воину один из приведших Ниакрис караульщиков. — Волшебники, точно. Да ты сам послушай. Говорят, дело к Правителю.

— Какое еще дело, чародеи? — прогудел бородатый гном. — Наш Правитель кого ни попадя не принимает, тем более когда мы в походе. А вдруг вы подсылы этого, не к ночи будь помянут, некромансера?

Ниакрис учтиво поклонилась, знаком удержав уже готового раскрыть рот монаха.

— Почтенный Дарфан, да удлинится твоя борода, мы действительно волшебники, и мы действительно хотим добиться аудиенции у Правителя. Потому что мы тоже в походе, и наш враг — тот же самый некромансер, против которого поднялось и ваше оружие, да не померкнет его доблесть во веки веков! Не лучше ли нам соединить силы, ведь вместе мы добьемся куда большего, чем поодиночке!

— Гм... — задумчиво прогудел стражник. — Твои слова разумны, молодая чародейка, но кто докажет мне, что ты не подослана? Вчера мы выдержали настоящий бой, мертвяки валили валом, мы их аж рубить устали...

— Есть ли в вашем войске колдуны? — внезапно

вступил в разговор монашек. — Если есть — пусть их позовут сюда, и пусть они ответят — подосланы мы или нет.

— Если вы подосланы, то кто знает, не есть ли ваша цель — убив себя, сразить и всех наших мастеров магии? — не уступал стражник.

Ниакрис вздохнула. Упрямство гномов давно уже успело войти в легенды. Как доказать то, что в доказательствах не нуждается?.. Хотя, с другой стороны, именно аксиомы, как известно, доказать как раз и невозможно.

— Хорошо, — внезапно сказал монах. — Дело простое. Ты знаешь, железо способно убивать быстрее, чем магия. Я остаюсь заложником. Можешь меня связать по рукам и ногам, заткнуть мне рот и приставить секиру мне к шее. По первому подозрению — руби мне голову. Такое тебе подходит?

— Нет, — надменно сказал гном. — Я свяжу вас обоих, и только тогда...

Препирательства эти, наверное, длились бы еще долго, однако Ниакрис успела окончательно потерять терпение.

Движение ее со стороны невозможно было заметить. Так же, как и отразить. О нет, она никого не убивала, не калечила и даже не лишала сознания. Это был не то удар, не то заклятье, слившееся с ударом, — гном на миг широко раскрыл глаза, потом ошарашенно замигал и как-то неуверенно пробасил:

— Входите...

Монах укоризненно покосился на свою спутницу, однако ничего не сказал.

Остальные пятеро стражей проводили спутников подозрительными взглядами, но против воли старшего не пошли.

Полог откинулся. Ниакрис и монах оказались внутри. Короли гномов даже на войну, как оказалось, не

уходили без походного трона, изукрашенного всеми мыслимыми самоцветными камнями. По бокам, конечно же, тоже имелась стража — на сей раз в позолоченных латах. Сам вождь гномов облачен был в нечто немыслимое, прозрачное, переливающееся, что Ниакрис захотелось назвать «алмазной броней», и она назвала бы, не знай, что делать латы из адамантов — более чем бессмысленно.

Борода горного короля спускалась до самых колен и, несомненно, слыла длиннейшей в подземном королевстве. Широкое лицо иссечено морщинами — гномы стареют медленно, куда медленнее людей, но король казался старым даже по гномым меркам.

Только глаза странным образом оставались такими же яркими, как и в дни давно минувшей молодости.

И еще — Ниакрис почувствовала это сразу — королю не была чужда магия.

— Ну что, — раздался голос хозяина шатра, — стражу мою все-таки зачаровывать пришлось? Иначе не пропустили бы?..

Ниакрис и монашек переглянулись. Вратъ, похоже, смысла не было.

— Пришлось, — кивнула девушка. — У нас не было времени на бесконечные пререкания. Время дорого, а вам, как мы видели, только что пришлось драться. К полудню мы можем добраться до вражеского замка. И немедленно штурмовать! — Ниакрис подумала и закончила: — Ваше величество.

— Эк, лиха ты, дева, как я погляжу, — усмехнулся король. — Штурмовать... вот так вот сразу, таранов не подкатив, баллист не поставив, осадных башен не срубив?

— Нельзя, — покачала головой Ниакрис. — Его можно взять только с налету. Стоит вам встать лагерем, и вы проиграли. С ордами зомби вам не справиться, даже если ваши топоры будут работать всю ночь до

рассвета и весь день до заката. А вот если вы слегка отвлечете их на себя и дадите нам шанс проскользнуть внутрь...

Кустистые белые брови правителя сдвинулись.

— Мои воины как приманка?

— Да, — кивнула Ниакрис, не обращая внимания на чувствительный тычок в бок от своего спутника. — Это правда, Ваше величество, неприятная правда, но только так вы можете победить. Стены замка высоки и крепки, их защищают не только мечи и копья, пусть даже и в бесплотных руках — я знаю, горных воинов не испугать подобным, — однако на стороне врага будет сражаться магия, и, не в обиду будь сказано вам, Ваше величество, куда более мощная, чем выкованные в пламенном сердце гор амулеты.

Правитель кашлянул, как показалось Ниакрис, с неудовольствием. Однако отрицать ее слова не стал.

— Гм... может, и так, — не слишком охотно проговорил старый гном. — Но мы все равно не отступим.

— Несмотря на то что победы вам... — начал было монах, однако горный король перебил его нетерпеливым взмахом могучей руки.

— Несмотря на... — сурово произнес он. — Я уже стар. Говорят, старость боится смерти — может, это так для вас, людей, но не для гномов. Но я — и те, кто идет со мной в этот поход, — мы не хотим умирать немощными развалинами, обузой для наших родных! У меня шестеро сыновей, монах, и старшему давно уже пора принимать скипетр Подгорного Царства. Если мы победим — что ж, у нас будет работа, ни один гном не упустит возможности покопаться в закромах поверженного злого волшебника, — перед тем как обрушить этот самый замок во прах на вечные времена. Ну а если мы падем — то по крайней мере о нашей гибели будет кому сложить песни. И, — король усмехнулся, — погибая, мы уж постараемся захватить с собой и наше-

го не слишком гостеприимного хозяина. Его манеры высыпать навстречу гостям орды скелетов и зомби я лично считаю просто отвратительными, не правда ли, достопочтенные?

Ниакрис усмехнулась:

— Конечно, это более чем невоспитанно, Ваше величество. Нет сомнения, что подобная дерзость нуждается в наказании.

Глаза короля весело блеснули.

— И, клянуть секирой и молотом, мы проучим его! Так проучим, что весь мир вздрогнет!

Монах сокрушенно вздохнул.

— А ты чего? — тотчас повернулся к нему король. — Не веришь нам, что ли?

— Ваше величество... — монах прочистил горло, словно не решаясь сказать всю правду. — Я отговаривал мою спутницу идти сюда. Я считал и считаю, что в случае штурма погибнет все ваше войско... и вы сами тоже не уцелеете, Ваше величество, потому что не будете прятаться за спинами своей гвардии. Подземные доспехи хороши, спору нет, но магия все-таки сильнее.

Король помолчал:

— В твоих словах есть резон, монах. Но мы назад уже не повернем. Сделать так — покрыть позором не только себя, но и все королевство, и о моем сыне станут говорить: «А, так это тот самый, чей отец позорно струсил и бежал от опасности?!» Нет, никогда. Лучше уж мы все падем на близких подступах — но падем доблестно.

Монах снова вздохнул, и Ниакрис понимала причины — гномы очень заботились о том, *как* им предстоит умереть, и зачастую готовились к этому дню всю свою долгую жизнь.

— Тогда нечего и спорить, Ваше величество, — решительно сказала девушка. — Давайте решим, как лучше нам атаковать...

* * *

Войско гномов шло через долину. Здесь вволю поревились чужие и злобные силы, смерть пропитала воздух, смертью дышали зловонные испарения оскверненной реки, смерть таращила на проходящие молчаливые шеренги воинов свои пустые буркала из-под сплетенных еловых ветвей; в чаще перекликались визгливые, воющие голоса, что-то отвратительно стонало и хрюкало, время от времени раздавался треск ломающихся сучьев — но никто из гномов даже не повернул головы. В рядах армии шли только ветераны, бывшиеся и с эльфами, и с орками, и с людьми, — не пристало подгорному воинству пугаться какой-то там нежити!

Катили готовые к стрельбе требуеты, и Ниакрис могла только поразиться силе гномов, на руках таивших громоздкие сооружения через все рытвины и ямы.

По бокам шли шеренги арбалетчиков и щитоносцев, готовых в любой миг ответить на нападение стрелами, однако никто из подручных врага так и не осмелился атаковать, и гномы заметно приободрились.

Ниакрис шла в первых рядах — король настоял, чтобы она все-таки не пренебрегала доспехами, и гномы-оружейники в один миг подобрали ей кольчужку — словно на нее клепанную. Можно было только дивиться предусмотрительности горных мастеров — доспех сидел как влитой, и, чувствовала Ниакрис, ее защищали сейчас не только струящиеся цепочки колец первоклассной и непревзойденной гномьей стали — но и наложенные на доспех чары. Разбираться в них у девушки не было времени — да и какая разница? Все равно она твердо знала, что из этого боя ей не вернуться, и никакие доспехи тут уже не спасут.

Гномы предлагали любые мечи, какие только душа пожелает, однако Ниакрис осталась верна своему неказистому оружию. Меч поури был для нее мечом судьбы, с ним она прошла весь путь, и отказываться от него

сейчас сильно смахивало на предательство. Нет, с этим клинком и никаким другим связана ее судьба, и если ей суждено сразить Врага, то именно этим лезвием...

А потом лесистые склоны долины внезапно сошлись, она превратилась в исполинское ущелье, взметнувшее чуть ли не до неба отвесные темно-серые стены, по которым не вскарабкалась бы и белка. По дну ущелья бурлил поток, такой же парящий и черный, как и лесная речка в долине. И на противоположном краю ущелья, примерно в лиге от остановившегося войска, на громадной скале высился замок, точь-в-точь такой, каким увидела его Ниакрис в пляшущих языках пламени.

Высокие черные башни, тянущиеся к низким облакам, болезненно-тонкие, увенчанные острыми черными шпилями, на которых, как показалось Ниакрис издали, корчились пронзенные нагим железом какие-то существа. Стены замка как будто были продолжением самой скалы, вырастая из ее жесткого лона. Башни соединялись между собой высокими гнутыми арками, насколько могла понять издали Ниакрис — начисто лишенными перил. Переходы, арки, галереи сплетались, пересекались, раздваивались, растраивались и вновь сходились, образуя настоящую паучью сеть. К воротам замка, сейчас наглухо закрытым тяжелыми створками, вела одна-единственная извилистая и узкая дорога, вела по крутому, но совершенно гладкому склону, где не укроешься от летящих сверху стрел и камней.

А высоко над мешаниной малых башен, арок, галерей и всего прочего поднималась одна, главная башня, увенчанная зубчатой широкой короной, и между зубцов ее, там, где тянулись ряды окон, смутно мерцало багровым.

Ниакрис сжала зубы. Даже смотреть на это багровое сияние оказалось пыткой. Там билось сердце Вра-

га, то самое сердце, что она поклялась разрубить, — и сейчас чувствовала, как нарастает где-то в самой глубине ее души странное, пугающее чувство — чем-то притягивал ее этот отвратительный паучий замок со вбитым кровавым гвоздем коронованной башни, она поймала себя на мысли, что неплохо бы и самой заполучить нечто подобное, и устроиться в торжественном тронном зале, и править оттуда...

Она почувствовала руку монаха на своем плече и внимательный, понимающий взгляд. Ниакрис не обернулась.

— Он зовет тебя, — прошептал ее спутник. — Он почувствовал тебя и теперь будет пытаться перетянуть на свою сторону. Он чувствует, что ты ему сродни...

— Да что ты такое говоришь! — возмутилась было Ниакрис, но тотчас же смолкла. — Да, ты прав. Сродни... — она закрыла лицо ладонями.

Сзади послышались тяжелые шаги — подходил король, окруженный стражей в серебристых и золотых латах. Гномы не скрывались, они словно бы приглашали врага к атаке — только едва ли засевший в зловещем замке некромант поддался бы на столь нехитрую уловку.

— Так что, чародеи? — прогудел вождь гномов. — Действуем, как условлено?

Ниакрис кивнула, стараясь избегнуть укоризненного взгляда монаха.

— Отлично, — король усмехнулся. Сияющая секира возникла в руке старого воина словно сама собой. — Сейчас мы пододвинем требучеты... и тогда посмотрим, как ему понравятся наши гостинцы!

Он взмахнул рукой, и войско гномов, на ходу разворачиваясь в боевые порядки, двинулось вперед. За рядами тяжеловооруженных пехотинцев прислуга катаила здоровенные метательные машины. Предстояло пройти примерно пол-лиги, остановиться на небольшой холмистой гряде вдоль правого берега черного по-

тока и уже оттуда открыть огонь. Под прикрытием трехбукетов остальному войску гномов предстояло форсировать реку и как можно скорее добраться до ворот. С собой воины должны были нести тараны, не столь мощные, как хотелось бы, но все же способные причинить немалый урон и стенам, и воротам.

Девушка на миг задержалась возле небольшого холмика, поднялась на плоскую вершину. Мимо сверкающей рекой текли вперед шеренги гномов — подземные воители шли на битву в пристойном молчании. Кровавое дело не терпит шума и суеты.

— Ты чего? — подошел монах. — Забыла что-нибудь, Лейт?

Она коротко кивнула:

— Забыла. Но вовремя вспомнила.

Ниакрис поднесла к губам небольшой рог в серебряном окладе. Любимый рог дедушки.

Долго ж тебе пришлось ждать этого момента...

Девушка затрубила, и рог послушно огласил угрюмое ущелье неожиданно сильным, глубоким и могучим зовом, зовом, исполненным прорвавшейся наконец ненависти.

Время пришло. И теперь даже боги, которых нет, не смогут встать между Ниакрис и ее местью...

Рог отзвучал, и девушка аккуратно убрала его обратно в суму.

— Пора, — Ниакрис повернулась в монаху. — Ты со мной?

— Как же может быть иначе? — пожал плечами ее спутник.

— Тогда пошли, — девушка решительно шагнула вперед.

Она не знала, возымел ли ее трубный зов какое-то действие, но отчего-то не сомневалась — Враг услышал ее.

Вот узнать бы еще, что Он теперь замышляет...

Шеренги гномов продвигались вперед нарочито неспешно, осторожно, с оглядкой, словно опасаясь внезапных контратак из каких-нибудь подземных укрытий. Ниакрис и монах, накинув капюшоны, напротив, почти что бежали, уклоняясь к северу и выходя к отвесному скату замковой скалы, где невозможно было, казалось, найти и малейшей зацепки для пальцев. Взбираться по этому склону рискнул бы только безумец — или твердо решивший расстаться с жизнью человек.

В представлении Ниакрис это была самая рискованная часть плана. Потом, в замке, будет легче. У нее есть чем удивить стражников, неважно, живые они или мертвые. Главное — проскочить дно ущелья...

Однако Враг оказался не так глуп, как хотелось бы. Над головами что-то загудело, засвистело, Ниакрис мгновенно охватило леденящим холодом; монах одним прыжком повис у нее на плечах, опрокидывая на землю и одновременно что-то выкрикивая, какую-то словесную форму — архаичная, но действенная акустическая магия порой помогала там, где пасовало волшебство мысли.

Ниакрис лишь краем глаза успела заметить соткавшуюся из ничего громадную ледяную косу, пронесшуюся над самой ее головой. Даже заклятье Красного монаха чуть запоздало — коса взорвалась мириадами искристых осколков, уже пронесясь над распластанными по земле Ниакрис и ее спутником.

— Вставай! — монах рывком поднял девушку на ноги. — Бежим, пока он снова не прицелился!

Похоже, весь их замысел рушился с самого начала. Наступающая армия гномов, внушительного вида шеренги, сверкающие начищенной сталью, грозные метательные машины — все это, как видно, засевшего в замке ничуть не интересовало. Он словно понимал, от

кого исходит главная опасность, и, само собой, старалася расправиться с Ниакрис первой.

По второй косе, что стелилась почти над самой землей, Ниакрис и монах ударили одновременно. Девушка видела, как внезапно всклубился черный туман над ядовитым потоком, как в глубине этого тумана промелькнула белая молния, точно членок ткача, сотворяя из мягкого и текучего — жесткое и летящее. Они видела, как туман обернулся громадным ледяным серпом, шагов сто в поперечнике, видела, как ледяное лезвие устремилось им навстречу, как оно неслось, срезая случайные кочки, и как разлеталась фонтанами вспоротая земля; выхода не было, Враг не повторял ошибок дважды, и тогда Ниакрис сделала то, что заставляли ее сделать страх, ненависть и желание дожить — именно дожить, а не выжить! — она метнула навстречу льдистому клинку огненный шар, но не простой, а сотворенный из ее собственной крови.

Страшна магия крови, и очень редко прибегают к ней чародеи, лишь в крайних, поистине безвыходных случаях; и уж совсем плохо дело вступившего в бой волшебника, если он вынужден прибегнуть к этому поистине последнему резерву в первые же минуты!

Что сделал монах, Ниакрис так и не поняла. Попланное ею огненное ядро рассекло гибельный серп надвое, а миг спустя еще летящие половинки настигло волшебство ее спутника: нечто вроде мягкого облака, внезапно сгустившегося над самой землей, облака, дохнувшего в лицо Ниакрис нестерпимым жаром.

Мимоходом девушка смогла лишь поразиться брошенной монахом в это заклятье Силе. Даже она пошатнулась от чужой отдачи, а как устоял сам монашек, наверное, никто не смог бы сказать.

Раскаленное облако в один миг не то что растопило, но испарило страшное оружие; однако сам монах

вдруг как-то обмяк, тяжело задышал и внезапно вцепился в плечо Ниакрис.

Заклятье такого уровня сожрало все силы.

Девушка растерянно остановилась. Что же делать? Что помешает врагу ударить по ним и третий раз все тем же заклятьем, отбить которое они уже не смогут?!.

Однако тут на выручку им пришли гномы. Очевидно, король Подгорного Племени недаром правил своим народом столько лет. Шеренги закованных в латы воителей потекли вперед, словно прорвавшая плотину вода. У неподъемных требучетов словно выросли крылья. В один миг осадные машины оказались вздернуты на гребень приречной гряды, и всего лишь еще один миг понадобился подземным канонирам, чтобы взять прицел и выпустить свои заряды.

Врагу волей-неволей пришлось отвлечься от пары дерзких чародеев. Ниакрис видела, как на пути летящих ядер сгустилась какая-то серая пелена. Она не везде успела сомкнуться, большая часть снарядов благополучно миновала преграду, некоторые взорвались в воздухе — там, где они столкнулись с чародейской засечкой, в воздухе расцвели невиданные огненные цветы. Потоки клубящегося пламени ринулись во все стороны, щедро орошая гибельным дождем каменистые склоны замковой скалы. Гранит вспыхнул, словно сухая солома; извилистую дорогу к замку перечеркнула горящая полоса.

Однако большинство посланных требучетами ядер невредимыми пронеслись сквозь прорехи в магической защите, одолели высокие стены и разорвались уже внутри.

Языки пламени взметнулись выше зубцов и бойниц, жадно лизнули островерхие крыши черных башен; дотянулись до железных шпилей, и острия их немедленно согнулись, словно начала плавиться сама сталь, из которой они были выкованы; Ниакрис услы-

хала прорвавшееся сквозь вой и треск подземного пла-
мени тысячеголосое отчаянное завывание — похоже,
во дворах вражьей твердыни горели сейчас готовые к
контратаке тысячи и тысячи мертвяков.

И Враг, несмотря на все свое могущество, принуж-
ден был выбирать. Даже он не мог себе позволить сра-
жаться разом с двумя такими противниками. Ниакрис
почувствовала зарождение чужого заклятия, сердце
рвануло острой холодной болью — а в следующий миг
земля перед первыми шеренгами гномов зловеще за-
шевелилась.

— Да что же ты встала! — гаркнул прямо в ухо Ниа-
крис пришедший в себя монах. — Бежим же, бежим, в
случае чего — бросиши меня, если не потяну!

Девушка повиновалась. Похоже, монаху приходи-
лось сражаться куда больше, чем ей, и притом в насто-
ящих, а не сотворенных могуществом учителя битвах.

Отравленный поток они перемахнули с разбега —
оба, похоже, воспользовались одним и тем же волшеб-
ством, отрываясь от земли. Черные облака обожгли от-
крытые лоб и щеки, Ниакрис зашипела от боли; в сле-
дующий миг тяжело ударила в ноги раздраженная та-
ким пренебрежением ее тягой земля.

— Бежим, бежим, бежим! — орал прямо над ухом
Красный монах, чуть ли не волоча спотыкающуюся
Ниакрис за руку — и куда только делась вся ловкость
воспитанницы Храма Мечей?

Крутой бок скалы, вздыбленной, точно чудовище
бездн, приближался. Там, позади, гномы уже вступили
в бой — из раскрывшихся подземных каверн шли и
шли нескончаемые ряды кое-как оборуженных мертвя-
ков — многие носили на себе явственные следы огня.
Мелькали зазубренные черные копья, длинные алебар-
ды, оснащенные множеством жуткого вида крюков и
копейных наверший, двуручные мечи, вообще-то бо-

лее чем бесполезные в суматошной и кровавой кутерьме рукопашного боя.

Гномы встретили натиск врага грудью, попятившись лишь самую малость. Враг ударил в лоб, а именно к этому и были приучены подземные воители, привыкшие к подобным сшибкам в тесноте горных пещер, где врага не обойти и не окружить, и надеяться остается лишь на свои силу с оружием, да еще — на прикрывающего тебя щитом друга.

Требучеты послали второй залп, но на сей раз к замку прорвались лишь считанные ядра. Серая завеса, призрачный колышущийся занавес сомкнулся, и вспыхнувшее пламя вновь принялось пожирать ни в чем не повинные камни. Тем не менее метательные машины гномов заставляли Врага держать свою колдовскую защиту, и Он, похоже, уже просто не мог отвлечься ни на что другое.

В самой цитадели полыхал пожар, причем непонятно было, что же там может так жарко и дружно гореть — Ниакрис готова была поклясться, что во всем вражьем строении нет и единой деревянной доски или балки. Камень, камень, один только камень и ничего, кроме камня, — однако именно это и ожидали встретить воины горного короля, пришедшие вместе со своим старым правителем испытать судьбу. Заряды требучетов оказались начинены поистине невероятным снарядобъем, за рецепт которого любой земной правитель не моргнув глазом отдал бы не то что всю свою казну, а и сакраментальную последнюю рубашку. Пламя с жадностью пожирало камень, и, казалось, нет сил, способных его загасить, — гномы знали, что брать с собой на такого рода войну!

Скала. Ниакрис чуть не врезалась в нее со всего разгона.

— Вверх! — зарычал монах; у него из носа стекала тонкая струйка крови. Скорее, скорее, пока Он не опом-

нился! И не понял, что бояться ему надо совсем не гномов со всеми их требуетами!

Вверх. Несложное заклятье, требующее, правда, предельного сосредоточения сил. «Полететь может каждый, — говорили наставники в Храме Мечей, — попробуй лучше удержаться в воздухе!»

Вверх, вверх, вверх. Ну же, Ниакрис, воплощенное мщение, ты же так давно ждала этого момента! Когда между тобой и твоим Врагом не останется ничего, кроме лишь нескольких десятков саженей мертвого камня!..

Вверх, Ниакрис! Вверх, пока не стало слишком поздно!

Нет. Что-то не срабатывало. Что-то давило и пригнетало к земле; и внезапно Ниакрис увидела странную фигуру на нелепо-громадном черном троне эбенового дерева, украшенном в лучшем стиле классического Злого Некроманта неимоверным числом человеческих черепов и тому подобного добра — скорченную, точно от невыносимой боли фигуру, совсем не грозного и не воинственного вида.

Острое чувство, имя которому — жалость. Он... такой ничтожный... нет... такой... такой... Она не находила слов.

Вновь выручил монах — его ноги уже отрывались от земли. В его глазах Ниакрис прочла такую ярость, что ее собственная кровь словно бы вскипела в тот же миг.

Земля послушно ушла из-под ног, замелькали гладкие склоны, узкие карнизы и трещины — по которым, может, и смогла бы подняться ящерица, не больше. Налетел свирепый ветер, словно пытаясь сбросить ее обратно вниз, — взывал раз, другой, но так и утих, не в силах сдержать их порыва.

В одно краткое мгновение они оба оказались на уровне замковой стены. Ниакрис первой скользнула в узкую щель бойницы, на ходу высвобождая меч. Поис-

AL 93

тине дивная гномья кольчуга совсем не стесняла движений; и, когда из сторожевых башен с обеих сторон ринулись скелеты, закованные в ржавые древнего вида латы, она впервые за последние дни рассмеялась легко и свободно.

Бой. Сколько ж она ждала этого!

Взмах, полуповорот, «поклон пьяного», и сталь с хрустом рубит шейные позвонки вырванного из вечного сна воителя. Не помогает кольчатый хауберк, лезвие меча Ниакрис горит холодным голубым пламенем, давно сплетенные заклинания наконец дождались своего часа и вырвались на свободу.

Красный монах, напротив, не взял в бой никакого оружия и категорически отказался облачаться в доспехи. И, похоже, голые руки с успехом заменяли ему все мечи и топоры, вместе взятые. Монах даже не прибегал к магии. Захват, бросок, резкий удар локтем назад, от которого скалящийся череп срывается с плеч, разрывая при этом проклепанные железом ремни древних лат. Скелеты дождем сыпались со стены — прямо в расползающееся по черным щербатым плитам внизу пламя.

Парapет очистили быстро. Не следовало растрачивать магию там, где могла справиться простая, честная сталь, лишь самую малость усиленная волшебством.

Ниакрис вихрем ворвалась в черную башню. Как она и ожидала, здесь остался лишь здоровенный крепостной арбалет, из которого прислуго так и не смогла сделать ни одного выстрела. Вниз вела крутая винтовая лестница; однако дверей во двор Ниакрис так и не обнаружила — ход круто уходил в подземелья.

— Ничего не поделаешь, вперед! — на ходу бросил монах. За их спинами уже раздался тяжелый топот — бежала стража из соседних башен. Драться с ними было неразумно — каждая секунда промедления уменьшала их шансы и прибавляла шансы Врагу.

Винтовая лестница вывела их в широкий коридор, очевидно, опоясывавший всю цитадель по периметру.

— Туда! — уверенно бросил монах, устремляясь вправо.

Ниакрис послушалась — оказавшись внутри крепости, она вдруг перестала ощущать своего врага. Оставалось довериться чутью Красного монаха — во всяком случае, казалось, он знает, что делает.

Они вихрем промчались несколько десятков саженей — и за спиной у них с грохотом упала ржавая железная решетка из толстенных, в руку, железных прутьев. Кажется, кто-то слегка опоздал — потому что с другой стороны как раз набегали оказавшиеся очень и очень резвыми скелеты. Кое-кто из них держал в руках арбалеты — не слишком приятное обстоятельство, если учесть, что тоннель шел прямо вперед и ближайший поворот виднелся лишь далеко впереди.

— Беги! — гаркнул монах, останавливаясь и поворачиваясь ко взявшим арбалеты на изготовку бесплотным стрелкам.

Ниакрис не затруднилась бы поймать в полете пяток-другой стрел, наверное, не уступил бы ей в этом и сам монашек — но ему отчего-то потребовалось устранить угрозу раз и навсегда.

Что он сделал, Ниакрис не поняла. Это выглядело как внезапно обрушившийся на скелетов сзади громадный незримый молот. Брызнули обломки костей, куски разлетавшегося в разные стороны железа — и все было кончено. Собственно говоря, Ниакрис даже не пришлось никуда бежать.

— Уффф... — монашек вытер пот. — Дрянное дело их стрелы, даже для такой, как ты. Ловила-ловила бы, пока другие не подоспели с другого конца и не заперли бы нас здесь.

— Прорвались бы, — презрительно бросила Ниа-

крик. Что ей какие-то там глупые скелеты, на которых, словно на рыночных шутов, напялили ржавые латы!

— Прорвались бы, — кивнул монах. — Да только дорога к главной башне не такая прямая, как хотелось бы. Кружили б мы тут до второго Спасителева пришествия, пока мертвяки гномов таки не задавят и Врагу ничто уже не помешает нас прикончить на расстоянии. Пока-то требуеты его сдерживают, замок свой полностью выжечь он все-таки давать не хочет. Так что, если умеешь подземные ходы искать, то давай — где-то тут должна быть поперечная галерея.

— Откуда ж тут поперечная? — удивилась Ниакрис. — У нас же по левую руку обрыв? Или она тут начинается?

Красный монах посмотрел на нее, точно на неразумного ребенка.

— Да ведь мы давно в крепости, — пояснил он. — Ты разве не чувствуешь? Тут такие переходы... хитрые... Ну, хорош болтать! По-моему, пол нам ломать тут надо, как думаешь, а?

Ниакрис на миг прижала пальцы к вискам. Да, точно, под полом пустота. И как этот монашек все так чувствует?.. Хороша б она была, ввязавшись с таким в бой при первой встрече. Ох, льстил ей Красный монах, явно льстил, говоря, что схватка их кончилась бы внучью...

— Чего стоишь, помогай, наши костяные приятели вот-вот будут здесь! — поторопил ее монашек.

Вдвоем они разнесли каменный пол в брызги. Открылся темный провал — в отличие от первого коридора в глубине не было даже факелов.

— Пошли, — монах первым спрыгнул в черноту. — Осторожно, тут тьма, хоть глаз коли...

Ниакрис поспешила набросить обычное заклятье, позволявшее ей видеть в темноте, словно днем. Монах же, похоже, ни в каких специальных заклинаниях не

нуждался — шел себе, легко ориентируясь в полном мраке.

Второй тоннель оказался куда уже и извилистей первого, судя по всему, на его отделку сил и времени решили не тратить. Здесь начали попадаться всякие сюрпризы, невесть зачем сюда всунутые, типа поворачивающихся под ногами плит и выстреливающих из дыр арбалетных болтов. Один такой болт Ниакрис поймала, мгновенно сориентировавшись по едва уловимому скрипу срывавшейся защелки.

— Браво, — сказал монах, в свою очередь перерывая тонкую нить-растяжку над самым полом. — Только побереги силы. Ты могла бы просто уклониться. Это, Лейт, все еще только цветочки, ягодки, я так понимаю, ждут нас в главной башне... Спасибо гномам, оттянули на себя да на пожар большинство этих зомбей, будь они неладны!

Коридор вывел на узкий каменный балкон, опоясывавший какой-то громадный зал, уходивший вглубь на сотни и сотни саженей. Там, на дне, чувствовалось какое-то нехорошее шевеление, что-то шебаршилось там, возилось, скрипело не то множеством конечностей, не то еще чем; думать, что за мерзость таится там, Ниакрис не стала. Все равно не уцелеет, когда этот замок начнет проваливаться...

— Мертвяки, — каким-то осипшим голосом вдруг произнес монах. — Сколько ж их тут... сколько ж он погостей разорил, вражина, предков чужих из домовин выдернул...

Ниакрис вздрогнула. Черная яма под ногами, казалось, до краев наполнена нечеловеческим горем и отчаянием, отчаянием, которое никогда не постичь живущему, даже не приблизиться к пониманию...

Да, теперь она чувствовала. С разных кладбищ они стекались сюда, неведомыми путями мертвых,валились, точно мешки, в разверстую пасть бездны; магия

затечивала их раны, укрепляя и отращивая вновь сгнившую плоть, магия давала им странное подобие второй жизни, магия вдыхала в них неутолимую ненависть ко всем, за кем еще не захлопнулась крышка гроба; и за всем этим стояла одна злая воля — того, кто скорчился сейчас на черном троне, водруженном в роскошном зале на самом верху коронной башни.

— Быстрее! — рявкнул монах. — Нечего на них глязеть! Прикончим главного — эти сами рассыпятся... но, однако ж, сколько их там... И, похоже, их всех на поверхность сейчас гонят. Ох, жарко там сейчас гномам приходится...

Балкон окончился целой галереей грубо пробитых в скале проходов, и Ниакрис растерянно остановилась — куда идти дальше?

Монах же, однако, замешкался лишь на краткое мгновение.

— Сюда! — бросил он так уверенно, словно показывая дорогу в своем родном монастыре.

И вновь Ниакрис послушалась, хотя в глубине души шевельнулся червячок подозрения — да откуда ж этот монах может так хорошо знать все здешние ходы и выходы, если она не чувствует сейчас никаких его заклинаний?

Так или иначе, они вновь очутились в узком и низком коридоре. Несколько десятков шагов — Ниакрис с разбегу налетела на тяжелую железную решетку. Чуть отступила назад, вздернула подбородок, невольно сощурилась, словно беря прицел; миг спустя решетка глухо загудела, между ржавых прутьев метнулся быстрый сполох голубого пламени — однако преграда отнюдь не разлетелась на тысячу кусков и не сгинула бесследно в колдовском огне — осталась стоять, как стояла.

— Крепко ладили, — невозмутимо заметил подоспевший монах. — Только рано Он думает, что взял

нас. Ну-ка, помогай! Руку дай! Вас что, не учили в Храме двойному плетению?!

Двойному, равно как и тройному и четверному — совместному плетению заклинаний в Храме Мечей, конечно, учили. Но с такими же, как Ниакрис, воинами Храма, не с любым владеющим магией, сколь бы силен он ни был!

Пол под ногами чуть ощутимо вздрогнул. Погоня вновь садилась на плечи.

— Все просто, — торопливо бросил монах, сам резко хватая неуверенно поднявшуюся ладонь девушки. — Эту сталь не возьмет никакой огонь или таран — от такого оружия их мастер-хозяин защитил надежно. А сделаем мы так... пусть-ка у нас разрыв-чары как следует поработают!

Что такое разрыв-чары в понимании своего спутника, Ниакрис не знала. Вновь и вновь она ощущала себя не безжалостной и могущественной мстительницей, огнем и мечом прокладывающей себе дорогу сквозь орды врагов, а совершенно обыкновенной девчонкой пятнадцати лет, кое-как выучившей пару-тройку несложных заклятий и возомнившей после этого себя настоящей волшебницей!

Монах что-то коротко бросил шепотом, и Ниакрис тотчас скрутила судорога жестокой боли. Из стен брызнули фонтаны измолового в пыль камня, обнажились крепления прутьев, и миг спустя неподъемная решетка с тяжелым грохотом и лязгом грохнулась об пол.

— Вот и все, — монах утер пот со лба. — Извини, я у тебя, кажется, многовато силы черпнул... но драться с целой ордой зомбей, право же, нам сейчас не с руки...

Ниакрис и в самом деле ощущала себя, словно побывав между мельничных жерновов. Монах безжалостно вскрыл, казалось, саму ее душу, встряхивая ее, словно закоренелый пьяница бутылку, взалкав, как говорится, «последней капли».

— Ну, идем, идем, на ходу в себя придешь, — дернулся девушку за руку монах. — Еще немного я тебя проповедую, а потом уж, извини, тебе придется в бой вступать — все ж это твоих родных убили, не моих. Так что тебе и мстить...

«Да кто ж он такой на самом деле?!» — только и смогла лишний раз поразиться Ниакрис.

Поверженная во прах решетка осталась позади. На прощанье монах обернулся и, не прибегая больше к помощи своей спутницы, без лишних слов заставил рухнуть уже и без того треснувшие своды.

— Мертвяков это не остановит, но на какое-то время задержит.

От этого коридора тоже постоянно отходили какие-то боковые узкие тоннели, тянулись во тьму лестницы, время от времени тянуло дымом — монах уверенно шел вперед, никуда не сворачивая.

— Все, дева, кончается наша дорога, — внезапно проговорил он, когда в сером полумраке колдовского зрения замаячили широкие ворота, почти как крепостные, сейчас, разумеется, наглухо закрытые. — Это уже преддверие главной башни. Здесь у Него, я чувствую, самое главное. Жертвенный покой, могильники, пыточные... А магией Он отчего-то предпочитает наверху заниматься, хотел бы я знать, почему, это ж неудобно, все время по лестницам таскаться, если, конечно, он летать не выучился... Ну, не стой, Лейт! Мы с тобой хорошо шли, ни единой царапины не заработали, и силенок еще достаточно... будет чем вражину-то угостить. Ломай ворота! Дальше тебе первой идти, а я только на подхвате.

— Почему? — не удержалась Ниакрис.

— Потому что каждый зомби и каждый скелет за этой дверью будет с частью Врага в себе! — гаркнул монах, не заботясь о том, что их могут услышать. — Тебе предстоит не один раз Его убить — несколько сотен

самое меньшее! И каждую смерть Он, клянусь тебе, прочувствует в полной мере. Ну, пора, Лейт, пора, девочка моя, пора!

Монах крепко, до боли вцепился ей в плечи, пару раз здорово встряхнул. Резко прижал к себе, на миг коснулся сухими и горячими губами ее лба — и почти что оттолкнул.

— Ломай! — крикнул он, отскакивая в сторону.

И тут внутри Ниакрис словно бы вспыхнул неведомый доселе ей огонь. Его можно было б назвать и яростью, и ненавистью, и жаждой мести — все так и в то же время не так. Наверное, то начинало воплощаться ее имя, оживала для одного-единственного боя странная и диковатая эльфья магия, магия имени, давным-давно позабытая в людских областях, где никто уже не страшится назвать встретившемуся свое настоящее имя.

Враг рядом. За этими деревянными створками. Ниакрис наконец-то ощутила его ясно и четко. Каменные своды и стены внезапно обрели прозрачность стекла; смутные тени двигались по галереям и лестницам внутри, новые и новые отряды врагов поднимались по винтовым переходам из неведомой глубины вражеской крепости; шли, не зная страха смерти, не зная сомнений или колебаний.

И за нагло закрытыми дверями Ниакрис тоже ощущала какое-то шевеление Силы — Враг, судя по всему, готовил ей достойную встречу.

Неожиданно для самой себя девушка внезапно приостановилась. Кровь кипела самым настоящим образом, сила рвалась наружу — слишком долго Ниакрис сдерживала и сдавливала собственную душу. Найти! Добраться! Одолеть! Увидеть, как Враг скорчится в луже собственной крови... или что там течет у него в жилах. Ну же, Ниакрис, чего ты медлишь? Ломай дверь, в Храме тебя учили справляться и не с такими препятствиями, и вперед, туда, к черному трону, варварски и с вы-

зовом украшенному черепами жертв, туда, где тебя ждет цель всей твоей жизни; вот только чего же ты стоишь, Лейт?!

Монах, кажется, тоже растерялся, только непонятно, отчего. Как-то потерянно завертел головой, беспрестанно взглядываясь в шуршащий мрак у них за спинами. Оттуда надвигалась погоня, а Ниакрис по-прежнему топталась перед запертой дверью — настолько сильно было ощущение жгучего и безысходного отчаяния, запертого там, внутри. На мгновение Ниакрис даже подумалось, что Враг словно бы сам заточил себя в темницу, мир отгораживая от себя, а не себя отгораживая от мира...

Кто знает, к каким еще выводам она пришла бы в те мгновения, поймав эманации мыслей своего заклятого противника, но тут совсем рядом с ними во мраке возникла тонкая, высокая тень. Вспыхнули среди тьмы алые огоньки глаз — похоже, и в самом деле светящиеся сами по себе, потому что багряный отблеск заиграл на игольчато-тонких клыках вампира, выдвинувшихся из-под верхней губы.

Вампир медленно шагнул навстречу Ниакрис, угрожающе зашипел, за его спиной внезапно развернулись уродливые перепончатые крылья; с остройших снежно-белых клыков капала слюна, и почему-то вид ее заставил Ниакрис буквально затрястись от омерзения и страха. Чем-то очень знакома была эта фигура, когда-то, давным-давно, она уже испытала страх перед ним... память оживала, словно всплывая из крови, Ниакрисказалось, что она видит темную улицу, вроде б в Княжгороде... и не она, мама шла под руку с дедушкой, живым, и куда моложе... а потом из мрака внезапно вынырнула серая фигура в черном плаще, и точно так же торчали на груди игольчато-острые клыки, и мама... Ниакрис... оцепенела от ужаса, и...

Только тут монах наконец вышел из оцепенения, и,

ll 39

не мудрствуя лукаво, швырнул прямо перед собой простой и честный огненный шар. Правда, целился он почему-то не в вампира, а прямо в середину запертой двери, но в тот миг Ниакрис об этом не думала.

Она с визгом, точно самая обыкновенная девчонка, метнулась в дымящуюся дыру. Следом за ней кубарем покатился монах; вампир отчего-то замешкался, наверное, его чувствительные глаза ослепила яркая вспышка.

Они очутились в громадном подземном зале, но на сей раз — в зале роскошном, убранном с мрачной торжественностью: черное, золотое и алое. Стены завешаны шпалерами, под ногами — отполированные плиты со сложным плетением все тех же трех цветов; тут и там расставлены непонятного вида не то жертвенники, не то алтари неведомых богов, разукрашенные живыми черными розами. Больше всего это походило не то на бальную залу, не то на чертог, где принимали послов, судили, карали и миловали.

Посреди зала переливалось всеми оттенками жемчужного, серебристого и серого какое-то непонятное облако, поднявшееся над составленными кругом двенадцатью необработанными камнями, дико смотрящими посреди отделанного с филигранной точностью и аккуратностью покоя.

Здесь горели факелы, странным бледным пламенем, совершенно не дававшим дыма. В зале был разлит густой, странный аромат — словно бы в затхлом склепе вдруг раскрылись цветочные бутоны, источающие сильный запах, смешивающийся с запахом тления.

Ниакрис вихрем влетела внутрь, обернулась, ожидая увидеть ринувшегося за ними следом вампира, — но клыкастого кровопийцы простыл и след. Монах же, не мудрствуя лукаво, просто топнул ногой, выкрикнул что-то на неведомом девушке языке (это ей-то, Храм Мечей прошедшей, где учили понимать, хотя бы и при

помощи магии, все бытующие в Эвиале наречия!) — и дверной свод рухнул.

Груда камней, конечно, преградила дорогу не на глуко, но даже неутомимым зомби придется изрядно повозиться, прежде чем они разберут возникший завал.

Однако в исполинском зале сражаться оказалось не с кем. Громадный покой был пуст, совершенно пуст, и не похоже было, что где-то среди роскошных черных роз в искусно созданных розариях таится засада.

Правда, в тот же миг, когда они очутились внутри, облако внезапно засветилось мягко и неярко, и перед пораженной Ниакрис предстали окрестности замка, сейчас больше напоминавшие бурлящий и кипящий котел. Из-под земли, словно черные муравьи, валили и валили защитники вражеской крепости. Зомби, скелеты, еще какие-то совершенно фантасмагорического вида существа, словно составленные из десятков человеческих и звериных костяков, — вся эта масса с трех сторон захлестывала строй упрямо сопротивляющихся, но тем не менее пятящихся шаг за шагом подземных воителей. Гномов уже сбили с приречной гряды, требуяты исчезли среди сотен и сотен голов ходячих мертвецов, и ясно было, что дело штурмующих проиграно по всем статьям. Пожар в крепости, похоже, Врагу удалось загасить, во всяком случае, Ниакрис не увидела никаких отсветов.

Гномам бы отступить, оторваться от преследователей или бросить в бой запасные полки, ударить во фланг и тыл напирающих темных шеренг... только вот мертвецам все равно, побеждать или терпеть поражение, они не отступят и не побегут, не дрогнут и не расстремятся, даже оказавшись в полном окружении.

И потому гномам оставалось только одно — умирать с честью, как говорится, именно так, чтобы потом о них сложили песни. Ниакрис не сомневалась, что это будут замечательные песни, но — что же делать сейчас?

Красный монах же, похоже, не сомневался.

— Что ж мы стоим?! — завопил он, хватая Ниакрис за рукав куртки. — Бежим, надо убираться отсюда, гномов же всех перебьют!

— Нет, — холодно сказала Ниакрис. — Никуда мы не побежим. Гномы — пусть их... хотели геройской смерти, глупцы, — будет им геройская смерть... а нам дальше идти надо, покуда всех этих зомбей против нас не погнали — тогда нам даже вдвоем не справиться...

— Да ты что?! — возопил монах. — Своих на смерть бросаешь?!

— Иначе я ничего не добьюсь, — коротко бросила Ниакрис и отвернулась от серебристого облака. — Где-то здесь должен быть вход...

Монашек, похоже, онемел от возмущения. Ну и пусть его. Ниакрис на миг зажмурилась, подобно лайке-охотнице втягивая воздух ноздрями. Тонкая, едва ощутимая струйка... запах Врага, который ни с чем не спутаешь, запах ненависти и крови, очень старой крови, пролитой много-много лет назад в забытом богами Эвиала Пятиречье...

Нет, и все-таки это ведь неправильно. Ведь помоги она сейчас гномам, в замок потом они смогут ворваться все вместе, а это такая подмога, от которой так просто не отмахнешься. Остановись, Ниакрис, вернись, выйди из замка, наколдуй какую-нибудь добрую бурю, смерч или ураган, что раскидывает мертвяков, не повредив гномам, а потом, со свежими силами, вернись, и тогда...

Ниакрис уже двинулась наискосок через зал, когда черно-желто-красные шпалеры на стенах внезапно рухнули все разом, и из открывшихся проходов в зал двинулись молчаливые серые шеренги.

Зомби, скелеты, прочая нечисть — все вместе, все вперемежку, словно Враг подслушал мысли Ниакрис и решил ни за что не выпускать ее из своей крепости,

любой ценой задержать здесь, пусть даже ценой жизней стольких своих солдат. Ниакрис растерянно замерла прямо посреди громадного зала. Враг оказался отнюдь не дураком и не делал ошибок. Отвлек ее внимание какими-то там гномами, а сам в это время подтянул резервы, собрал всех, видно, кого только мог, и теперь явно намеревался покончить с дерзкой девчонкой.

Она оглянулась на монаха — может, чего придумает и на этот раз? В крепости она фактически оказалась ведомой, монах тащил ее за собой, обнаруживая при этом силы, которых в нем Ниакрис никак не смогла бы заподозрить.

Однако на сей раз Красный монах вновь, как и перед закрытыми дверьми, когда Ниакрис испугал невесть откуда взявшийся вампир, как-то странно опустил голову и бессильно уронил руки. Чем-то он сейчас очень напоминал куклу-марионетку, чей кукловод выпустил из рук управляющие нити.

— Монах! — тем не менее закричала Ниакрис. Отряды зомби, серые безмолвные шеренги надвигались со всех сторон. — Что ж ты стоишь! Сейчас нас затопрут!

Монах ничего не ответил. И не пошевелился. Ниакрис уже хотела броситься к нему, скрести за рясу, встряхнуть — но тут над самой головой свистнула стрела, и она поняла, что на сей раз зомби шутить не станут.

От второй и третьей стрелы она увернулась играющи, но вперед выдвигались все новые и новые лучники, тянули длинные серые луки, накладывали чернооперенные стрелы, целились... сперва они стреляли плохо, но с каждым разом длинные древки свистели все ближе и ближе к Ниакрис.

Невольно она отступала, уворачивалась, уклонялась, и со стороны могло бы показаться, что Ниакрис не отказалась от мысли прорваться наружу. Там, где в дальней стене зала девушка увидела высокую арку вы-

хода, ряды солдат Врага смыкались особенно плотно, без малейшего просвета — девушке пришлось бы прорубаться через них, словно дровосеку через заросли. От монаха никакой помощи, некогда даже смотреть, жив он или уже нет; значит, надо прорываться туда, где Ниакрис чудилось нечто вроде прохода в главную башню — ту самую, увенчанную короной, и где, как подсказывали Ниакрис сердце и ненависть, засел ее клятый Враг.

Ее словно бы подталкивали — ну иди же, иди же ко мне!

Стрелы летели все гуще и гуще, и Ниакрис, уходя от них, в свою очередь рванулась в атаку. Меч рассек воздух сверкающей полосой, и в зале началась всегдашняя пляска смерти — мертвое сражалось с мертвым.

Кто хоть раз видел сражающегося Воина Храма, уже не забудет этого никогда — если, конечно, этот воин не сражается против него. Со стороны может показаться, что воин движется как-то неспешно, даже с ленцой, не делая никаких потрясающих воображение прыжков, кульбитов или сальто-мортале. Но вот подступавшие зомби отчего-то разлетались кубарем во все стороны, изрубленные в мелкую крошку, с отсеченными руками, ногами и головами. Где-то там, за ее спиной, остался Красный монах — и не понять, жив ли он еще, или его погубил этот внезапный и непонятный транс...

Какое-то время Ниакрис просто убивала — хотя едва ли можно сказать «убивала» применительно к зомби, уже умершим по меньшей мере один раз. Но мало-помалу гибельный вихрь ее атаки постепенно начал выносить ее вновь к высокой арке, и, похоже, Враг таки решил, что она, несмотря ни на что, пытается выбраться наружу.

Ниакрис не поняла, в какой миг это случилось. Внезапно в бесконечной череде серых неразличимых

лиц мелькнуло что-то знакомое, и девушка невольно придержала руку с разящим оружием.

Дедушка?!

Она едва подавила крик — нельзя сбиваться с дыхания. Ну, Враг, негодяй, кажется, ты послал против меня даже моих родных, ты разорил их могилы, вырвал из вековечного сна — а теперь решил лишний раз посмеяться надо мной?! Ну, ничего, мы еще посмотрим, кто посмеется потом, ты заплатишь мне и за это!..

— Лейт... — произнесли мертвые губы дедушки. —
Лейт, внученька...

По щекам Ниакрис покатилось что-то горячее. Слезы?! После стольких лет?.. Ты заставил меня плакать, проклятый колдун?..

Руки тянулись, тянулись со всех сторон, а Ниакрис вдруг замерла, словно оледенев. Самой рубить родную кровь?!

Отчего-то вдруг перестали лететь стрелы. Враг поверил в легкую победу?..

И только когда откуда-то справа вывернулась мама, с искореженным, костистым лицом и обнажившимися черепными костями, Ниакрис наконец пришла в себя.

Ее сотрясала волна ненависти. Такое случается, наверное, только раз или два за всю жизнь человеческую, и хвала богам, потому что в этом состоянии человек способен на любые злодеяния.

Лейт оставила позади две могилы. Под тяжелыми камнями осталось все, самое для нее дорогое. Она верила, что по крайней мере ее дух, вернувшись из-за врат смерти, сможет задержаться на миг перед двумя неподъемными камнями и беззвучно сказать спящим маме и дедушке — вы отомщены.

Теперь могилы вскрыты, опорожнены, осквернены — а ее мама и дедушка стали одними из тысяч и тысяч воинов Врага.

И это значит, она должна дойти.

Лица ее родных исчезли — лучащийся клинок обратился в кружащийся вихрь, голова дедушки мягко толкнула Ниакрис в грудь и в следующий миг была затоптана напирающей толпой серых мумий.

Ниакрис закричала. Человеческая гортань не смогла бы издать подобного, это был боевой клич обретения, завершившего боевое преображение и сейчас устремляющегося в бой. Мастера Храма Мечей крепко знали свое дело. Их воин способен был в минуты смертельной опасности *перекинуться*, как сказали бы владеющие искусством метаморфоза чародеи; для большинства воинов превращение означало гибель, для Ниакрис, с ее врожденными способностями, — едва ли, если только она не переступит порога; впрочем, сейчас-то девушка все пороги как раз и переступала.

Посреди напиравшей со всех сторон серой толпы возникло существо, чем-то напоминавшее дракона — серебристая чешуйчатая броня, длинные лапы, снабженные стальными шипами в локоть взрослого человека длиной, рога на точеной голове, роговой гребень, остротой способный спорить с салладорскими саблями, — идеальная боевая машина, куда менее уязвимая, чем простая человеческая плоть.

Путь Ниакрис через заполненную зомби залу был подобен пути косы над травами. Она не убивала — невозможно убить мертвое, — она раздирала, разрывала, крошила, давила, мяла и ломала. Серебристая броня мгновенно покрылась отвратительной серой жижей, по всей видимости, заменявшей мертвецам кровь, ровная просека в ключья растерзанных тел отмечала путь мстительницы; она играючи ломала черные копья и ржавые мечи, неуклюже вздымающиеся на ее дороге в руках зомби; и она прошла насквозь через толпу, мимоходом успев подумать, что Красного монаха нигде не видно и что бедняга наверняка мертв, наверное, отдал все силы...

...Ее хватило, чтобы пробить брешь в каменной кладке, которой тщательно забутовали вход в башню. С шипов сорвалось нечто вроде молнии, взорвавшейся с оглушительным треском; Ниакрис успела проскользнуть внутрь, успела истекающей силой испытанным приемом обрушить за собой свод, когда ее метаморфоз кончился. И на шероховатый каменный пол узкого и темного тоннеля рухнула задыхающаяся, отплевывающаяся кровью девчонка, сердце которой готово было вот-вот разорваться от перенапряжения.

Лишь считанные единицы воинов Храма могли пережить трансформу.

Тихо. Темно. Никого нет. Где же зомби, где слуги Врага, почему они не прикончили ее, когда была такая прекрасная возможность?! Ниакрис не привыкла верить в счастливые случайности, равно как и в роковые совпадения. За всем стоит или твое умение, или же неумение, и ничего больше.

— Ниакрис! — раздался откуда-то сверху сдавленный знакомый голос. Она вскинула голову — через узкую щель в расколотой стене отчаянно пытался притиснуться ее монашек.

Жив! Но как? Где отсиделся, как отбился?..

Монашек проскользнул наконец сквозь разлом, оставляя на острых гранях обрывки своей рясы, шмыгнул носом, сплюнул и встал рядом с Ниакрис. Особенных ран на нем видно не было — только серая «кровь» зомби. Значит, все-таки тоже дрался...

— Видел, как ты шла, — сообщил монашек, переводя дух и озираясь по сторонам, хотя в царившем вокруг полумраке многое было не разглядеть, если только не прибегать к магии. — Ничего не могу сказать... великолепно. Гномов жаль, конечно... ты бы могла их спасти...

— Чем скорее я прикончу Врага, тем больше гно-

мов спасу по-настоящему, — бросила Ниакрис. Она наконец-то смогла отдохнуть.

За завалом послышались глухие удары — похоже, зомби вознамерились проложить себе дорогу через воз-двигшуюся у них на пути баррикаду.

— Идем, — Ниакрис схватила монаха за руку.

— Да куда тебе, после перекидывания едва на ногах стоишь! — всполошился монашек.

— М-молчи, — зарычала Ниакрис не хуже настоящей тигрицы. — Говорю — идем, значит, идем. Я знаю, что делаю...

— Что делаешь, что делаешь — себя убиваешь, — встопорщился монах. — Глупости это все, пони...

— Идем, — потянула Ниакрис за собой монаха. — Рассказ о своем чудесном спасении можешь отложить на потом. Все прочие словеса тоже. Если там и в самом деле гномы гибнут — надо торопиться, а то и впрямь спасать некого будет.

— Кто б против слово говорил, — буркнул монах. — Идем...

Винтовая лестница круто уходила вверх. Ниакрис сделала шаг, другой, и внезапно покачнулась от слабости, так что ей даже пришлось опереться рукой о стену.

— Эй, что с тобой? — встревожился монашек. — Ранили, что ли?

Ниакрис отрицающе покачала головой. Нет, на ней не было и царапины. Она не растратила магических сил, она, казалось бы, птицей должна взлететь по этой треклятой лестице — а вместо этого она замерла, и руки дрожат, и ноги подкашиваются, и нет сил одолеть эту постыдную дрожь, и кажется — хватило бы храбрости, так просто перерезала себе сейчас горло, потому что ожидающий ее конец ужаснее всего, что способно представить слабое человеческое воображение. Даже если она сразит Врага — ей самой не миновать гибели.

И притом такой, что участи растерзанных «зомбями» гномов можно только позавидовать.

Монах осторожно коснулся ее лба. Ладонь оказалась сухой и лихорадочно горячей, но зато накатившую дурноту и слабость словно ветром сдуло.

— Идем, — она оттолкнулась от стены.

Мрак послушно отступил — монах, не мудрствуя лукаво, зажег «светляка» — маленький горящий шарик, что парил прямо над их головами.

Лестница была очень узкая и крутая — на такой удобно держать оборону. Идти по ней можно было только поодиночке.

— Погоди, дай мне первым, — сунулся вперед монашек.

Ниакрис молча отстранила его со своего пути.

Ступени. Самые обычные каменные ступени. И ни стражи, ни решеток, ни ловушек.

Она сделал первый шаг.

И перед глазами тотчас встал убитый ею когда-то поури, самый первый из длинного ряда тех, кому суждено было пасть от ее руки, — тот самый поури, которого Ниакрис убила ради плошки с дурнопахнущей кашей.

Она помотала головой. Устала, выложилась, вот и мерещится невесть что...

Еще шаг. И вновь лицо карлика. Кажется, это был второй... или третий? Память услужливо стерла слова, крики, стоны, лязг оружия и бешеный визг — но сохранила *вкус*. Ниакрис точно помнила, кого и за какую еду ей пришлось убить. Ей даже казалось, она вновь ощущает на языке непередаваемую, ни с чем не сравнимую по отвратности кашу поури, которую она — неизвестно как — терпела в течение такого времени.

Головокружение становилось все сильнее.

Каждый твой шаг, Ниакрис, каждый твой день был оплачен чужими жизнями. Высокие слова, над ними

учили смеяться — в Храме Мечей, — но от этого они не перестали оставаться правдой. Каждая ступенька лестницы сейчас казалась девушке оцепеневшим трупом, одним из тех, кого ей пришлось убить на долгом пути к замку Врага.

Монах, похоже, понял, что с ней творится, на локоть Ниакрис вновь легла его ладонь — даже сквозь толстую куртку девушка чувствовала идущее от нее тепло.

Мертвые лица исчезали, истаивали, вновь оборачиваясь обычными каменными ступенями, отчего-то сильно стертymi, словно замок этот был воздвигнут много веков тому назад, а не каких-то там пять с небольшим лет.

Что-то слабо ворохнулось во внутреннем кармане. Тряпичная куколка, о которой Ниакрис, признаться, совсем забыла в суматохе. Девушка не смогла расстаться со своим странным талисманом, единственным существом, которое помнило ее маму и дедушку; взяла с собой и в этот последний бой, хотя, наверное, следовало бы отпустить это странное создание, зажившее своей собственной жизнью в тот самый день, когда Враг наконец-то настиг их; и сейчас куколка отчаянно вдруг забилась, словно пытаясь выбраться наружу, что-то сказать, сделать, удержать...

Слишком поздно, подумала Ниакрис. Предательская слабость отступала — спасибо ее спутнику-монаху, опять не пожалел сил, вытаскивая ее, непутевую, позволившую памяти взять верх, пусть даже на короткое время.

Лестница. Ступени. Исполинский винт, пронзивший небо и землю, вогнанный сюда чудовищной рукой — Ниакрис показалось, она слышит несмолкаемый стон камня под гнетом черных фундаментов. Все выше и выше — и никто не пытается их остановить! Стоило огород городить, всех этих зомбей пускать —

чтобы потом вот так вот просто отдать такую замечательную лестницу, на которой один умелый воин остановит целое войско!

Разумеется, стоило ей об этом подумать, как сверху послышались тяжелые шаги.

Рыцарь в темной броне, серое и черное, пластинчатые латы с наклепанными на них устрашающего вида, но бесполезными в бою шипами — доспех обязан быть гладким, вражеское лезвие должно, скользнув по броне, сорваться, а не зацепиться; низко опущенное забрало глухого шлема, ярко светящаяся смотровая щель, словно там, внутри, горел яростный огонь: рыцарь, разумеется, не принадлежал к числу живых. Порождение магии, ничего больше, но магии настолько ядовитой и убийственной, что это почти заменило темному воину душу.

Длинные мечи бесполезны в тесноте крепостных переходов, рыцарь держал наперевес длинный осадный нож на чуть укороченном копейном древке — чтобы удобнее было орудовать в узком витом проходе.

Рыцарь не стал произносить никаких слов, призываая остановиться, или повернуть назад, или просто сдаться. Он атаковал, сразу и без раздумий.

Ниакрис рванулась навстречу клинку, наверняка способному разить не только и не столько отточенным лезвием. Ее собственный меч на мгновение окутался голубоватым пламенем — точь-в-точь, как некогда у ее мамы. Тогда вражье оружие разбило мамин щит... посмотрим теперь, окажется ли оно столь же хорошо против меча дочери!

И вновь она словно бы стояла на темной улице Княж-города, напуганная до полусмерти, не в силах шевельнуться... то есть нет, она-то как раз могла, а вот мама нет... и, оцепенев, смотрела, как из мрака появляется новая фигура, уже не вампир, а...

Память крови возвращалась.

Но я-то не оцепеневшая и не обессилевшая, как мама, я могу сражаться! И сегодня все будет совсем по-иному!..

Клинок жалобно звякнул о темные латы, высек малый спонник искр, а в следующий миг Ниакрис уже летела, отбросив меч и оттолкнувшись обеими руками от толстого вражеского древка. Пальцы девушки обратились в тонкие язычки пламени, огонь рванулся в острый разрыв смотровой щели рыцаря, встретившись с бушевавшим там пламенем.

Черно-серый шлем взорвался изнутри. Пустые латы обрушились на каменные ступени грохочущим потоком. Осадный нож загремел еще ниже; Ниакрис проводила оружие врага брезгливым взглядом.

— Раньше б взяла... да только слишком много на нем всякой дряни начаровано, — пояснила она монаху, хотя тот ее ни о чем не спрашивал.

Тот лишь покачал головой — сам Красный монах до сих пор успешноправлялся вообще голыми руками.

— Пошли, — кровь бурлила и кипела, рвалась на свободу, словно понимая, что струиться по венам и давать жизнь этому совсем еще юному телу осталось совсем недолго.

Ниакрис теперь помнила почти все... скрытым оставался лишь самый конец.

Однако они не успели подняться и на десяток ступеней — сверху вновь послышались шаги.

— Если у него там наверху приличный арсенал, то эти пустые доспехи он может нам навстречу еще долго гонять, — скривилась Ниакрис.

Однако на сей раз Враг послал им навстречу отнюдь не мертвого рыцаря.

Дорогу им преградило вообще совершенно ни на что не похожее существо, больше всего напоминавшее оживший пень. Последнему девушка бы, наверное, и

не удивилась — мало ли на какие чудеса способны, к примеру, Царственные эльфы в глубине своего Зачарованного леса — однако сейчас Враг и впрямь постарался.

«Пень» этот имел короткие ножки, кривые и толстые, и пять длинных узловатых лап, оканчивавшихся каждая семью многосуставчатыми пальцами. Серая кожа маслянисто поблескивала, покрытая тысячами и тысячами мельчайших капелек «пота»; от существа исходил резкий и неприятный запах, *чужой* запах, запах творения высшей магии, чему нет и не может быть подобия среди живущих или когда-либо живших созданий.

Существо ни имело ни рта, ни глаз. Руки-лапы были пусты, судя по всему, оно, как и Красный монах, не нуждалось в оружии.

— Лейт! — выкрикнул за спиной у девушки ее спутник. — Не шевелись, Лейт! Тебе его не...

Прежде чем монах успел закончить фразу, Ниакрис атаковала. Так, как ее учили в Храме. Не какой-нибудь там банальной молнией или шаром огня — а заклятьем, что отыскивает путь к жизненному средоточию любого создания и останавливает его «сердце» раз и навсегда.

Страшное, гибельное и неотразимое заклятье. Жаль только, что использовать его воин Храма мог относительно редко — чем мощнее магия, тем многочисленнее граничные условия, зачастую совершенно нелепые и глупые. У Ниакрис хватило бы силы, сжигая себя, на десять таких заклятий — но она знала, что *отдача* от второго просто убьет ее. Враг добьется победы, не пошевелив даже пальцем. Само заклятье Ниакрис не жалела — она не настолько глупа, чтобы думать, будто Враг беззащитен перед подобного рода магией.

Чем-то подобным она останавливалась сердца глава-

рей крестьянского мятежа в сотворенной для нее Стоящим во Главе иллюзии...

Маслянисто-серый пень даже не дрогнул. Он был настолько чужд этому миру, что, похоже, никакие хитроумные заклинания, основанные на понимании природы врага, здесь не действовали.

Казалось, он по-прежнему просто стоит, загораживая путь Ниакрис, — но все пять длинных, гнувшихся в четырех местах разом рук рванулись навстречу девушке, рванулись с такой быстротой, что даже хваленый меч гномов в руке ученицы Храма запоздал. Пусть на долю мгновения, но все-таки опоздал.

Ниакрис в один миг оказалась туто спеленута, связана по рукам и ногам. Прежде чем оторопевшая мстительница успела прибегнуть к магии, мир вокруг начал гаснуть — чудовище властно раздвигало саму плоть Эвиала, верно, готовясь вернуться в те неведомые бездны, откуда его извергла воля Врага.

Ниакрис не успевала даже крикнуть. Мысли гасли, и даже казавшееся ей неистребимым желание покончить с Врагом исчезло, сметенное ужасом и болью, — она уходила в то самое *небытие*, куда собственоручно отправила стольких имевших несчастье оказаться у нее на дороге.

Отчаянный вопль Красного монаха настиг ее, рванул вверх, словно арканом. Ниакрис окатило волной жгучего, непереносимого сухого жара, словно от железоплавильной печи, тотчас сменившейся потоком столь же нестерпимого холода. Ниакрис было не до размышлений, какие именно силы пришли в действие, повинуясь приказу ее спутника, — важным было лишь то, что смертельные объятия разжались; тварь с беззвучным воплем сорвалась вниз, она летела прямо сквозь земную толщу, куда не проникнет взор даже самого сильного мага.

Заливаясь сухим судорожным кашлем, Ниакрис вновь

очутилась на каменных ступенях винтовой лестницы — а вот монах, тот не смог даже устоять на ногах.

Остро и резко прошлось по сердцу железо. Что с ним?

— Не... оставляй... меня . помоги... подняться...

Ниакрис хотелось крикнуть, мол, куда ж тебе, оставайся тут — но монах только один раз взглянул на нее — и она молча, послушно подставила плечо.

— Да ты... ты же вся в крови!.. — внезапно вырвалось у монаха.

Ниакрис опустила взгляд — из-под гномьей кольчуги, которую не смогла взломать даже эта тварь бездны, срывались одна за другой тяжелые алые капли. Странно, но сама Ниакрис совсем не чувствовала боли.

— Надо... посмотреть... — начал было монах, но девушка со внезапной резкостью оттолкнула его руку.

Между ними и Врагом не осталось больше никого. Она чувствовала открытый путь, прямую дорогу — впереди, за скользкими-то сотнями истертых лестничных ступеней в панике и предсмертном ужасе забился Он — судорожно сплетал какое-то особенно изощренное, злое, запретное даже для некромантов волшебство.

Оставалось совсем чуть-чуть...

...Но какие же бездны, оказывается, скрываются под тонкой, точно яичная скорлупа, плотью Эвиала! Неведомые провалы неведомых пространств, где властвуют совсем иные силы, — не оттуда ли вырвался в свое время сам Враг-некромант, потому что как же может земля ее родного мира рождать таких созданий?..

Казалось, лестница сама понесла Ниакрис на своем жестком каменном хребте, словно диковинный дракон — Владыка из древних сказок. Спотыкаясь, мало что не падая, за нею еле успевал монах — верно, тоже понял, чем сейчас может закончиться их безумный прорыв.

И хорошо, что под кольчугой — раны, которых она до сих пор не чувствует, хорошо, что ее крови открыта дорога наружу. Потому что пришел день ее последнего боя, и настал черед отдать все: и душу, и кровь — для победы.

Виток, виток, виток...

Растет, крепнет охватывающий Врага ужас — словно передовые отряды войска Ниакрис, ворвавшиеся в неприятельскую крепость. Стонет за спиной монашек — ничего, брат, осталось совсем немного, и потом мы с тобой отдохнем... и тогда уже никто, даже ты сам, не помешает мне обойти костер и лечь рядом с тобой...

Лестница внезапно кончилась.

Узкая площадка, справа и слева — глухие стены; и под напором вражьей магии гаснет затепленный монахом летающий «светлячок».

Ниакрис с разбегу ударила грудью в глухую каменную плиту. Замуровал сам себя, вражина, и решил, что это остановит воина Храма?..

— Отойди, — вдруг глухо сказал монах. — Войду первым я... а дальше уж как судьба распорядится.

И вновь — Ниакрис даже не поняла, что же он сделал: заклятье сработало, словно самая лучшая отмычка, громадная каменная плита, какую не сдвинуть и сотне горных великанов, мягко поплыла в сторону, и в глаза Ниакрис брызнул алый режущий свет.

Она стояла на пороге Еgo логова.

Монах что-то гортанно выкрикнул, рванулся внутрь, презрев осторожность и рассудок — ведь за дверью всякий разумный хозяин, ожидающий подобных «гостей», не забыл бы припасти пару-тройку гостинцев.

И точно — что-то сверкнуло, мелькнуло, заклубилось — что именно, Ниакрис уже не разглядела. Монах нелепо взмахнул руками, пошатнулся, но на ногах устоял — и в этот миг девушка стрелой промчалась мимо него. Она понимала, что сделал ее спутник — заставил

сработать все до единой магические ловушки, припаянныес расчетливым хозяином, собой открыл дорогу Мстительнице — и теперь оставалось только довершить.

Она еще успела заметить брызжащие из груди и плеч монаха десятки, если не сотни, тонких кровавых струек — и изумленное выражение на лице ее спутника, словно говорящее: «Как же так, я же должен был через это пройти играючи!..»

Наверное, и впрямь должен был, да не получилось. Но Ниакрис уже на него не смотрела.

Она очутилась в просторном округлом зале, там, где потолок смыкался со стенами, тянулся сплошной ряд узких окон, скорее даже бойниц. Вдоль нагих стен полыхало пламя — словно кто-то развел костры прямо на каменном полу, длинные багровые языки взлетали почти до самых окон. Правда, пламя это горело бесшумно и бездымно — словно призрак, уродливое отражение живого, настоящего огня, которого так боится все, созданное некромантией.

Конечно, если это — *настоящий огонь*.

Напротив дверей, у противоположной стены, Ниакрис увидела черный трон — как раз такой, на каком и положено восседать ужасному и отвратному Некроманту, умеющему вырывать людей даже из их последнего прибежища, считавшегося неприступным для любого иного вида магии.

Черное дерево и белые черепа, злобно ощерившиеся жуткого вида клыками, в глубине пустых глазниц мигают зеленые огоньки... словно в читанной давным-давно детской сказке... кто ж это вешал черепа врагов на заборе, чтобы они двор ночами освещали?..

Мысль была совершенно некстати, потому что с трона как раз начинал подниматься Враг.

Ниакрис с каким-то странным облегчением даже увидела, что Он ни в малейшей степени не походит на

человека, кроме разве что общего абриса — голова вверху, ноги внизу, руки (или лапы? — не разберешь...) вроде как растут из того, что смахивает на плечи.

Существо куталось в изодранный, ветхий, старый-престарый черный плащ. Кожа — темно-синяя, и даже не кожа, какой-то живой ковер шевелящихся отростков. Ног четыре — больше похожих на столбы, заканчивающиеся чудовищного вида ступнями. Рук тоже явно больше двух, сколько — сразу и не определишь, потому что все тонет в синей не то шерсти, не то живой бахроме... нет, похоже, все же живой бахроме — ишь, как колышется, словно лес щупальц...

Слева от трона замер уже знакомый Ниакрис вампир — тот самый, что испугал ее перед входом в Облачный зал. Быстр же ты, однако, приятель...

В общем, нельзя сказать, что вид этого самого некроманта оказался так уж страшен, потрясающ, обессиливающ или что-либо еще — из превосходных степеней; скорее он казался нелепым и жалким, словно кто-то, второпях готовясь к маскараду, нацепил на себя кое-как, наспех скроенный карнавальный костюм. И эти дурацкие черепа — или же некроманту и положено испытывать удовольствие, сидя среди них и постоянно лицезрея?..

Правда, кое-что осталось совершенно прежним. Глаза. Их Ниакрис — тогда, впрочем, пока еще Лейт — запомнила навсегда. Они не изменились. Синяя живая поросль чудовищно изменила лицо, но отчего-то совершенно не тронула глаза. И сейчас глаза эти в упор смотрели на словно бы застывшую в рывке через зал Ниакрис, смотрели... как-то очень странно смотрели, словно кто-то очень стремился сыграть, сактерствовать ненависть, но ему это очень плохо удавалось...

Меч гномов Ниакрис держала в руке — и одновременно высвобождала все, чему ее успели научить в Храме Мечей. Все, что она использовала в бесчислен-

11^o99.

ных своих приключений, там, в созданных воображением Стоящего во Главе мирах.

Сердце Врага должно остановиться. Неважно, какой ценой. Пусть реки выйдут из берегов и пробудятся дремавшие невесть сколько веков вулканы. Она зачерпнет силу всюду, где только сможет.

Давно и тщательно сберегавшиеся боевые заклятия, которые она не пустила в ход, даже сражаясь с зомби и прочей нечистью, сорвались с привязи. Ниакрис показалось, что вспыхнул, взывал и застонал от боли сам воздух, не в силах вместить в себя столько убийственной мощи. *Откат* тяжело ударили в грудь и саму мстительницу, но Ниакрис уже ничего не замечала. Сила текла сквозь нее, невидимая, вездесущая сила, и сама она, казалось, вот-вот обратится в пламенное копье, нацеленное в грудь врагу, — чтобы пронзить его насеквоздь и, сделав свое дело, угаснуть.

А миг спустя, неразличимо короткий миг ее высвобожденная Сила встретила Силу другую, не менее могущественную и не менее быструю. Ниакрис показалось, что ее со всей силы швырнули об стену — или, вернее сказать, выстрелили ею самой в стену из тяжелой осадной катапульты. Ее заклятья ломало и корежило, тщательно отбалансированные связки рвались, последовательности смешивало в хаотическую кучу, рвались, теряло форму и рассыпалось незримым пеплом с эревшего волшебства.

Ниакрис не остановилась. Враг хорошо подготовился к встрече, он отбил все до единого ее заклинания, но при этом — она чувствовала и отчего-то не сомневалась — сам тоже растратил добрую толику своей мощи. Скорее, скорее, пока он не опомнился, сковать его боем, ведь у этих некромантов небось самое простое заклинание день занимает, если только это не пассивная защита, и потому, коль у него и секунды не останется на размышление. .

Меч из кладовых народа поури описал широкий полукруг.

И тут Ниакрис внезапно опередил монах. Его ряса потемнела от крови, однако отступать он явно не собирался.

Что он собирался сделать, Ниакрис так и не поняла. Потому что Враг не собирался драться с двумя противниками разом.

Он не выкрикивал заклинания, не напускал на спутника Ниакрис свои полуживые черепа, он не сделал вообще ничего — он просто приказал монаху умереть. Не остановил сердце, не размозжил голову или еще каким-либо образом убил — а именно приказал умереть.

И Ниакрис запоздало сообразила, как же это было глупо — стараться убить *магией* того, кто сделал смыслом своего существования скольжение над бездной не-бытия, на тонком трофея своего некромантского искусства!..

Монах секунду-другую еще бежал, уже мертвый, — Ниакрис не видела его лица, но остро, необычайно остро ощутила в тот миг *исход души*, тот самый, о котором так любили твердить верящие в Спасителя.

Тело в красной рясе повалилось на пол — нелепое, изломанное, неживое.

Однако несколько бесценных мгновений для Ниакрис Красный монах все-таки выиграл.

Она успела. Прокользнула змеей между начавшими сходиться невидимыми щитами, еще успела удивиться бездействию вампира — он-то чего ждет, спрашивается? — и в следующую секунду атаковала по всем правилам боевого искусства.

Ее Враг не вставал с черного трона. Он не пошевелился, чтобы отразить ее атаку. Острье меча пронзило воздух возле самой синей бахромы — когда в дело неожданно вступил недвижимый до этого вампир.

Ниакрис прозевала его бросок, несмотря на все проведенные в Храме Мечей годы. Серая тень возникла над ней словно бы из ничего, левое плечо и шею рванула острые боль, девушка отчаянно закричала, изворачиваясь — поздно, слишком поздно, вампир знал свое дело...

Враг рванулся вперед, его уродливая туша, так не-похожая на привидевшуюся перед штурмом Ниакрис изломанную фигуру, дернулась было вперед — и чуть ли не сама натолкнулась на клинок мстительницы. Рана не была ни глубокой, ни опасной, но из-под рассеченного синего живого ковра потекла кровь — алая, совсем как человеческая, хотя, конечно, человеком этот монстр не был и быть никогда не мог.

А вот то, что произошло миг спустя с вампиром, никто не мог ожидать.

Опрокинутая, окровавленная Ниакрис в единый, бесконечно краткий по меркам Эвиала и бесконечно долгий — для нее — миг ощущила мгновенную отдачу короткого, убийственного магического удара. Враг не разменивался на всякие там огненные шары или молнии, не говоря уж о камнях или лаве. Это была поистине высшая магия — оперирующая с духом, а не с плотью.

Однако нацелен этот удар оказался не на нее, Ниакрис, а на вампира.

— Нет! — вырвалось у Врага. — Нет!

Вампиру требовалась, быть может, еще секунда, может, даже полсекунды — он уже не смог бы ни остановить свой удар, ни направить его в сторону. Ниакрис должна была умереть — однако вместо этого рок настиг самого вампира.

И изумленная мстительница еще успела расслышать полный невыразимого изумления горестный вопль навсегда проваливающегося в серые пределы последней смерти упыря:

«Хозяин, за что-о-о-о?!..»

Тело вампира рассыпалось черным пеплом, обнажились болезненно-белые, словно снег, кости, вспыхнули смрадным и жирным рыжим пламенем.

И распростертая на полу Ниакрис замерла, пораженная глубже самых сокровенных тайников души и памяти, ибо этого она понять не могла — ну никак:

Почему Враг спасал ее, убивая собственного слугу, когда вампиру оставалось какое-то мгновение до окончательной победы?!

А в том, что Он спасал ее, сомневаться не приходилось. По крайней мере, не после пяти лет в Храме Мечей. Это был не промах. Это был именно нацеленный в несчастного вампира удар — потому что использовалась магия именно против мертвого, не против живого. Самой Ниакрис это волшебство вообще не причинило бы никакого вреда.

Противники замерли. Тронный зал был пуст, бесшумно клубилось пламя вдоль стен, а два смертельных врага смотрели друг другу в глаза и молчали. И не двигались с мест.

Из прокушенного плеча Ниакрис текла кровь — смешиваясь с сочившейся из ран под кольчугой. Девушка внезапно ощутила, что голова начинает кружиться — даже прошедший Храм не может безболезненно терять так много крови.

Но, несмотря на дурноту и накатывающую слабость, вопросы оставались по-прежнему режуще-четкими.

Почему Враг убил своего верного и ближнего слугу??

И почему бездействует она, Ниакрис, давшая клятву мщения перед двумя могильными камнями в далеком, далеком Пятиречье?

Она еще жива. Рана тяжела и, наверное, смертельна, плечо жжет все сильнее и сильнее — действует вампирский яд. Но она способна продолжать бой, воина Храма

так легко не осилишь! Сейчас... она встанет... Враг глуп, если даже не выбил меч из ее руки... Сейчас... уже... еще немного...

ПОЧЕМУ ОН УБИЛ ВАМПИРА? — *рванулся неслышимый вопль.*

Кровь двух смертельных противников смешалась на гладком полу, у подножия черного трона...

Ниакрис закричала, выгибаясь дугой, разрывая рот и грудь криком, если б она могла — наверное, вспорола бы себе грудь клинком поури.

Память крови вернулась. До конца. И сейчас мистицина с беспощадной ясностью видела темную улочку Княж-города, сцепившихся в борьбе дедушку и вампира... того самого, сожженного... и выступающего из мрака Врага. Она не сомневалась, что это будет Враг... она только не знала, что Он теперь станет делать...

Миг спустя она знала.

Мир рухнул, окончательно и бесповоротно, навсегда, безвозвратно. Ниакрис скорчилась, подтянув коленки к груди. Она уже лежала в луже собственной крови, сознание меркло — кажется, оно тоже решило, что так будет лучше всего.

— Нет! — услыхала она голос Врага. Сильный, мощный голос... властный, привыкший повелевать... — Вставай! Ты должна...

Ниакрис заплакала. Незло, не от горечи поражения, не от бессилия — она просто плакала, понимая, что умирает, глупо и нелепо, донельзя глупо, и еще более нелепо, только что поняв, что всю жизнь была простым клинком, что каждый ее шаг был просчитан на много лет вперед; она пока не знала — зачем, но какое это теперь имело значение? Она скользила вниз, в клубящийся серый туман, скользила по крутой ледяной горке, все быстрее и быстрее, точно зная — там, внизу, ее ждет спасительное забвение... потому что жить с этим новым знанием она просто не могла.

Однако так просто уйти ей, конечно, не дали.

— Вставай! Девчонка! — грянуло ей в уши. — Говорил же я — она не справится! Парень это должен был делать, парень, а не пигалица сопливая!

Мягкая и теплая обволакивающая волна неведомого волшебства. Только теперь Ниакрис начинала понимать, какой *в действительности* мощью обладал ее... Враг? Насколько глупо и наивно было с ее стороны думать, что она и в самом деле способна одолеть в магическом поединке того, того... кто создал ее. Своими руками. Выковал, закалил и заточил клинок...

Кровь останавливалась, раны затягивались на глазах, возвращались силы — Враг щедро делился с ней силой, пусть даже чуждой и страшной, но — вытаскивал ее из Серых Пространств, куда она уже почти что сорвалась...

— Надо, надо, надо, вставай, — твердил Его голос, завораживающий, прорывающийся сквозь все завесы и заслоны. — Вставай, вставай, девочка... не вышло по-простому, придется уж как есть... я тебе расскажу...

Ниакрис поднялась на ноги. Рана на груди Врага уже затянулась, едва заметный бугристый след покрылся живым ковром, бахрома колыхалась, словно пшеничное море под ветром, — похоже, этому Врагу ни почем была даже зачарованная сталь.

Хотя, конечно, трудно назвать клинок поури по-настоящему зачарованным. На что, на что она рассчитывала, когда лезла сюда?!

— Ты догадалась? Когда я убил беднягу вампира? — спросил Враг. — Ну да... и память крови... я не ожидал, что в тебе она окажется так сильна... однако, — голос Врага окреп, — то, что ты теперь знаешь, дела ничуть не меняет. Как бы то ни было, твою мать и деда убил я...

— Мой отец, — глухо простонала Ниакрис.

— Твой отец, — легко согласился Враг. — Но что это меняет? Подними меч, и продолжим бой...

— Почему ты спас меня?.. — Ниакрис не имела силы поднять глаза и встретиться взглядом с... со... своим... нет, выговорить это слово применительно к Врагу она по-прежнему не могла.

— Потому что не смог, — вдруг вырвалось у Врага. — Не смог... промахнулся... — торопливо попытался сорвать он.

— Не так, — покачала головой Ниакрис. — Ты убивал вампира, не меня. Иначе ты никогда не использовал бы это, это и еще вот это... — она стремительными росчерками высвечивала то или иное использованное заклинание.

— Ишь ты, — протянул Враг, — ловка, дева... не зря училась... все поняла... ну ладно... не смог я... понимаешь? Ты должна была выжить...

Ниакрис уже стояла. И меч поури по-прежнему оставался в ее руке. И... и перед ней по-прежнему был Враг, который подверг гнусному насилию ее маму, а потом и вовсе убил ее, убил дедушку, исковеркал и искалечил жизнь самой Ниакрис — которого, конечно, нельзя было и единый миг называть святым словом «отец» и которого она по-прежнему должна была... нет, просто обязана была...

Убить. Конечно же, только и непременно убить. Ничего не изменилось, Ниакрис. Твоя месть по-прежнему перед тобой. Бой еще не проигран. Он не будет проигран вплоть до самого твоего последнего вздоха — но даже и из серых пределов она постарается дотянуться до него, потому что, если на свете есть высшая справедливость, ее возмездие должно совершиться. Поиному просто не может быть устроен мир.

Кажется, в пока еще человеческих глазах Врага промелькнуло нечто вроде удовлетворения?.. И все-таки, почему он убил вампира? Почему? ПОЧЕМУ? — мысль эта не давала Ниакрис покоя. Какой в этом смысл? Враг не шутил, когда насыпал на нее орды

зомби и прочей нечисти, он вполне серьезно пытался убить ее, свою дочь, и не колебался ни секунды, а когда ему представилась такая возможность — вдруг убил своего слугу. Это было неправильно, это ни во что не укладывалось, Враг обязан был добить ее, когда она валялась на полу, беспомощная, отправленная вампирьим ядом, — а Он вместо этого стал ее лечить... для чего? Не хотел легкой победы? Хотел честного боя? Но Он настолько сильнее ее, что ни о какой равной борьбе и речи идти не может...

Она пыталась вновь оживить былую ненависть, пытаясь — и не могла. Ничего не могла.

Острье меча само собой опустилось к полу.

— Ну что же ты? — загремел Враг. — Останавливаясь, дрянь?! Давай же! Я прикончил твою мать и деда, прикончу и...

— Нет, — вдруг сказала Ниакрис. Ненависть не возвращалась. Было что-то за всей этой историей — нечто поистине пугающее и по-настоящему страшное, бездна, в которую лучше не заглядывать. Однако именно это она и намеревалась сейчас проделать.

— Нет. Скажи мне, зачем тебе все это понадобилось? Даже самый заклятый злодей имеет право на защиту...

— Какого ответа ты от меня ждешь? — глумливо выкрикнул Враг, однако в этой браваде слышался и какой-то странный надлом. — Мне доставляло удовольствие убивать! Я наслаждался, глядя на муки твоих родных! Какого ответа ты еще ждешь?!

И тут Ниакрис показалось, что она нашла *главный вопрос*.

— Почему ты хочешь, чтобы я сражалась с тобой? Почему не убить меня просто сейчас?!

— Потому что мне скучно, — раздалось в ответ резкое. — Потому что это способно меня развлечь, а больше мне, как ты понимаешь, уже давно ничего не надо...

Он лгал. Храм Мечей учил распознавать выраженную в словах ложь. Наверное, способна была б солгать магия, но слова — тут Ниакрис Врага явно опережала.

Она наконец смогла взглянуть Ему прямо в глаза.

— Врешь, — сказала она. Словно и впрямь дочь, укоряющая заведшего интрижку на стороне отца. — Тебе нужно не это.

Вместо ответа Враг тяжело соскользнул с трона. Чудовищные ноги едва не продавливали пол. Одним движением сорвал с боковины трона громадный череп какого-то давным-давно вымершего страшилища с клыками чуть ли не в руку длиной; с хрустом выломал один из зубищ и размахнулся им, точно дубиной.

Ниакрис ушла легким, изящным полуповоротом. Этим ее не проймешь. Она способна танцевать так хоть всю ночь напролет, пока Враг сам не свалится от усталости.

В следующий миг ее швырнули к дальней стене внезапный магический удар — обычная оплеуха, но нанесенная с такой стремительностью, что ни отбить ее, ни уйти от нее не было никакой возможности.

Точно так же Враг ударил по щеке девочку Лейт много лет назад...

Только Он не учел, что девочка побывала после этого и у поури, и в Храме Мечей и привыкла держать не такие удары.

И привыкла не впадать в истерику, получив пощечину.

Что ты сделаешь дальше, Враг? Меня больше не выведешь из себя какими-то там оплеухами. Тебе придется или драться по-настоящему и по-настоящему же стремиться меня убить, или...

Стоящий во Главе хорошо учил Ниакрис. Ей потребовалось не больше минуты стремительного боя, чтобы понять — Враг лишь хочет разозлить ее. Если бы Он пожелал, от Ниакрис уже давно бы ничего не осталось.

Она уворачивалась, уклонялась, не обращая внимания на пробивавшие ее защиту удары. Но что же Он от нее хочет?..

Меч Ниакрис так и не вступил в дело. До того мгновения, когда она, в очередной раз утерев кровь из рассеченной губы, попыталась атаковать сама — и поразилась тому, с какой готовностью Враг вдруг раскрылся навстречу ее атаке — не всамделишной, и потому — не смертельной.

— Довольно! — Ниакрис одним прыжком оказалась в противоположной от Врага стороне круглого зала. — Я поняла! Ты хочешь...

— Не произноси! — внезапно завопил Он, разом теряя все достоинство, срывааясь на постыдный визг. — Молчи! Молчи!..

Ниакрис смущенно замерла. Было в этом что-то неправильное, неестественное — ей следовало не тратить время на рассуждения, а и в самом деле свершить свою месть, потому что, конечно же, стоящий перед ней породивший ее злодей не имел никакого права оставаться в живых после всех своих злодеяний.

И тем не менее она медлила. Потому что, похоже, пробуждалась память крови не только со стороны матери.

Этого Ниакрис учесть и предвидеть никак не могла. Как не смог предвидеть и Враг.

Но, похоже, раньше всех все понял и прочувствовал кое-кто другой. Тот, кто все это время оставался за сценой, не вмешиваясь в происходящее, но и ничего не упуская.

Пол под ногами Ниакрис содрогнулся. Толстенные каменные стены внезапно заходили ходуном; и чутьем прирожденной волшебницы она ощущила короткий болезненный вздох глубин — словно на поверхность поднималось, безжалостно раздирая и расталкивая ме-

шающую ему земную плоть, какое-то чудовищное существо.

Враг внезапно обхватил всеми своими уродливую голову, издав такой вопль отчаяния и боли, что Ниакрис даже растерялась.

— Все пропало... — и Он распростерся на полу.

— Что такое? Что случилось? — беспомощно проглупетала Ниакрис, уже сама начиная догадываться, но до сих пор боясь признаться в этом даже себе.

— Плата за нарушенный договор, — безжизненным голосом проговорил Враг. — Трансформа теперь неизбежна. И даже ты теперь уже не поможешь.

— Что?.. Что ты такое говоришь?.. — жалобно проглупетала мстительница, прижимая ладони к щекам от ужаса.

— Ты поняла, что от тебя требовалось? — прежним мертвенным голосом сказал некромант.

— Н-нет.. не совсем...

— Ты должна была убить меня.

— А?!

— Не акай, теперь уже поздно... дочка.

— Не называй меня так! Ты... ты мне не отец! Ты убил маму! Дедушку!.. — Ниакрис не выдержала, зарыдала в голос.

— Прислушайся к себе, — устало сказал волшебник. — Я так понял, ты заподозрила неладное, когда начала пробуждаться память твоей несчастной матери... Если я прав, должны ожить и мои воспоминания... по крайней мере часть из них. Впрочем, никакого значения это уже не имеет. Мы оба умрем очень скоро. Бежать и спасаться негде, бороться с этой силой невозможно. Я исчезну... вместо меня появится Зверь, тот самый, с которым... а, ну, впрочем, ты же этого не знаешь...

Ниакрис молча раскачивалась из стороны в сторону, плотно зажмутившись и прижав к вискам ладони.

Безжалостная память крови, усмехаясь глумливо, разворачивала перед ней воспоминания — воспоминания некроманта, той поры, когда он еще не был некромантом, а всего-навсего взыскующим истины и мастерства молодым чародеем, добравшимся, как ему казалось, до цитадели мудрости и оплота высокого волшебства.

И угодившего в ловушку, выбираться из которой ему пришлось поистине страшной ценой.

— Я почти что бессмертен... дочка. Меня мог убить один-единственный человек на свете — мое собственное дитя. Ребенок от меня и чародейки, неважно какой, лишь бы с магическими способностями. И я знал, что прежде наступления дня расплаты я должен заставить тебя сразить меня... Я не мог приказать тебе, зачаровать или что-либо еще, ты должна была сделать это только по собственной воле. Понимаешь? Я даже не мог покончить жизнь самоубийством — нет такого меча, что стал бы повиноваться мне.

— Не говори.. не говори... молчи... — прошептала Ниакрис, давясь слезами.

— Да что уж теперь молчать? Ты можешь догадаться обо всем сама. Зачем мне потребовалось убивать твою маму и Велиома прямо у тебя на глазах? Какой вообще был смысл в этом убийстве? Никакого, скажу я тебе. Никакого, кроме лишь одного, — ты должна была возненавидеть меня до такой степени, чтобы ничто: ни время, ни расстояние не стали бы для тебя преградой... и я добился своего... почти добился, — его голос дрогнул. — Но следящие за договором... те, у кого я купил силу, чтобы справиться со Зверем, исправить мою давнюю ошибку... кажется, поняли, в чем дело. И теперь... о-ох... — у колдуна вырвался вздох, и он замер — уродливой раскоряченной грудой чужой, нечеловеческой плоти, в ожидании неминуемой казни, уже слыша тяжелые шаги палача на лестнице.

Ниакрис ревела в голос — от ужаса, стыда и бессилия.

Поздно бежать — бежать отсюда некуда. Нечем сражаться — ее «боевые заклятия» хороши разве что против зомби... зомби? — там, наверное, все еще сражаются насмерть гномы...

— Уже нет, — сдавленно ответил колдун. — Зомби остановились... гномы отходят к лесу... молодцы, потому что именно отходят, а не бегут... знала бы ты, что они сейчас там видят...

Ниакрис ни в малейшей степени не было интересно, что же они там видят. Она чувствовала надвигающуюся гибель — точнее, даже не гибель, а что-то еще более ужасное, чем просто угасание сознания. Она рыдала, словно спеша выплакать все слезы, скопившиеся за долгие годы, как никогда остро чувствуя свое бессилие.

— Конечно, ты просто обязана была меня убить... — глухо сказал колдун. — Свет избавился бы разом от двух зол — меня и... и того, кто сейчас идет сюда. Но... вампир оказался слишком усерден... и я... и мне... как ты понимаешь теперь, я должен был играть всерьез, чтобы ты не поддалась памяти крови и ворвалась сюда с полным убеждением, что чем скорее ты убьешь меня, тем лучше... но ты оказалась слишком сообразительной, и тот, кто идет сюда вершить суд и расправу, взыскивать старые долги, мигом это почуял... И понял, как я намерен ускользнуть от расплаты...

Ниакрис, всхлипывая, вытерла рукавом щеки. Как бы то ни было, она — воин Храма! И ее учили не сдаваться даже в самых отчаянных ситуациях, недаром же один из наставников любил повторять: «Из каждого безвыходного положения есть самое меньшее два выхода».

Или даром ей даны острый ум и хитрость, позволявшие брать верх над самыми сильными противника-

ми — пусть даже и в созданных Учителем иллюзиях?! Или даром твердили ей в Храме, что чистая Сила — ничто, если не подкреплена изворотливостью и ловкостью?! Нет, нет и еще раз нет!

Терять им вообще уже нечего. Человек, сидящий перед ней, готов был заплатить за свой грех самую страшную цену, он сам осудил себя и сам вынес приговор — вот только она, Ниакрис, не смогла как следует сыграть роль палача. Вмешались другие...

Стены замка тряслись все сильнее. Дрожа, стало опадать пламя по краям зала, ходуном ходили намертво, казалось бы, прибитые к черному трону черепа.

Декорации в громадном театре, выстроенным для одного-единственного зрителя и одновременно актера — ее, Лейт-Ниакрис.

Она невольно повернулась — туда, где лежало тело бедного монаха, погибшего за нее.

Тела не было.

Неужели?..

— Ну конечно, — устало сказал отец. — Разве я мог допустить, чтобы ты шла одна через такие места...

Все вставало на свои места.

Ниакрис только медленно покачала головой. Ее отец предусмотрел все... кроме ее догадливости.

Но разве зря ей попалось то, похожее на пень существо?! Понятно, ее... Враг? Убийца близких?.. или все же — отец? — не зря послал ей навстречу это создание! Он не мог говорить открыто, словами, не мог прибегнуть к простой передаче мыслей — ей, Ниакрис, предстояло догадаться самой.

Кровь вскипала в жилах, боевой азарт плавился, обращаясь в то, чему на человеческих и нечеловеческих языках нету даже названия.

Отец, отец, да ты, похоже, сам не знал, что оживет во мне в эти минуты!..

Теперь Лейт точно знала, что ей делать.

Тяжелый шаг давящей все и вся мохи напрасно будет сотрясать твердь Эвиала — без якоря, каким был ее несчастный отец, эта мохь не задержится здесь, плоть мира для нее слишком хрупка, тонка и прозрачна — подобно тому, как не удержаться обычному человеку на небесном облаке и не разогнать его, неважно, размахиваешь ли ты руками, рубишь мечом или пронзаешь копьем.

Ниакрис вскинула руки и звенящим голосом начала выкрикивать слова, рвущиеся сейчас на волю из самых глубин ее сознания.

* * *

Далеко-далеко от угрюмых гор до фундаментов и оснований содрогнулся древний Храм Мечей, и сам Стоящий во Главе прервал свой транс, чтобы подняться на заклинательную башню, и с тревогой всматривался в небосвод, где менялись сейчас, искривляясь и смешиваясь, вековечные пути звезд и планет.

* * *

И еще дальше от обреченного замка, в гордом Ордосе, в Академии Высокого Волшебства, декан факультета малефицистики, на котором не было ни одного ученика, дуотт Даэнур, закрыв глаза, всматривался в фантастическую пляску сил, затеявших свой дикий танец над дальними восточными горами.

* * *

И хозяйка Волшебного Двора, молодая, но уже прославленная чародейка Мегана, обеспокоенно наблюдала, как скрипит ее бронзовая астролябия, повинувшись порывам ветров магии, не чувствительных для простых смертных, отражая неистовость схватки сошедшихся над Эвиалом сил.

* * *

Ниакрис заклинала огнем и тьмой, ветром и потоком, всеми стихиями и мощью самой смерти. О, поистине редкостным даром наделена была ее мать, и неудивительно, что никто из обычных чародеев не смог пробудить его к жизни — и хорошо, что не смог.

Потому что не нашлось бы того, кто сумел совладать с этим гибельным даром, обрети он свободу.

Знак Разрушения вспыхнул сейчас в небесах, и даже чужая сила на какое-то время растерялась, наблюдая, как рвутся земля и небо, не в силах противостоять высвобожденной черной монстрической души.

Ниакрис заклинала.

Память крови соединилась. Девушка ясно видела теперь и страшное преступление отца, и горе матери, и отчаяние деда; Знак Разрушения ярко пылал над ее судьбой, и никто, даже Высокие Боги, если они есть, даже Спаситель, если правдивы сказки о нем, — никто не смог бы теперь удержать ее.

Ибо каждый человек есть Бог, просто не успевший подняться достаточно высоко.

Дорога в бездны, указанная странным созданием, вспыхнула сейчас для Ниакрис ярким, ослепительным звездным путем. Пусть — бездны, пусть — ужас, пусть — битвы без конца; но они избавятся от давящего долга и отныне смогут говорить с их преследователем совсем по-другому.

Да, ее отец совершил ужасное и непрощаемое. Да, он выковал из Ниакрис настоящий клинок, клинок для самого себя, и не его вина, что этот клинок оказался чуть-чуть более догадлив, чем следовало. И этот клинок еще найдет, о чем потолковать с кователем и что предъявить ему.

Но все это будет потом.

Ниакрис заклинала.

Пласты земной плоти расходились. Рушились в ничто фундаменты замка, проваливались башни, раска-

ливались стены. Остановились изумленные гномы, видя, как падают одна за другой шеренги зомби, лишенные поддерживавшей и направлявшей их силы. Гномы видели черное облако, сгустившееся над замком; и король, торжественно подняв меч, сурово произнес:

— Они исполнили свой долг.

И чувствовала Ниакрис бессильную ярость явившейся за долгом сущности, потому что должник уходил в такие пространства, куда никогда не дотянемся рука заимодавца, ему останется лишь прибегнуть к помощи своих миньонов, а это уже совсем другая история...

И с последним криком, до конца выкорчевывая из своей души Знак Разрушения, Ниакрис раскрыла земное лоно. Плоть Эвиала разъялась, темным потоком хлынули вниз обломки стен, стропил и крыш, вспыхивая и распадаясь, едва только соприкоснувшись с чужим, — и в самой середине этого хаоса мчалась вниз сквозь непредставимое и недоступное смертным крошечная яркая искра — и нависшая над Эвиалом бесформенная тень издала долгий разочарованный стон.

* * *

Они падали. Заклинание Ниакрис содрало с ее отца налет чужой плоти, он снова стал человеком — тем самым, каким она навсегда запомнила его в тот страшный день в Пятиречье. Ей еще предстоит понять, кто он и как следует поступить ей. Им двоим предстояла очень долгая дорога.

Куда выведут их неведомые темные тропы? Когда и где два мага, отец и дочь, вырвутся из своего плена? Кто станет их врагами и кто — друзьями? К каким неведомым целям устремятся они теперь?..

И какую цену придется заплатить им на сей раз за свою свободу?..

ll. 99

* * *

Гномы уходили, то и дело останавливаясь, озираясь, — там, где совсем недавно высилась гордая замковая скала, зияла кошмарная бездна, не пропасть, не провал, кои, сколь угодно глубокие, тем не менее всегда имеют дно, — но эта бездна дна не имела. Вообще. Никакого. Немногие храбрецы Подгорного Племени дерзнули подползти к краю, заглянуть вниз — после чего бежали в слепом страхе, не в силах даже описать, что же так напугало их, твердых, как скала, сердцем воинов.

Рваная рана в косной плоти мира, разрыв, уводящий в пространства за пределами света и знания, за край того, что все привыкли называть Эвиалом. Правда, отнюдь не на дорогу к иным мирам Упорядоченного, но об этом гномы, само собой, не знали.

Странный монах и еще более странная девушка исчезли в поглотившей замок некроманта черной буре, и больше никто из гномов их никогда не видел.

Тем не менее честный и прямой Подгорный Народ не забыл воздать этой паре должное в своих длинных балладах, посвященных этому штурму.

А рану на теле земли постепенно затянуло. Однако долго еще после этого считалось проклятым и приносящим беду.

Едва заросший шрам на теле Эвиала дремал долго, очень долго — вплоть до страшных лет, получивших в уцелевших летописях название «Войны Мага»...

ВЕРНУТЬ ПОСОХ

Повесть

ачем ты веешь, ветер?..

Внизу, в пропасти, океанский вал тараном грянул в неподатливый утес, и несокрушимый камень вздрогнул от вершины до самого основания, словно зная — настанет день, и вековечный приступ морских волн увенчается успехом: рухнут вниз гордые бастионы скал, и вода, словно победоносное войско по трупам врага, пойдет вперед, вперед, вперед, и бессильно рассыпавшиеся острым крошевом граниты не смогут уже помешать.

— Зачем шумишь ты, море?..

Тянет, тянет на одной ноте высокий, пронзительно-режущий голос, и кажется — слышно его далеко-далеко окрест, идет этот голос, ничуть не слабея, через каменистые сухие степи, через придавленные дождями и временем холмы — до самого Зачарованного леса, и только там гаснет, столкнувшись с его чужой, нечеловеческой магией.

— Зачем ты светишь, солнце?..

Ну сколько же можно? Стихии молчат, они не отвечают тебе, глупый человек, кричи или не кричи, взвывай или не взвывай, плачь, молись, приноси жертвы или просто грызи в отчаянии землю. Твоя сила ушла, человек, и ничто в этом мире отныне не станет внимать тебе. Ничто и никто, кроме людей. Да и те внимать будут очень недолго. Ты уже ничего не изменишь, человек. Сила ушла от тебя, старый колдун, ты пуст, как рако-

вина, откуда ловкий осьминожек вытащил лакомого моллюска. Камни, слушающие твои вопли, знают. Они видели немало подобных тебе здесь, на Утесе Чародеев.

— Зачем возвращаешь злаки ты, земля?..

Глупый, глупый человек. Почему-то считается, что растративший силу маг может вновь обрести ее здесь, на далеко выдавшемся в Южное море Утесе Чародеев, принеся должное моление всем четырем Первостихиям. Все это, конечно же, чушь и ерунда, камни не сомневаются. Камни ведают истину, как ведали ее всегда, от начала времен. Такова их природа. Не то дар Древних Богов, не то просто случай. Однако здесь же кроется и опасность — они, камни, стали уж слишком самоуверены.

Охая, стариk поднимался с колен. Внизу, в пропасти, шумело море, вдалеке от берега брал разбег очередной вал; на какой-то миг у старика закружилась голова и показалось — все, ему не подняться, море уже протянуло к нему из пропасти незримые, но цепкие пальцы, и сейчас потащит его вниз, вниз, вниз, на острые зубы торчащих сквозь пену прибоя валунов.

Кто знает, может, так вышло бы даже и легче?.. И посох мага не достался бы уже никому...

Но старая плоть упрямо цеплялась за жизнь, скрюченные пальцы впились в отполированное дерево посоха, теперь служившего, увы, не для сотворения заклинаний, а лишь банальной подпоркой при ходьбе.

— Что, не помогло? — насмешливо спросил охавшего старика второй, совсем еще юный голос. — Говорил же я тебе, упрямец. И не могло помочь, никому еще никогда не помогало — с чего это ради вдруг тебе поможет? Так что посох ты мог бы отдать мне еще на границе Зачарованного леса. Все проще было получилось. А тащились сюда невесть зачем, как говорится, за семь верст киселя хлебать.

— Мальчишка! — сипло прокаркал стариk. — Да

что ты в этом понимаешь! Моя сила еще вернется ко мне, и тогда я...

— Ты так в этом уверен? — с издевкой осведомился спутник старого чародея.

Юноша лет пятнадцати, с чистеньким бледным лицом, выдававшим долгое сидение взаперти, скорее всего — над книгами, одетый щегольски, словно находясь в пяти шагах от какого-нибудь владетельного замка, где на сегодня назначены пир и бал, а не в дикой глухи за десятки лиг до ближайшего жилья, да и то принадлежавшего отнюдь не людям. Белая курточка из мягкой кожи с расшитым самоцветами воротником, сафьяновые сапожки, вычурные отвороты, тонкие золотые цепочки, спускавшиеся с правого плеча на manner аксельбантов...

Старик с ненавистью посмотрел на юного модника. Кустистые выцветшие брови сдвинулись, но, увы, беспомощно. Мощь мага ушла, как вода в горячий песок, и сосущую пустоту в душе теперь уже ничем не заполнишь. Лишившийся своих способностей волшебник должен отдать свой посох преемнику и как можно скорее умереть. Земля отказывается носить тех, кто некогда одним только взглядом мог передвигать горы.

Пальцы старика по-прежнему цеплялись за посох — никчемная, пустая попытка. Неужели все? Неужто и впрямь конец, и этот посох, столько лет служивший ему верой и правдой, придется отдать молодому и наглому щеголю, напрочь лишенному всего того, что в былые дни почтaloсь обязательным для волшебника: скромности, бессребреничества, нестяжательства, невмешательства в дела владык земных...

Тяжело и с натугой билось уставшее от долгих годов сердце, и глухая боль, с недавних пор поселившаяся в нем, грызла и грызла старика изнутри, словно добравшаяся наконец до поживы голодная крыса. Раньше старый волшебник изгнал бы эту боль одним коротким

заклинанием, даже не прибегая к амулетам, не говоря уж о том, чтобы воспользоваться посохом — одной только мыслью. А теперь остается лишь сжимать зубы и терпеть, понимая, что и терпеть осталось недолго, совсем-совсем уже недолго... Интересно, неужто юнец так и будет толочься вокруг, дожидаясь, пока этот противный старикан сам отправится в последнее плавание? Или все-таки дерзнет, постараётся прикончить его поскорее?.. От них, молодых, всего можно ожидать. Как же ему не терпится заполучить мой посох! Вырвет, поди, из еще неостывших рук, забыв даже про уважение к мертвым — это если, конечно, сам старика не придушит. Впрочем, у таких, как этот щенок, отродясь ни к чему уважения и не водилось.

Разве так надо провожать уходящего из жизни мага?.. Вот он сам, к примеру, три года ходил за расслабленным учителем, кормил с ложки, судно подавал, обтирали, обмывали... так что наставник, растрогавшись, сам посох отдал — отдал и сонного зелья выпил. А этот, нынешний... Тыфу, простите силы великие, шакал-трупоед, позорище, да и только. И кому только теперь посохи отдавать приходится!..

— Ну так что, обратно к Зачарованному лесу потащимся? — насмешливо осведомился юнец, вставая с камня. — Говорил же я тебе, только зря волоклись в эдакую даль, время теряли... Как ж вы, старище, за жизнь цепляетесь! Весь мир вокруг себя утопить готовы, чтобы только лишний день на свете прожить! Ну не стыдно ли? Ведь все уже, вышло твое время, погулял всласть, теперь моя очередь. А тебе в домовину пора, старый, Спасителева прихода дожидаться, червей кормить да гнить помаленьку. А ты все дергаешься, все мельтешишь, время мое по ветру пускаешь...

Старик дернулся от обиды, но смолчал — кричать да браниться тут уже бесполезно. Кричи, не кричи — прав этот наглый щенок: кончилось твое время.

«Но уж и я тебе удовольствия не доставлю, — мстительно подумал старик, покрепче стискивая посох. — Будешь ты у меня ждать, пока я сам не помру. Знаю, знаю, кровь у тебя играет, небось не терпится какую-нибудь деву посмазливее приворожить, чтобы сама к тебе прибежала, юбки на ходу задирая, — ничего, бычок, перетерпишь. Хватит на твой век и дев, и девок, и вдовушек почтенных. Терпи, дорогой, как я терпел. И пусть я твоего конца не увижу, но придет ведь и день, когда уже тебе с посохом волшебника расставаться придется. Сколько ты ни крутись, сколько ни составляй составов магических на мандрагоре да бессмертнике — а Последнего Дня тебе тоже не минута. Вот интересно, встретимся мы с тобой там, за гробом, как adeptы Спасителя уверяют, или врачи все это? Хорошо бы встретиться. Вот я бы уж тогда посмеялся...»

— Так ты кончил кривляться и вопить? — хмуро бросил юнец, искоса поглядывая на бывшего волшебника. — Учти, я обратно так просто тащиться не намерен. Порох сюда давай, сволочь, понятно?! — вдруг ни с того ни с сего рявкнул он. — Что я, до самого Зачарованного леса должен снова пешком волохаться, ноги ломать?! Нет уж, я лететь хочу!

— Обойдешься, — неожиданно для самого себя огрызнулся старик. Собственно говоря, терять ему тоже было нечего. Сейчас найдет его смерть или парой месяцев позже, какая разница? — храбрился он сам про себя.

Юнец лениво поднялся с камня, вихляющей походкой направился к магу — ну точь-в-точь уличный за bияка, вознамерившийся отобрать у слабого малыша пару грошей, полученных на сласти. Сквозь зубы процидил ругательство, поднимая кулак для удара.

Старик вззвизгнул, с неожиданной резвостью отскакивая назад и загораживаясь посохом. Как бы то ни

было, пробовать на себе крепкие кулаки своего невольного спутника он отнюдь не стремился.

— Посох! — гаркнул мальчишка, подступая вплотную.

— Вот сдохну я, все твое будет, — прошипел старик, собирая остатки мужества. Правда, колени его тряслись, а голова сама собой втянулась в плечи, да и голос, сказать по правде, звучал вовсе даже не внушительно.

Тем не менее мальчишка отчего-то приостановился, занесенная для удара рука опустилась, а в глазах мелькнуло что-то вроде неуверенности.

— Да тебя валить — только руки марать, — он с деланной брезгливостью оттопырил губу. — Ты небось уже и в штаны наложил, так что, мне теперь еще и в твоем деръме мараться? Нет уж, сам сдохнешь. На обратном пути. Я тебе помогать не намерен, и кормить тебя, жрачкой делиться — тоже. Сколько протянешь, столько и протянешь, а потом пусть тобой волки да вороны занимаются.

Старик криво усмехнулся, гордый своей бесплодной, маленькой — но все-таки победой. Щенок не осмелится его убить, у него не хватает духу даже ударить старого волшебника — несмотря на то что сил у бывшего чародея не осталось уже никаких: ни магических, ни телесных. Боится его мальчишка, несмотря ни на что, боится, сидит еще в самой сердцевине костей с молоком матери впитанный страх перед обладателями посохов, настоящими магами — и даже осознание того, что он сам теперь владеет Силой, не изгонит этот страх одномоментно.

Среди камней валялся тощий заплечный мешок старика, весь сморщеный и жалкий. Волшебник со вздохом нагнулся, подбирав — как ни крути, мальчишка прав, на обратную дорогу еды у него не хватит. А это значит, что хочешь не хочешь, а придется идти не на

север, к Зачарованному лесу, а на северо-восток, к покрытым густыми борами холмам, где в неглубоких пещерах обитают поури — народец более чем неприятный, однако магов почитающий. Старик надеялся добыть у них провизию — как угодно, но умирать по собственной воле ему не хотелось.

— Я иду к Поур-ан-Гарр, — сказал бывший маг. — У меня еды не хватит до Зачарованного леса.

Будто и не заботясь о том, что скажет или сделает парень, чародей повернулся к нему спиной и сделал первый шаг.

— Эй, ты куда, гад?! — в бешенстве заорали позади. — Куда попер, дрянь траханная?! Да я тебя сейчас, пердуня старого...

Старик сжался и сскутился, каждый миг ожидая удара в затылок или даже просто ножа под лопатку — но все-таки сумел не обернуться. По морщинистому лицу тек пот — холодный и липкий.

Мальчишка схватил старика за плечо, рывком развернул к себе — лицо белое от бешенства, белее щегольской курточки, ноздри бешено вздрагивают, зрачки — словно два копейных острия.

«Вскручивает себя, чтобы заглушить страх...» — мелькнула мысль, и в следующий миг кулак юнца врезался старику в подбородок.

В глазах вспыхнуло огненное море — мир исчез, исчезли небо и камни, деревья и воздух — осталась только одна боль. Посох выскользнул из сведенной судорогой руки, со стуком упал на камни — это было единственное, что сумел расслышать старик.

А потом посох подобрали. Старик слышал беззвучный крик дерева, но уже невнятный, приглушенный, словно вырывающийся из-под кляпа или зажимающей рот ладони насильника.

— Вот так, — слова юнца с трудом пробивались к сознанию. Старик лежал на спине, со свистом втягивая

в себя воздух. — Понял теперь свою цену, урод? Вот и валяйся здесь, пока не сдохнешь. А я пошел. Недосуг мне твоего конца дожидаться.

И — звук удаляющихся шагов.

Мальчишка уходит. С посохом...

Старик едва-едва сумел приподнять мелко трясущуюся голову. По подбородку и шее стекала кровь — он ее не чувствовал. Едва-едва вновь проявившийся мир сжимался опять — на сей раз до размеров чужой спины, обтянутой щегольской белой курточкой.

Ну нет, мы еще поживем...

Странное дело — стоило старику выпустить посох из рук, как боль в сердце утихла. Ныл разбитый рот, но это уже ничего, перетерпим, бывали нас и сильнее. Это ненадолго, это пройдет.

Дождавшись, пока упруго шагавший прочь юнец не скроется среди нагромождения валунов, старик поднялся на ноги. Последний раз всхлипнул, тыльной стороной ладони стер с подбородка кровь.

И зашагал прочь, на северо-восток, а отнюдь не по следам отобравшего у него посох мальчишки, как можно было бы предположить.

Они еще встретятся, непременно встретятся, только — чуть позже...

А пока что — вперед, к Поур-ан-Гарр.

* * *

Дорога к владениям народа поури издавна считалась не из легких, но в то же время — куда проще, чем от Утеса Чародеев к Зачарованному лесу. Во всяком случае, зловредных тварей и не брезгающих человечинкой хищников (как четверо-, так и двуногих) на ней встречалось не в пример меньше.

Позади остались сухие, неплодородные степи, где земля, казалось, взращивает камни вместо злаков.

Мало-помалу стали появляться деревья, сперва

робко и поодиночке, затем все смелее, их становилось больше, купы оборачивались рощами, рощи сливались в перелески, и степная дорога стала вилять, пробираясь между вставшими на ее пути могучими лесными бастионами. Стариk ставил силки, и один раз в них попался какой-то местный кролик, тощий и жилистый. Волшебник испек его в углях — этого хватило на целую неделю.

Владения поури приближались.

...Расставшись с посохом, он чувствовал себя более или менее терпимо только в первый день. А потом боль в сердце вернулась — тупая привычная боль, неизменное напоминание о приближающемся конце. И на сей раз она уже не желала отступать.

Он попытался бороться с ней — бесполезно. Как ни странно, легче оказалось ей покориться. И — стариk спустя несколько дней словно б даже и привык к ней. Боль как будто придавала силы, старый волшебник смаковал картины воображаемой встречи с наглым и самодовольным юнцом, заканчивающиеся, как и положено, возвращением не только *его* посоха, но и всей былой силы; однако сперва ему предстояло добраться до летних поселков поури и уговорить этот вздорный народец не отправлять его прямиком в праздничный котел, а все-таки сперва выслушать.

...До границы владений поури стариk добирался еще целых три дня. Если так пойдет и дальше, мальчишка просто опередит его, скроется в глубинах Зачарованного леса прежде, чем его настигнет справедливое мщение, — о том, что юнец и впрямь мог полететь, стариk старался не думать. Все-таки подобные чары даются не с первой, не со второй и даже не с третьей попытки.

...Поури ловки и отважны, им не занимать звериной хитрости и чуткости, в лесу они когда-то тягались с самими эльфами — победить не победили, но и взял-

шие верх обитатели Зачарованного леса умылись тогда кровью, однако, несмотря ни на что, старики все-таки заметил карликов первым. Их секрет таился в зарослях густого орешника, на высоком, далеко вдвинувшемся в степное море взлобке — ни один глаз, даже эльфийского траппера, не смог бы разглядеть тройку вооруженных неподъемными засадными самострелами карликов, а вот старики смог — по отблеску солнечного луча на любопытном глазу, слишком плотно прижавшемуся к бойнице в плетеной стене засидки.

Старики остановился и поднял руки. Даже и лишившись силы, он всей кожей ощущал упершиеся в него полетные пути тяжелых арбалетных стрел, каждая из которых способна пробить насеквоздь троих таких, как он. Поури специально делали настолько тяжелые арбалеты. За «бегство с оставлением оружия на поле бранном» полагалась медленная и мучительная смерть в неспешно засасывающем жертву болоте, и потому секрет не мог ни спасаться бегством, ни бросать оружие. Им оставалось только сражаться.

— Эй, опусти руки, маг, — хриплым баском сказали наконец из зарослей. — Сказывай, зачем пожаловал?

— С Барри потолковать хочу, — невозмутимо, как ни в чем не бывало, откликнулся старики.

— С Барри? — донеслось до него. — Уй, едва ли, едва ли Барри таких, как ты, не жалует.

— Знаю, — ответил старики. — Вот я и хочу, чтобы с этого момента стал бы жаловать.

— Тогда ступай, — дозволили из секрета. — Тропы наши ты и так знаешь, обойдешься без провожатого, сейчас каждый стрелок на счету...

— А что, неужто ж война? — старику не нужно было разыгрывать удивление. Поури, конечно, воевали всегда и со всеми, в простодушии своем, что граничило с дикостью, признавая достойным времяпрепровождением одну лишь войну, но с дикого, пустынного юга,

где не прокормиться и где не посеешь хлеб, карлики врагов обычно не ждали.

— Война, — подтвердил голос, твердо, не по-людски выговаривая слова. — Война, человече.

— И с кем же воюете? — полюбопытствовал бывший волшебник, поскольку сам поури, кроме этого факта, больше ничего сообщать явно не спешил.

— Разве ты поможешь, маг? Ты ведь с Утеса Чародеев. И у тебя нет посоха. Ты его отдал. Так зачем ты нам теперь?

— Отчего ж ты не стреляешь в меня, а тратишь время на разговоры? — Старик гордо вскинул подбородок. — Выдаешь свой секрет... не по уложению воинскому это.

— Оттого, что маг навсегда остается магом, даже и без посоха, — прогудели в ответ. — Мы, поури, знаем, что такое честь. Это вы, люди, о ней забыли...

Старик хотел было ответить, но вовремя прикусил язык. Спорить с поури сейчас явно неблагоразумно и ни к чему. А тем более напоминать ему, что вспарывать животы пленным беременным женщинам и распинать девственниц вниз головой на заборах (обычные развлечения поури в захваченных на время деревнях) тоже как-то не слишком вяжется с понятиями о чести. Поэтому что последним аргументом в подобном споре станет прилетевшая арбалетная стрела, толстая, словно вертел, пробивающая даже быка.

— Так что ж, ты мне так и не ответишь, храбрый воин?.. Тогда, с твоего позволения, я пойду дальше. Мое дело не терпит отлагательств. Барри со мной согласится, ну а если не согласится... — старик как можно выразительнее пожал плечами, — я свое отжил и смерти уже не боюсь.

— Вы, люди, всегда боитесь смерти, — сказал невидимый стрелок. — Потому-то от вас и исходит зло...

— У нас тут, похоже, назревает философический

диспут, — усмехнулся старик. — Ты хочешь поговорить со мной о природе добра и зла в мире Эвиала, поури-воин?

— Я хотел бы. Потому что не далее как вчера соседний секрет отогнал отряд Нечисти от наших пределов. Дело было жаркое. Двум нашим предстоит родиться опять.

Поури, насколько помнил старик, незыблемо верили в переселение душ и воскрешение.

— Так что же мне делать сейчас, храбрый воин? — настойчиво спросил волшебник. — Я не встретил на своем пути ничего подозрительного, дорога была не труднее обычного. Так что едва ли я смогу сообщить тебе что-то по-настоящему важное. Ты позволишь мне пройти, или мы и дальше будем предаваться высокоумным беседам в столь неподходящем для этого занятия месте?

— Для беседы любое место хорошо, — отрезал поури, по-прежнему не показываясь на глаза. — Вообще-то ты, конечно, можешь идти — мы ведь тебя пропустили. Но... Я хочу знать, кому ты отдал свой посох.

Старик несколько секунд молчал, собираясь с силами и стараясь, чтобы ответ прозвучал небрежно и чуть снисходительно:

— А, один мальчик, из нового выпуска. Хороший такой мальчик, внимательный, бойкий...

— Ага, бойкий, — согласился поури. — То-то у тебя лицо до сих пор на сторону, волшебник.

Старик непрятворно удивился. Какое там «на сторону», почему, откуда? Никаких следов удара на подбородке не осталось, бывший волшебник знал наверняка, смотрелся в уцелевшее среди поклажи серебряное походное зеркальце...

Наверху, в кустах, раздался короткий смешок.

— Мы умеем видеть чуть дальше, чем вы, — объяснил поури. — Поэтому вы с нами так и не справились, хотя вас — тьмы и мириады, а нас всего лишь горсточка...

Старик вновь смолчал, хотя — какая там горсточка! Поселения поури уверенно двигались на север, вплотную подступая к людским владениям, и по всем границам гремела ни на миг не прекращающаяся война. Захватив деревню, поури деловито предавали ее огню, всех жителей вырезали поголовно, вместе со скотом и прочей живностью вроде кошек, собак и даже птиц, которых карлики ловко сбивали из коротких боевых луков. Пленных они не брали. Рабы им оказались не нужны, и не с кем было вести торг, выкупая полон, как всегда поступали, к примеру, мекампские правители, выручая из неволи своих, угодивших в кочевничью петлю.

Здесь все было не так.

Конечно, и люди в долгу не оставались. Окружив возвращающийся из набега отряд поури, дружины Княж-города, казалось, забывали о том, что сами смертны. Низкорослых воителей деловито расстреливали из мощных дальнобойных луков, их можно было б прикончить, не вступая в рукопашную, но без рукопашной — какая ж месть?.. И потому после лучников в дело вступала тяжелая пехота, не жалея себя, давила всех, еще остававшихся в силах держать оружие, и выжившие в этом натиске поури во все остававшиеся у них часы и дни свирепо завидовали мертвым, порываясь и сами при каждом удобном случае последовать за ними — но тут уж стражи не зевала.

Любимым развлечением дружины было привязывать поури к доске и медленно шинковать распяленное уродливое тело мясницкими, для перерубания костей предназначенными, топорами. Состязались, кто нашинкует потоньше. Бились об заклад — сдохнет, когда дойдут еще только до колен или до бедер продержится?.. Дружины были бы не прочь попробовать, какова любовь женщин-поури; но, к немалому расстройству княжьих удалцов, ни разу, даже когда удавалось захва-

тить какое-нибудь поселение, им не попалось ни одной женщины или ребенка, словно весь род поури состоял из одних мужчин и они неведомо как появились на свет уже взрослыми, сразу готовыми к войне.

Старый маг терпеливо стоял, ожидая продолжения. Поури, пустившийся в рассуждения на отвлеченные темы — да, подивились бы бывшие друзья-товарищи, долгое время поури вообще за разумных не считавшие.

Дорого заплатили окрестности Зачарованного леса за подобное заблуждение.

— Так, значит, мы будем говорить здесь? — настойчиво сказал старик. — Знаешь, о храбрый воин, я все-таки уже не молод и стоять все это время стоймя мне несколько затруднительно... Но все-таки после нашего диспута, не сомневаюсь, весьма насыщенного и неординарного, мне будет позволено говорить с храбрым вождем...

— Да ты со мной уже и так столько говоришь, — неожиданно усмехнулся поури, — а до сих пор ни о чем и не догадался. Хотя был почти прав — что ж это за поури, который на посту разговоры разводит?

— Барри? — поразился старик.

— Он самый. К вашим услугам, мэтр, — поури вновь позволил себе усмешку. — Первую линию наших секретов ты прошел еще вчера. Тебя пропустили. Послали мне сообщение. Я пришел повидаться с тобой сам. Говори, с чем пожаловал?

— Но... может, ты все же покажешься? И зачем весь этот спектакль, доблестный вождь? Зачем тебе прикидываться простым воином? — осторожно спросил старик. — Как-то неудобно несколько так разговаривать...

— Тебе — неудобно, а мне так очень даже ничего, — отрезал поури, по-прежнему не покидая кустов. — Почему сразу не открылся, скажу — проверял, в самом деле ты силы лишился или только прикидывалась. Настоящий маг сразу бы все про меня понял, и,

если б даже скрыть попытался, я б все равно узнал... Ну, так давай же, гость, не тяни, хотя я и так знаю, о чем просить станешь — чтобы помогли посох вернуть. Ты его лишился — словно кость живую из тебя вырвали, хребтину переломали. И заметался ты, задергался, как и все вы, людишки, смерть когда чуете. Хочется тебе напоследок потешиться, того удачника, юнца везучего, кровью собственной умывающимся увидеть А потом, думаешь ты, и умереть не жаль. Верно? Впрочем, чего спрашивать, и так знаю, что верно. Ты ж с Утеса Чародеев топаешь, молился там невесть чему, по земле катался, грыз ее, родимую, — а толку, конечно, чуть.

— Храбрый вождь почти полностью прав, — дипломатично улыбнулся старик. Ломаться перед поури сейчас не имело смысла. — Не прав доблестный Барри только в одном — я пришел просить всего лишь провианта на дорогу до Зачарованного леса.

Несколько мгновений в кустах молчали, и старик тихо возрадовался — похоже, первая победа осталась за ним.

— Провианта? — наконец подозрительно спросил поури, представившийся именем их вождя Барри. Голоса у этого племени для людского уха звучали почти неотличимо друг от друга, а старик последний раз встречался с предводителем карликов не один год назад. — Только-то? Не смехи меня, старик. А где же просьбы дать тебе конвой, десятка два, а лучше три самых метких стрелков? .

— Да простит меня храбрый вождь, но подобные просьбы и в голову мне прийти не могли, — сладким голосом сказал старик. — Мне ничего не надо от доблестного племени поури, кроме лишь свободного пропуска через ваши благодатные земли — впрочем, пропуск-то я как раз уже получил... — и провизии ровно столько, чтобы хватило до Зачарованного леса...

— К эльфам, значит, направляешься? — теперь в голосе Барри ощутимо слышался металл.

— К ним, — кивнул стариик. — Потому что туда сейчас шагает тот самый юнец-удачник...

— Верно, — после некоторого молчания обронил поури. — К ним. Отсюда чую. Гордый, стервец. Довolen, что посох полу...

Поури внезапно осекся на полуслове, и старику показалось, что затылка его на миг коснулся леденящий и злобный ветер.

Но — коснулся на миг и разом утих.

Что это было?.. Как связано с мальчишкой?.. Знак того, что дорога ему не коврами устлана?..

— Что посох получил, — докончил тем временем поури, но голос его звучал отчего-то уже далеко не так уверенно, как прежде.

— Так я могу пройти? — в очередной раз повторил стариик.

— Можешь, — неожиданно быстро и решительно ответил поури. — Можешь и проходи. Второй раз уже говорю. И провиант мы тебе дадим, не сомневайся, мы магов чтим, пусть даже и бывших. Но взамен..

— А что взамен? У меня ничего с собой нет, в том числе и золота, — искренне удивился стариик. — Ежели в долг поверите...

— Не надо нам твоего золота, — неожиданно мрачно и зло отрезал поури. — Я с тобой пойду — вот и вся плата. Необременительно, правда? Если, конечно, тебя от присутствия дикого карлика-поури блевать не потянет, как иных твоих больно чувствительных собратьев...

— Не потянет, — машинально ответил стариик, еще даже не успев понять, что же именно предлагает ему поури. Потому что предлагал он вещь совершенно не-бывалую, никогда еще поури не заключали никаких альянсов ни с одним магом, ограничиваясь, так сказать, почитанием на расстоянии.

— А раз не потянет, так оно и хорошо, — объявил поури, выходя наконец на открытое место.

Правы те, кто считает поури «ошибкой Создателя». Правы и те, кто зовет их образцом уродства. Правы те, кто доказывает, что подобный народ и вовсе никогда не мог существовать.

Больше всего фигура поури напоминала небольшой пивной бочонок. Грудь неестественно вздута, выпирает вперед, острый и длинный подбородок, кажется, вот-вот вонзится в нее, крючковатый и тоже несоразмерно длинный нос, лягушачий рот чуть ли не до ушей, полный острых и мелких зубов (ох, не зря приписывали поури любовь к свежей человечине, ох, недаром!), уши лопухами, редкие рыжеватые завитки, покрывающие отчего-то морщинистый череп, глубоко посаженные черные глазки... Руки и ноги поури, напротив, выглядели донельзя тонкими, словно прутики, казалось, сожми такие покрепче, и сломаются, но ведь нет — напротив, они сами играючи размолотят кости любому силачу. И в бою поури страшны — непреодолимым, любому врагу внушающим ужас презрением к смерти. Нет, они не суются дуром под стрелы и копья, но когда надо — боятся действительно насмерть, не отступают и падают только мертвыми.

Поури почти не знают ремесел, мирные занятия они презирают, ткачество в том числе, и потому Барри накрутил на себя целую пропасть всяких тряпок, в которых старый маг, содрогаясь, узнавал и подвенечное платье невесты из Княж-города, и обрывок священнической рясы, и даже праздничный полог, что вешают в богатых домах над колыбелькой новорожденного...

О том, как и при каких обстоятельствах попали к поури эти вещи, лучше было и не думать. Тем более что на некоторых до сих пор виднелись подозрительные темно-бурые пятна, донельзя похожие на застаревшую кровь.

За спиной у карлика висел небольшой лук, колчан со стрелами, на боку — короткий меч и что-то вроде шипастого кистеня на смотанной несколькими петлями длинной, не по росту поури, боевой цепи. За ним следом второй поури вывел оседланного пони, с притороченными к седлу плотно набитыми сумками.

— Трогаем, маг? — напрямик спросил Барри. — Ежели и впрямь хочешь того молодчика догнать, мешкать не след. Он идет ходко. Ноги-то молодые, не в пример твоим.

Судя по всему, понятие «тактичность» поури просто не знали.

— Отдыхать времени у нас нет, — сообщил поури, спускаясь с пригорка. — Знал я, что все так обернется, потому приказал тебе коня привести. Хороший конь, смирный. У одного купца намедни взяли. Ребята освежевать хотели да изжарить — хорошо, я не дал. Как знал, что ты пожалуешь... Эй, вы там, коня господину магу!

Коня не замедлили явить. Взору старика предстала тихая понурая скотинка, впрочем, видом вполне упитанная и незаморенная. Имелось на ней и седло.

О судьбе несчастного купца было лучше не думать.

— Залезай, — скомандовал поури. — Стремя господину магу кто подержит? — рявкнул он на своих.

Вот так, нежданно-негаданно, старик обзавелся и дорожным спутником, и, что гораздо важнее, конем.

Отдыхать Барри ему не дал. Поури беспокойно вертелся в седле, поминутно привставая и всматриваясь в зеленый полумрак змеящейся впереди тропы, хотя старый волшебник и не мог понять, что же такого особенного надеется разглядеть его спутник здесь, в своих собственных владениях?..

Вокруг лежала страна поури — считай, дикие края, ни тебе широких дорог, ни ветряков, ни водяных мельниц, только изредка попадались крошечные поля на

лесных делянках, где лениво колыхалась тощая и низкая пшеница. Скота тоже видно не было, и непонятным оставалось, где же этот народ на самом деле добывает себе пропитание? Одним разбоем ведь тут не прокормиться.

А вот деревни попадались часто. Иные — на ветвях высоких деревьев, крошечные домики, плетенные из гибкого ивняка; иные — подземные, низкие пещерки, выкопанные на склонах безлесных холмов. Поури кишмя кишили вокруг, все облаченные в совершенно неписуемые одеяния, кое-как скромсанные и сметанные вместе обрывки человеческих одежд; все поголовно носили оружие, и нигде, ни разу взор старика не наткнулся на женщину или ребенка. Все поури казались чуть ли не на одно лицо, все — примерно одного возраста; со стороны они вполне сошли бы за братьев.

Спутнику мага, Барри, все встречные и поперечные поури кланялись низко и почтительно, но без особого подобострастия. В разговоры, само собой, никто не вступал.

Так прошло два дня. Ночевали путники в домиках поури, из уважения к годам бывшего волшебника Барри останавливался только там, где были пещеры. Внутри оказалось неожиданно чисто и просторно, но не более — маг не увидел никаких следов повседневной жизни, ни посуды на полках, ни котелков на жаровнях, как, впрочем, и самих жаровен. Казалось, поури просто выкопали эту пещеру, настелили дощатый пол, поставили пару грубо сколоченных лежаков и ушли. Может, конечно, это было нечто вроде постоянных дворов — но Барри в разъяснения не пускался, а старик не задавал лишних вопросов.

Поури тоже почти все время молчал, словно сосредоточенно о чем-то размышляя или — как показалось старику — прислушиваясь к чему-то далекому, и ограничивался только самыми необходимыми словами, вро-

де «поворачиваем сюда» или «заночуем здесь». Никаких расспросов и разговоров. О том, что поури намерен делать, когда они нагонят того самого «юнца», Барри тоже не распространялся.

На третий день они миновали цепь дозорных постов — северо-западную границу владений народа Барри. Лес сомкнулся со всех сторон, просветы исчезли. Тропа позмеилась, попетляла недолго — и тоже скрылась, нырнула, точно змея, под корни старого выворотня, да так и не вынырнула.

Барри скомандовал привал.

Поури откупорил оплетенную корой фляжку, сделал добрый глоток и повернулся к старику:

— Недолго уже осталось. Хорошо идем, господин маг, не ожидал я от тебя такой прыти. Если все будет в порядке, послезавтра к полудню догоним твоего голубчика.

— Это как же так? — удивился волшебник. — Нам до Зачарованного леса самое меньшее десять дней ходу по этим дебрям.

— У каждого свои пути, маг, — хохотнул поури. — И магия у каждого тоже своя. Мы, например, огненными шарами кидаться не обучены, но да и не жалеем. Каждому свое.

— Вот как? — маг поднял брови. Ходили слухи, что поури и в самом деле владеют искусством быстрых магических переходов, да только никто не верил. А это, оказывается, правда...

Старик с досадой на самого себя отвернулся. Да, верно, совсем незачем тебе эту землю топтать, если даже такого простого чародейства (а каким еще могут владеть эти самые поури?!?) — и не смог почувствовать! Пусть посоха и в самом деле нет, и сил, чтобы молнии с небес на землю сводить, — но чужую-то магию чувствовать, это ведь вообще самое первое, с чего любой волшебник начинается!..

И этим, похоже, он заканчивается.

Впрочем, что толку об этом жалеть, травить себе душу?.. Ведь скорее всего силы к нему и не вернутся, даже если и удастся внезапным ударом вернуть себе вожделенный посох. Себе-то лгать незачем. Вредно сие и опасно, хотя, с другой стороны, особенно страшиться ему тоже нечего. Неплохо пожил, и умереть хотелось бы тоже не бесславно, что и говорить.

Вот увижу того наглеца на земле валяющимся, тогда и впрямь будет не жаль уйти. Никто не сможет сказать, что умер старый маг как тварь побитая да оплеванная. Силы пусть и не вернул, но за обиды отомстил. Глядишь, и другие, те, что из молодых да ранние, поостерегутся старииков по лицу хлобыстать.

Однако на следующий день поури чем-то встревожился. Барри утратил свой обычно залихватский вид, все чаще и чаще останавливался, спешился, отходя на несколько шагов то вправо, то влево, молча махал рукой старому магу, и тот послушно поворачивал своего скакуна.

Лицо карлика становилось все мрачнее и мрачнее. Старик готов был поклясться, что Барри сейчас отдал бы все, что угодно, только чтобы вновь очутиться в родных краях.

Наконец поури сдался. Зло плонул и скомандовал остановку.

Сперва все шло как обычно. Барри ничего не говорил, возился с костром, и старику вновь было впал в мечтания.

Однако затем Барри все-таки заговорил.

— Вот только дело тут одно такое... — начал поури, и старику пришлось сделать над собой усилие, возвращаясь к повседневности от сладостных мыслей о скользкой мести. — Не нравится мне то, что впереди у нас назревает, маг. Сильно не нравится, а когда мне, поури, что-то не нравится, я такое место за тридевять зе-

мель обхожу, а дураки пусть геройствуют, с драконами переведываются или еще с кем похуже. Так вот сейчас обойти то место у меня не получается. Словно тянет оно все пути к себе, все их в тугой узел тут завязало. И это мне тоже не нравится, еще сильнее первого. Поэтому как ни один чародей в Эвиале не навострился еще наши тропы распутывать. Понимаешь ли, нет — ни один! Все спасовали, кто только не брался...

— А разве кто брался, храбрый вождь?

— Хм! Брались, да еще как. Только, понятное дело, о неудачах своих они никому не рассказывали. Тоже понятно — зачем же признаваться, что мордой в навоз окунули, да еще не один раз — и кто, карлики, за которыми и речь-то разумную с трудом признали!

— Ну, допустим, — кивнул старик. — Мне, как ты понимаешь, храбрый вождь, до остальных волшебников теперь дела нет. Свое б кровное уладить, а там как кривая вывезет. Скажи мне лучше, что ты там такое чувствуешь? Помощи колдовством от меня ждать не приходится, а вот советом — быть может.

— Советом... — скривился поури, и подбородок его глубоко вонзился в грудь, так что старик даже испугался — как бы сердце себе не проткнул маломерок. — Ладно, давай хоть советом. Что у нас, маг, может под землей жить и чего я, поури, могу бояться до судорог?

— Гм... хтонических чудовищ в мифах, конечно, хватает, но, с другой стороны, никто этих чудовищ ни разу не видел, хотя за века насмотрелись, конечно, всякого... Ну, неупокоенные могут лезть, мертвецы ожившие, но это только если найдется некромант, который их разбудит, да и откуда кладбища на границах Зачарованного леса? — только поля сражений бывшие.

— А там оный некромант никого подъять не может? — скривившись, как от сильной зубной боли, осведомился поури.

— Вообще-то, конечно, может, — признал ста-

рик. — Сильные некроманты, говорят, тем и отличались, что могли поднять кого угодно и где угодно, а не только с погоста. Но такие маги у нас давным-давно перевелись. Инквизиция не дремлет, да и Белый Совет руки сложа не сидит.

— Перевелись... гм, — недоверчиво проворчал поури. — Ладно, поверим магу, хоть и бывшему. Не то плохо, что опасность впереди, — опасность, она всегда впереди, — а то, что не могу я понять, что там творится. Никогда со мной такого не случалось. Кажется, все изучил, руку любого волшебника, что сторону Княж-города держит, за полсотни лиг узнаю, а вот тут... не знаю, похоже, пока своими глазами тот страх неувидим, так и не поймем, что к чему.

— А обойти никак нельзя? — слабым голосом поинтересовался стариик. Отчего-то ему очень захотелось очутиться подальше от этих мест, пусть даже и в Доме для престарелых, лишившихся силы волшебников, и не связываться больше ни с этим проклятым посохом, ни с наглым юнцом, ни с загадочным поури, знающим, похоже, много больше того, что он решается показать...

— Никак не обойдешь, — мрачно покачал головой карлик. — Тропы у нас такие — встать-то на них легко, а вот сойти, коль понимаешь, что не туда кривая вывозит, уже ни-ни... — Поури вздохнул и развел руками. — Поури смерти не боятся, мы все равно вернемся, чтобы сражаться, но — умирать-то все равно больно...

«Что-то ты стал таким разговорчивым?» — невольно подумал стариик. Он встречался с поури в былые годы, в расцвете своего магического могущества — тогда они казались совершенно не такими. А сейчас — неустранный Барри, похоже, просто не в силах был молчать, когда выяснилось, что с ведущего в пропасть пути уже не свернуть.

Карлик вытянул обманчиво-тонкую ручку, запросто способную одним движением пальцев разорвать

горло матерому волку, помешал веткой угли в костерке. Отблески пламени играли на уродливом лице, превращая его в гротескную маску ночного демона, каким темные поселяне любят пугать маленьких детей.

— Нам с тобой обратно не повернуться, маг, — с неожиданной горечью сказал он. — Я молчал, все думал — выкарабкаемся... а сейчас вот, с тобой тут сидючи, понял, что нет. Идти нам теперь только прямо, до самого Зачарованного леса. И, боюсь, стариk, что не догонишь ты своего обидчика. Прежде другое увидим.

Руки старика дрожали постыдной мелкой дрожью.

— Так ведь ты ж только что... ты ж сказал... послезавтра догоним...

— Верно, — кивнул поури, ощерив жуткие зубы в кривой усмешке. — Послезавтра догоним. Если только тот страх, что у нас на пути засел, обойти сумеем. Или прибить. Или сторговаться. Уж как получится.

— И ты тем не менее...

— Ну да, все равно пойду вперед. Повернуться-то уже не можем. Вот что, господин маг, возьми-ка ты у меня меч. Я кистенем привык обходиться.

— А поможет ли меч против этого чудовища, если там — магия? — осведомился стариk.

— Может, и да, а может, и нет, — отозвался поури, протягивая бывшему волшебнику клинок. — Во всяком случае, не встречал я еще таких страхолюдов, чтобы стала бы на обед ели и холодным железом закусывали. Ну, перевел дух, господин маг? Коль перевел, так вставай. Завтра у нас интересный день будет...

И до самого вечера они уже не разговаривали: Поури с каждым часом становился все мрачнее и мрачнее, сидел, скрестив руки на груди, не прикасаясь к поводьям и низко опустив голову. Острый подбородок вновь уткнулся ему в грудь, уходя так глубоко, что магу становилось не по себе.

Лес вокруг них стал совершенно глухим, непро-

глядным и диким. Дикий мох вскарабкивался по небольшным стволам, длинными плетьями свисал с нижних ветвей. Ни звука, ни шороха, ни птичьих голосов, ни журчания воды, ничего. Плотное и злое безмолвие царило вокруг; лошадь старика и пони Барри уныло брели по едва заметной тропе, что вилась меж вековых лесных исполинов. Теперь даже старый волшебник, даже и без всякого посоха, даже лишившись сил, чувствовал впереди *нечто* — то самое *нечто*, о котором, похоже, говорили почитавшиеся ерундой и суевериями легенды.

Он невольно натянул поводья. Конь вскинул голову, захрапел, но даже и не подумал остановиться.

— Эй, эй! — тонко взвизгнул старик.

— Ничего не поделаешь, — повернулся к нему поури, правая щека его подергивалась. — Нас захватило и тащит вперед. Спрыгни на землю — сам победишь. Нужно быть настоящим магом, чтобы сломать заклинание, понимаешь, господин бывший чародей?! Доставай меч и молись всем богам, каких только знаешь, если только они еще остались в нашем проклятом мире!..

Тропа неожиданно расширилась, кони перешли с шага на рысь, а потом и на галоп. Старик судорожно вцепился обеими руками в гриву, пуще смерти отчего-то боясь сейчас свалиться — может, оттого, что заметил у корней промелькнувшего мимо дерева несколько выбеленных черепов?

Интересно, откуда они тут, если чудовище заплело пути в узел совсем недавно?..

— Этого я не знал! — внезапно завопил поури. — Не знал, что это такое... такой... — дальнейшее потонуло в булькающем, полном ужаса визге.

— Падай, Барри! Падай! — крикнул маг, когда кони вырвались из-под зеленых сводов на небольшую окружную поляну, со всех сторон окруженную величествен-

ной лесной стражей из гигантских секвой. Больше он уже не старался удержаться в седле. Обезумевший конь нес его прямо вперед — туда, где среди торжественного, хоть и несколько мрачного леса разворачивалась настоящая пляска смерти, торжество той самой Тьмы, приход которой — искренне надеялся маг — он живым все-таки не застанет.

Земля перед ним кипела, словно вода в поставленном на огонь котелке. Черные фонтаны взлетали чуть ли не до вершин деревьев, обрушиваясь вниз ядовитым темным дождем. Среди волн ярко-оранжевыми змеями скользили языки пламени, дрожа, тянулись, тянулись вперед, словно стремясь вырваться из круга бушующей земной плоти. Среди этого буйства то и дело возникали гротескные маски, чудовищно оскаленные пасти, выпущенные громадные глаза, лязгающие челюсти — отдельно от всего остального. Уже свешиваясь набок, старик увидел, как под черным дождем оказалась невесть как залетевшая сюда обспамятаовавшая пичуга: яркоперый, красногрудый певик. Здесь, в темном хаосе, крылья его продержали привыкшее к долгому парению в небесах тело лишь краткую долю мгновения — подломились, перья и кожа рассыпались серым невесомым прахом, обнажая кости, и вот — белый костяк, кувыркаясь, рухнул вниз, исчезнув среди враз забушевавших вдвое сильнее мрачных волн. Пятно хаоса тужилось, силясь раздвинуться еще шире, словно там ворочался, поводя плечами, невидимый великан, пытающийся пробраться на поверхность сквозь чересчур узкий проход.

Поури тоже сообразил, в чем дело. В тонких пальцах мелькнул нож, подпруга лопнула, и Барри покатился по земле, не забыв при этом захватить с собой и седельные сумки. В следующий миг земля тяжело ударила и старика. Мир померк, наверное, он на секунду лишился сознания.

...Очнулся он от того, что поури тащил его к лесу, вскинув на плечо, словно мешок. Карлик был слишком низок, руки и ноги старого мага волочились по земле; поури хрюпал и поминутно плевался кровью, однако все-таки шагал. За их спиной ярилось черное озеро ожившей земли, в ноздри лез отвратительный запах паленого, словно кто-то устроил тут невероятное аутодафе. На голову и спину сеялась густая черная пыль, кожу начинало жечь, словно от кислотного ожога; мысли путались, дышать становилось все труднее. Ни коня, ни пони видно не было, скорее всего несчастные животные разделили участь певика, в один миг сгорев бездымным, незримым огнем.

— Все, не могу больше! — простонал вдруг поури, бессильно валясь на землю. До линии деревьев оставалось не более пяти шагов, но пройти их он уже не сумел.

Земля под ними вздувалась, опадала, вновь вздувалась и вновь опадала, словно там, под тонкой травяной шкурой, содрогаясь, ползли исполинские змеи, пробивая себе дорогу через саму земную плоть. Жар опалил старику затылок; рядом натужно кашлял поури — карлик изо всех сил пытался ползти прочь, к окружавшим роковую поляну громадным стволам, как будто надеялся найти там спасение. «Хотя какое уж там спасение, — подумал старик, — если их угораздило попасть под самый что ни на есть Прорыв Тьмы!» Сколько об этом шептались, сколько пергамента извели на ученыe трактаты — а когда ты воочию видишь Прорыв, тебе остается только одно — как можно скорее покончить с собой самому. Тут нужны все до единого маги Белого Совета вкупе с Волшебным Двором, чтобы заткнуть прореху и наглухо запечатать крысиный лаз. Но волшебников здесь нет, и взяться им неоткуда, эльфы-колдуны из своего Зачарованного леса когда еще подоспевают!

Значит, правда — не хочет мать-Земля носить тех, кто расстался с посохом, пусть даже и не по своей воле.

Старик тонко заскулил, завизжал, отчаянно царапая землю судорожно скрюченными пальцами. Он не видел, как справа под натиском беснующегося черного хаоса дрогнула и начала заваливаться вперед исполинская секвойя, на миг мелькнуло распяленная над землей в отчаянном прыжке призрачная плоть дриады — несчастная была настолько перепугана, что даже не ушла в полную невидимость. Миг — и зеленоватое мерцание бесплотного тела поглотило черным смерчем. Слабый вскрик утонул во внезапном торжествующем реве, словно там, из-под земли, упрямо лезло и лезло на поверхность неведомое голодное чудище.

Старика и поури поволокло по земле, потащило прямо к бушующему гибельному котлу; волшебник видел, как поури в тщетных попытках удержаться всадил нож в землю, но клинок лишь с легкостью резал дерн, не в силах удержать владельца.

«Конец», — подумал старик и закрыл глаза. Хорошо бы побыстрее...

А потом — чье-то тяжелое дыхание совсем-совсем рядом, почти над самым ухом; и внезапно знакомый голос, яростно рявкнувший во всю мощь:

— Ну нет, этих ты не получишь!

И в следующий миг — леденящее, ослепительное мгновение Силы.

Такое почивает любой человек, неважно, архимаг или простой смертный.

Старика внезапно перестало тянуть назад, к кипящей черной земле, пропитанной чужим гибельным волшебством. Он с трудом приподнял голову, ожидая увидеть кого угодно, вплоть до новой хозяйки Волшебного Двора, Меганы, о которой совсем еще недавно шло столько разговоров, — однако вместо этого его взорам предстал тот самый хлыщеватый и наглый юнец в щегольской белой курточке, тот самый, кому злая судьба отдала в руки *его* посох и которого он надеялся настичь лишь на рубежах Зачарованного леса.

— Этих ты не получишь! — вновь заорал юнец, вскидывая посох над головой столь уверенным движением, словно носил его уже долгие-долгие годы.

Юнец крутнул отполированное коричневое древко, концы посоха прочертили в воздухе искрящийся голубой полукруг — и рванувшиеся к нему диковинными пылевыми змеями черные извивающиеся струи обезумевшей земли внезапно рассыпались в прах, словно натолкнувшись на незримую преграду, вроде стеклянной стены.

«Магия воздуха», — мелькнуло в голове старика. Магия воздуха — и притом какая! Впору только Мегане или милорду ректору ордосской Академии Высокого Волшебства. Парнишка играючи швырнул в ненасытную пасть разбушевавшегося хаоса хаос еще более страшный — ибо всякая наступающая магическая субстанция, заглатывая, обращая в самое себя враждебную плоть чужого мира, вынуждена обретать порядок, подобно правильно устроенному войску.

Но несокрушимого строя не бывает. И хаос, поневоле принявший форму *порядка*, пусть даже на краткое время, проигрывает, столкнувшись с чем-то еще более хаотическим.

Старик мог оценить красоту заклятия и ловкость его плетения. На такое он не был способен даже в лучшие свои годы.

На черное ярящееся море словно набросили ледяную гибкую сеть. Пламя хаоса, поневоле обретя форму, столкнулось с тем, что было одновременно и льдом, и водой, и паром — ни то, ни другое в отдельности, и не все вместе, — истинно магическая субстанция, родная сестра безумному хаосу.

Отчаянно извиваясь, угасали, замирая, живые огненные плети. Черные волны с разгона ударили было в сковавшую их мерцающую паутину — и бессильно отхлынули. Черная воронка на глазах затягивалась, от-

ступала, сжималась — еще немного, и от недавнего буйства Тьмы останется только вывороченная, взрыхленная земля да две рухнувшие секвойи.

Старик не мог поверить собственным глазам. Ничего себе! Кто же он, этот юнец, если ему под силу *такое*, не доступное даже самолучшим и наисильнейшим магам?!

— Ну, убедился, старый хрыч? — мальчишка тяжело дышал, видно, ему тоже пришлось попотеть. — Понял теперь, как важно вовремя посох отдать? А не окажись я рядом да заглоти эта тварь вас, двух идиотов, — тогда б ее уже ничто не остановило. Разум ей нужен, не птицы и не кони, а те, кто может мыслить. А когда в хаосе распадается разум... — юнец покачал головой. — Тогда его не остановить и всему Волшебному Двору вкупе с эльфами Зачарованного леса. А ты, дурья башка, до седых волос дожил, а ума ни на грош. Мстить задумал, поури нанял...

— Эй, сзади! — внезапно взревел поури.

Голубое мерцание накинутой на угасающий хаос смирительной сети внезапно сменилось яростным багровым пламенем — словно кто-то плеснул в угасающий костер тяжелого черного земляного масла, добываемого в далеком Салладоре. Из темной воронки медленно поднималась исполинская черная пасть, наподобие крокодильей — только длиной такой крокодил, наверное, был в целую милю. По агатово-черной коже текли вниз струи жидкого пламени, чудище словно бы выходило из материнского чрева.

Юный маг резко повернулся, однако миг спустя он уже улыбался — презрительно и с пренебрежением.

— И эти детские забавы могли напугать храброго воина из рода поури? Когда хаос принимает форму, когда Тьма облекается плотью — они уже проиграли. Против правильной магии не устоит никакое чудовище...

— Даже такой, как я, волшебник? — наверное, задавшее этот вопрос существо считало, что это — шепот.

Гора черной плоти продолжала подниматься, голубая сеть почти исчезла под невиданным напором; старик невольно отполз — жар льющейся из Прорыва силы уже не просто обжигал — грозил спалить дотла. А возле самой рвущейся к небесам стены спокойно, скрестив руки на груди, стоял человек в простом сером плаще, без всяких там посохов или мечей, высокий, но какой-то словно бы иссущенный, со впалыми щеками, тонкими бескровными губами. Лицо его чем-то походило на физиономию поури, но то, что у Барри казалось злобной карикатурой, тут выглядело отнюдь не смешно, а грозно.

Юноша осекся на полуслове, замер, вглядываясь в угрююю фигуру. Пришелец, казалось, ничего и не собирался делать, просто стоял себе, смотрел в лицо молодому волшебнику — однако старик сейчас ни за какие блага мира, даже обещай ему полное возвращение силы и обретение посоха, не согласился бы поменяться с юнцом местами.

— Ты еще можешь присоединиться ко мне, — скучным голосом произнес пришелец. — Наша госпожа тебе будет рада..

— *Твоя госпожа*, — твердо возразил юноша. — Я не служил ей и служить не буду. Да и зачем ей моя служба, если, по твоим словам, вы вот-вот захватите весь мир?

— Мир нуждается в узде, — прежним скучающим голосом, словно повторяя раз и навсегда затверженный урок, ответил пришелец. — Таких, как я, у госпожи мало. Нужно больше. Ведь даже она не вездесуща, что бы ни болтали про нее досужие сказители.

Старик ничего не понимал. Какая госпожа? Та самая Тьма, что застыла на западе, в ожидании рокового, Анналами Тьмы предсказанного часа, когда родится ее Мессия и она, сметая последние заслоны, всесокру-

шающей волной ринется на восток, вплоть да самых Дверей Восхода?.. И разговор этих двоих выглядит так, словно они уже не раз встречались. Но как же такое могло случиться, если мальчишка только-только получил свой вожделенный посох?

— По традиции, — пришелец вздохнул, — я должен трижды спросить у тебя согласия служить на... моей госпоже. Глупо, не правда ли? Я-то знаю, что отвечают тебе подобные, но госпожа отчего-то не прислушивается к моим советам. Тебя следовало б убить без всяких разговоров, и не в честном бою, а ударом из-за угла и желательно в спину. Итак, я спрашиваю тебя в первый...

— Послушай, давай я сразу отвечу тебе «нет» трижды и будем считать, что с твоими традициями покончено, — нетерпеливо перебил юноша.

Чародей в черном кивнул.

— И все-таки, согласись, в старых традициях есть какая-то прелесть. Два смертельных врага стоят лицом к лицу, обмениваясь гордыми речами, и каждый призывает другого примкнуть к его знамени, а не проливать зря кровь равного по силам и храбости, — он вздохнул. — Умом я понимаю, это глупо, победу должно достигать не наиболее эффектным, а наиболее эффективным методом, но без этих традиций война стала бы просто бойней. Ты не согласен?

— Не заговаривай мне зубы, — оборвал юноша. — Выходи из круга и давай померяемся силами

— Выйду, выйду, ну конечно же, выйду... Ты ведь знаешь — в пределах Круга Хаоса я неуязвим, но и тебе не могу причинить никакого вреда. Дыру ты заткнул, признаю, очень элегантно. Когда я тебя убью, мне придется долго оправдываться перед госпожой — почему-то она тебя очень высоко ценит и твоя смерть мне даром не пройдет... Эх, ну да ладно. Одна смерть уже была, второй, как ты понимаешь, не будет, — он усмехнулся. — Даже если ты каким-то чудом и возьмешь верх, я ведь все равно вернусь. Вот к таким, как он, —

пришелец кивком головы указал на сжавшегося в комок поури. — Такие, как он, не дадут мне сгинуть бесследно. И к чему тогда вся твоя борьба? Чтобы навечно избавиться от меня, тебе и твоим друзьям придется уничтожить всех, кто верит в меня... или в мое подобие. Вы сумеете это сделать? Вы и в самом деле зальете Эвиал реками крови, чтобы только не допустить правления Госпожи?

— Я не буду отвечать тебе, старый лжец, — медленно проговорил юноша.

— Разве я произнес сейчас хоть одно слово лжи? — незнакомец выразительно поднял брови.

— Ты сказал правду, но не всю, а это еще хуже лжи злонамеренной! — пылко воскликнул молодой волшебник. — Прямая ложь реже находит дорогу к людским сердцам, а вот полуправда... Впрочем, ты долго еще намерен зря тратить время? Выходи из круга и давай сразимся! Да и зверь твой, похоже, уже готов...

— В самом деле? — пришелец оглянулся. Черная чешуйчатая колонна за его спиной уже, похоже, достигала облаков. Голова скрывалась высоко в мглистом небе. — Да, ты прав... ну что ж, приступим, хотя, не скрою, мне было приятно говорить с тобой. Не так уж много радостей в жизни однажды умершего...

— Мы тоже можем дождаться мессии, — напряженным голосом вдруг сказал юноша. — Анналы Тьмы говорят о Чёрном Посланце, но в Зачарованном лесу испокон века хранится тайное знание...

Чародей Хаоса негромко рассмеялся — мертвенным холодным смехом.

— Зачарованный лес!.. Как же, как же... сказать тебе, как возникла эта легенда? Просто кому-то из родоначальников Великого Дома потребовалось вселить храбрость в сердца своих воинов... не эльфов, разумеется, людей и гномов, которых наши Перворожденные первыми гнали под стрелы. И была измыслена сказка, я готов признать, что красивая и складная. Вся беда

только в том, что она лжива от первого до последнего слова. Ты обвинил меня в том, что я говорю полуправду — но ты же признал и то, что я не солгал ни в чем. А ваш миф о Мессии Света — ложь от начала и до конца. Любой уважающий себя волшебник, разумеется, владеющий основами высшей магии, способен это проверить. Взять Золотую Книгу... или как там она у вас прозывается? — и проверить изложенные в ней пророчества. Ага, я вижу, у тебя глаза полезли на лоб? Ты не можешь представить себе, как это возможно — проверять пророчества?.. Ну вот, а был бы ты на нашей стороне, госпожа открыла бы тебе метод.

— Откуда я могу знать, что это не ложь? — хрипло ответил юноша.

«Зачем ты разговариваешь с ним?! — взмолился про себя старик. — С подобными врагами нельзя говорить, им нельзя отвечать, все это ослабляет тебя, пробивает бреши в твоей защите! Молчи! Не говори ничего! Это лучшее, что ты сейчас можешь сделать!..»

— Разве хоть один из слуг госпожи хоть раз был замечен в прямых словах неправды? — ответил вопросом на вопрос пришелец.

— Всем нам когда-нибудь да приходится делать что-то впервые, — пожал плечами юноша. — Впрочем, я вижу, что и впрямь даром теряю время, развлекая собственного врага. Говори что хочешь, более ты не услышишь от меня ни слова. Как ты понимаешь, я уже послал весть в Зачарованный лес. Ты могуч, не скрою, но против совокупной моци короля и всех принцев Великого Дома в одиночку не устоять даже тебе. Так что продолжай терять время, продолжай играть словами — я умолкаю.

— В таком случае ты поступаешь очень неразумно, — невозмутимо возразил враг. — Если ты и впрямь ожидаешь здесь весь Великий Дом, ты просто обязан продолжать тянуть время и заговаривать мне зубы, как называете это вы, живые. Ты обязан был притворить-

ся, что заинтересован моей речью, ты мог бы начать торговаться об условиях перехода на службу госпожи, выговаривая себе, к примеру, должность наместника всех Срединных земель, золота столько, чтобы хватило запрудить саму Темную реку или насыпать вал в человеческий рост вокруг всего Зачарованного леса. Ты понимаешь, о чем я? Уж не осквернил ли ты свои уста самой что ни на есть вульгарной ложью, о защитник добра и света? — чародей усмехнулся.

Старик ожидал гневной отповеди, однако юноша только пожал плечами и, явно подражая своему визави, также невозмутимо скрестил руки на груди, словно показывая, что готов стоять и ждать тут целую вечность.

Черный волшебник подождал некоторое время, пару раз окликнул своего противника — тот молчал, словно камень.

— Ну, раз такое дело, — сокрущенно развел руками пришелец, — видно, и в самом деле нам пора.

Он решительно шагнул вперед. Старик ожидал, что из-под темного плаща покажется меч, или посох, или иное оружие — но нет, враг, похоже, не нуждался ни в чем, кроме лишь своей собственной силы.

Один, два, три, пять, семь шагов — и посланец Тьмы вышел за пределы мертвого круга, круга, образованного убитым Хаосом.

Юноша атаковал в тот самый миг, когда каблук черного сапога его противника коснулся зеленою травы.

Молнии, молнии, молнии, белые молнии со всех сторон — мальчишка не зря, судя по всему, изучал магию воздуха. Однако было там и еще что-то, кроме молний, нечто неуловимое, и лишившийся сил старик уже не мог понять, что именно. Какая-то высшая, постайная компонента, то, для чего молнии служили лишь ширмой, отвлекающим маневром.

Вокруг вражеского волшебника вспух белый мерцающий купол. Стрелы молний вонзались в него, и

старик видел гримасу боли, искажившую неживое лицо чернокнижника — похоже, мертвая плоть его способна была, несмотря ни на что, чувствовать боль. Купол стремительно сжимался, полетели горящие ключья темного плаща, огонь извивался схваченной пониже головы змеей, норовя вцепиться в тело противника, задымилась серая рубаха — когда пришелец резко вскинул руки над головой, словно расталкивая в стороны навалившуюся незримую тяжесть, — и купол с оглушительным треском лопнул, струи молний прожгли траву, оставляя в земле ямы в локоть глубиной, полные белого пепла; юноша пошатнулся и вскрикнул, судорожно взмахнул посохом — однако не отступил.

— Ну, теперь моя очередь, — злобно прошипел чернокнижник, однако в голосе его уже не слышалось прежней уверенности в немедленной победе.

Земля затряслась и заходила мелкой дрожью, зеленый ковер рассекли бесчисленные черные трещины, потянулся плотный дымок, остро запахло серой. Прорванный во многих местах плащ колдуна внезапно раздунулся, налился непроглядным мраком, взвился вверх, нависая сплошной завесой тьмы над сражающимися; несколько последних молний сорвалось с посоха юноши, они рвали сгустившуюся пелену, но прорехи тотчас затягивало — хотя каждый удар заставлял врага кривиться и вздрагивать от боли. По серому безжизненному лицу потекла кровь, темно-синяя, почти не отличимая от сжавшейся и готовой к броску тьмы.

Юноша не отступил тоже. Руки его тряслись, словно он пытался удержать неподъемную тяжесть, быть может, — сдвинуть с места целую гору. Посох в его руках обратился коротким копьем, сотканным из слепящих солнечных лучей. Старик в ужасе прикрыл глаза ладонью — выброшенная в его посох мощь поистине ужасала. Никогда, никогда, никогда не был он способен на такое; и во имя всесильного неба, кто же в таком случае этот мальчишка?!

Облако мрака, еще совсем недавно казавшееся обыкновенным поношенным плащом, ринулось вниз, подобно падающему на добычу коршуну. Старик услыхал сдавленный крик юноши; тот шатался, и левая рука его бессильно повисла — там, где полагалось находиться локтю, прорвав кожу, нелепо и страшно торчал в сторону белый обломок кости.

«Отступи! — невольно взмолился старик. — Отступи, переведи дух, и тогда...»

Однако юноша, похоже, имел совершенно иной план. Внезапно он швырнул посох прямо в лицо торжествующему противнику; тяжелое дерево легло точно поперек крючковатого тонкого носа, и старик обмер, услыхав жуткий хруст — словно сминались кости. Лицо чернокнижника как будто бы вдавилось внутрь черепа; темно-синяя кровь брызнула в разные стороны, и в следующий миг мальчишка, оказавшись вплотную к своему врагу, правой рукой вырвал из спрятанных в потайных ножнах на бедре короткий серебристый нож с широким прямым лезвием, наподобие копейного навершия.

Враг что-то коротко вскрикнул при виде клинка, старику даже показалось — он попытался отшатнуться, но было уже поздно. Не думая о собственной жизни, не пытаясь уклониться от рушащегося на него со всех сторон мрака, юноша ударил — и светящееся лезвие пробило грудь темного чародея слева, там, где полагалось находиться сердцу.

Крик, подобного которому старик не слыхал за всю свою жизнь, заставил его на миг оглохнуть, в голове зазвенело. Он увидел волну темно-синей крови, фонтаном удариившей из раны, видел, как сотни и тысячи черных когтей вцепились в голову, плечи и бока юноши, как вздернули вверх нелепо свернувшуюся на сторону голову, видел текущую по подбородку алую кровь, видел, как жизнь шагнула прочь из молодого тела, — и услыхал сдавленный предсмертный шепот:

— Помоги... дай посох...

Чернокнижник же в агонии катался по земле, его тело на глазах распадалось, серая плоть слезала пластами, обнажая коричневые полусгнившие кости. Черная громада неведомого чудовища в самой середине Круга Хаоса тоже рушилась, на глазах истаивая тучами едкой черной пыли. Все было кончено, Прорыв Тьмы остановлен, и теперь от старика требовалось только одно — подать *свой* бывший посох победителю.

«Ну, что же ты медлишь?.. Встань, не видишь, он же умирает!»

Однако он не мог пошевелиться. Ведь этот, именно этот молодой наглец унижал и оскорблял его, именно он бил старика по лицу, именно он в конце концов силой отобрал у бывшего мага посох, обрекая его на смерть, — так почему же теперь он, бывший волшебник, досыта натерпевшийся от этого юнца, — неважно даже теперь, кто он на самом деле, — почему он должен ему помогать теперь?!

Тем более... тем более что старик внезапно ощутил, *насколько полон силы* его посох, словно вся мощь двух погибающих врагов влилась сейчас в его скромное по виду дерево.

Он пополз к посоху. Дотянуться... дотянуться... дотянуться... Сила вернется, она не может не вернуться...

— Что ты делаешь?! — донесся до него еле слышный шепот — на большее сил у умирающего юноши уже не хватало. — Дай мне посох... мне, слышишь?!

Трясущаяся рука старика уже касалась коричневатого отполированного дерева, когда вперед него змеей скользнул поури. Барри толкнул посох — словно боясь взять в руки по-настоящему, — и он покатился, покатился прямо в трясущиеся окровавленные пальцы юнца.

— Нет! — завопил старик. — Нет! Нет! Неее-е-еее-ет!!!

Откуда у него в кулаке взялся нож, он так и не смог

понять. Ржавое иззубренное лезвие (да у него никогда такого и не было!) с хрустом вонзилось поури между лопаток. Горячие брызги крови стегнули старика по лицу... и мир вокруг него внезапно начал меняться.

Не стало замершего лицом вниз на затоптанной и перепачканной синей кровью траве чернокнижника, не стало падающего вниз густого дождя темной пыли, не стало умирающего мальчишки, и сам старик почему-то оказался стоящим на ногах, и скулящий от страха поури прятался за его спиной, а мальчишка... — юнец, живой и невредимый, медленно пятился, нелепо размахивая посохом, перед неодолимо наступающим черным валом хаоса.

Очень болела голова, звенело в ушах, кровь бешено толкалась в виски, словно пытаясь вырваться на волю. Недавнее видение все еще стояло перед глазами, не-правдоподобно яркое и всамделишное. Что с ним было? Он потерял сознание? Его что-то ударило?.. Он вообразил себе этого темного чародея, весь разговор с ним, гибель обоих противников?..

Поури был рядом и, похоже, приходил в себя после приступа панического страха.

— С-смотри, г-господин маг...

Мальчишка отступал, и не было в нем ни силы, ни властности, ни умения. Ничего не было, один только животный страх смерти да позорно мокрые штаны. Он бестолково размахивал посохом, старик узнавал отдельные элементы ритуальных фигур — оно и понятно, откуда ж такому юнцу знать их в подробностях? Кто и когда мог этому обучить сопливого молокососа, еще даже не получившего посоха? Для борьбы с такими прорывами хаоса нужны настоящие маги... прошедшие истинную школу Высокого Волшебства, учившиеся в Ордосе и в Волшебном Дворе, как следует опалившие шкуру в разных переделках, делом доказавшие твердость духа и крепость руки...

Словом, такие, как он, за одним только исключением — в Волшебном Дворе бывать-то он бывал, а вот поучиться там ему не удалось.

Ну что ж, посмотрим, испортит ли старый конь бо-розду. Терять ему все равно нечего, мальчишка вот-вот бросится наутек, и тогда *конец всему*, в том числе и, между нами говоря, этому миру — хаос не знает гра-ниц, раз прорвавшись, он будет набирать и набирать силу, пока не поглотит все сущее.

Прорыв надо остановить немедленно. И любой ценой. Иначе все станет просто бессмысленно, и оста-нется только наложить на себя руки, чтобы не видеть поистине кошмарного конца, ожидающего Эвиал. Ко-нечно, если б здесь оказался весь Великий Дом, все до единого принцы и принцессы, вся королевская семья, все без исключения маги Зачарованного леса — тогда он, старый и уже бывший волшебник, мог бы позво-лить себе отступить, переложить ответственность на плечи других.

Но он один, рядом только поури, который, быть может, еще и сгодился бы, дойди дело до драк на доро-гах, и насмерть перепуганный мальчишка, не знаю-щий, не умеющий остановить этот ужас...

А ты, стариk, сумел бы? С посохом и всей своей си-лой?!

Старика внезапно затрясло. Озарение нахлынуло нежданно, как порой случается в минуту смертельной опасности. Он *точно знал*, что нужно делать. Хотя лучше бы, каверное, ему этого было б и не знать.

На мгновение перед мысленным взором мелькнуло лицо главы Великого Дома, мудрые глубокие глаза с золотистыми искорками таинственного огня на самом дне зрачков; и спокойный голос, сказавший, что нужно сделать.

Как известно, магия крови — одна из сильнейших в Сущем. Недаром таких успехов добивались порой не-

грамотные шаманы позабытых племен, только и умевших, что приносить своим свирепым божкам кровавые и многочисленные жертвы. Цивилизованные маги Эвиала нашли иные пути, но случалось так, что никакие хитроумные заклинания помочь не могли. И тогда оставался только один способ справиться с бедой — такой, что навалилась сейчас.

Принеси себя в жертву, маг, сказал король эльфов, и ты остановишь катящуюся на мир гибель. Один раз, в совсем ином мире, о существовании которого вы, живущие в скорлупе Эвиала, даже и не догадываетесь, один поистине великий маг принес себя в жертву, остановив вторжение врага, против которого бессильно оказалось все его непредставимое для нас могущество. Он отказался от жизни, умер *истинной смертью*, но мир, за который он сражался, устоял. Теперь подобной же жертвы от тебя требует Эвиал. Будь я на твоем месте, я не колебался бы, маг...

Что?! Принести в жертву себя?

Внутри взъярилась волна тяжелого, мутного гнева. Хорошо ему давать советы, этому не высовывающему носа из своих пределов королю эльфов, давно уже привыкшему защищать себя и своих не собственной силой, а мечами Эльфийской Стражи, людей, тех, что вынуждены были встать под чужие знамена. Хорошо ему сидеть там, в неприступной лесной твердыне, в довольстве и безопасности, и посыпать других на смерть!

Нет уж, он умирать не собирается. Если никто, кроме него, не в силах сейчас спасти мир, он сделает это так, как сочтет нужным. А потом он сможет по-другому говорить и с самим владыкой Зачарованного леса.

Жертва...

Старик выпрямился. Пусть бесится и воет хаос, торжествуя победу. Пусть пятится этот несчастный мальчишка, проигравший первый и единственный в своей жизни бой. Пусть дрожит ничтожный поури,

пусть все прячутся и спасают свои души — он, отживший свое старый пень, он, лишенный сил и посоха, он, которого этот малец наотмашь лупил по лицу, — он теперь возьмет свое.

Черное пятно хаоса тем временем уже почти достигло края поляны. Громадные секвойи стойко сопротивлялись, бессчетные века они вели свой собственный бой с наступающей тьмой — и не собирались сдаваться просто так. Какое-то время они продержатся... очень, очень небольшое, но ему должно хватить.

Старик провел рукой вдоль правого бедра. Меч, который дал ему поури! Вот и нашлась работа для тебя, чужая сталь...

Он вытащил оружие и коротко замахнулся. Парализованный ужасом мальчишка и не подумал оглянуться. Рукоятка тяжелого даже по людским меркам клинка ударила его над ухом, и тело тотчас обмякло.

Как ни странно, хаос ответил на это исступленной пляской черных смерчей, воем гибнущего над воронкой ветра — но его продвижение остановилось.

— Знает кошка, чье мясо съела! — прорычал старик, играючи (и откуда только силы взялись!) поднимая с земли бездыханного юнца. Заглянул в лицо и не смог сдержаться — ударил бесчувственного в подбородок, возвращая некогда полученное.

— Подними! — рявкнул старик на заметавшегося поури.

— Да, да, господин маг... — на сей раз в голосе поури не осталось и следа насмешки.

— На пень клади! — приказал волшебник, торопливо подбирав свой — теперь уже точно *свой!* — посох.

По телу словно прошла теплая прянная волна. Сила, Сила, Сила, она словно бы терпеливо дождалась его все это время. Вечное небо, сколько ж ее здесь... да, с таким посохом настоящий маг воистину мог сводить звезды с небес на землю и поворачивать реки вспять — но, увы, чтобы повернуть вспять хаос, требовалось кое-

что иное, а именно — отнятая во имя этого человеческая жизнь.

Тело юноши, так и не расставшегося со щегольской своей курточкой, распростерлось на срезе громадного пня. Кто и почему спилил эту секвойю, старик не знал, да и знать не хотел. Пень подвернулся на удивление вовремя, а остальное — не нашего ума дело.

Теперь главным было не испортить все дело спешкой. Повинуясь приказу, поури как мог быстро прикутил юнца к пню всем, что только попалось под руку. Старик встал над неподвижным телом, поднес к ноздрям едкую нюхательную соль, невесть как уцелевшую в его заплечном мешке. (И откуда только взялась? Никогда б не подумал, что такие вещи с собой таскаю...)

Юнец застонал и открыл глаза.

— А? Что? Почему?...

— Потому, что ты, щенок, прогадил все дело, — язвительно, наслаждаясь каждым словом, сказал ему старик. — Потому, что хаос наступает, несмотря на все твои махания *моим* посохом, и остановить его теперь могу только я. Ты тоже мог бы, сообрази вовремя, что надо делать. Ну а поскольку ты не сообразил, мне пришлось думать за тебя.

Мальчишка тонко завыл, из глаз покатились слезы. Похоже, он все понял тотчас, едва взглянув на обнаженный меч в руках старика.

— Не наааадо...

— Надо, надо, — торжествующе сказал старик. Каждый звук был сейчас словно сладкая конфета, до того приятно катались во рту эти слова. — Если б ты хоть что-нибудь понимал бы в магии, то сообразил бы, что остановить Тьму можно только магией крови, а для этого тебе следовало бы самому перерезать себе горло. Ты не смог, ты смалодушничал, а значит — мне придется делать это за тебя.

— Не наааадо... — вновь проскулил мальчишка, похоже, смысл слов старика доходил до него уже с трудом.

— Не надо было бить меня по лицу и отбирать у меня посох, — стариk не сдержался, плюнул в лицо распяленному на пне пареньку. — Не надо было тебе этого делать, щенок, не надо было, понял?! Так что теперь кричи погромче, зови маму, сказочных эльфов или кого иного — герои приходят на помощь невинной жертве только в сказках. Сюда не придет никто. Я скормлю твоё тело хаосу, и он остановится. Эвиал будет спасен. А тебе поставят памятник. Могу обещать, я распишу твой героизм во всех деталях. Я сочиню для них самую красивую историю, какую только смогу. Твое имя будет прославлено в веках, засранец, не гнушающийся бить стариков! Ну а теперь хватит разговоров, пора за дело. Хаос приостановился, но вот-вот он снова придет в движение. Так что надо поспешать. Барри!

— Я! — по-военному четко откликнулся поури.

— Держи этому сопляку голову, чтобы не крутился. Горло надо перерезать очень аккуратно, иначе все насмарку пойдет...

— Слушаюсь, господин маг! — отрапортовал поури, и в следующий миг его обманчиво-слабые ладони тисками сдавили щеки обреченного.

Паренек уже не мог ни кричать, ни плакать. Только ныл да судорожно дергал накрепко привязанными к пню руками и ногами. Стариk нарочито медленно поднял меч и наклонился над лежащим. Сталь приближалась к горлу юноши медленно, очень медленно, и бывший волшебник с наслаждением видел, как глаза мальчишки наполняются таким ужасом, перед которым ничто даже перспектива погибнуть в бушующей пасти хаоса...

Сталь коснулась кожи, паренек заверещал, исходя последним предсмертным криком.

— Чашку подставил? — вполне будничным голосом осведомился стариk у поури.

Барри молча кивнул. Его самого начало по-настоящему трясти.

Старик повел мечом — на себя, с оттяжкой.

Отчаянный вопль сменился захлебывающимся бульканьем. Старик неотрывно смотрел в глаза умирающего — впитывая каждый миг его агонии.

Месть совершилась.

Остальное было, как говорится, делом рук. Старик четко плел заклинание, экономно расходуя каждую каплю жертвенной крови. Он видел и вдали, и вглубь, он чувствовал воронку хаоса, словно рану в собственном теле — а опытный маг в состоянии излечить себя за считанные минуты, если, конечно, не пробито сердце.

Бушующее черное пламя на глазах опадало, волны сменялись рябью, смерчи нехотя раскручивали обратно свои тугие хоботы. Еще немного — и будет все... последние штрихи, без которых заклятие долго не продержится, — а хаос потом забушует еще сильнее, подобно тому, что случается с морем, когда на него для усмирения вод льют бочками китовый жир.

Часто смотреть на деревянную чашку с кровью он не мог — взоры его странствовали сейчас далеко-далеко от этой проклятой поляны, играючи пронзая плоть мира, добираясь до самых корней черного цветка, что на горе всему Эвиалу пробился здесь к свету...

Пальцы старика в очередной раз коснулись чашки — и заскребли по скользкому деревянному днищу. Крови не хватило.

Секунду он стоял неподвижно — только глаза раскрывались все шире и шире, потому что хаос мгновенно почувствовал слабину в стягивающей его цепи.

Кровь! Нужна кровь! Скорее!

— Барри! — каким-то не своим, мертвым голосом сказал старик. Он ничего не имел против поури, но...

— Что, господин маг? — исполнительный карлик в один миг оказался рядом.

— Послушай, мне нужно... — отвлекая внимание Барри, заговорил старик; на слове «нужно» левая рука его, державшая меч, внезапно нанесла удар.

M. D.

И откуда только взялись резкость и ловкость! Поури были бойцами, сильными и быстрыми, но на сей раз карлик не успел даже вздрогнуть. Его же собственный меч пробил ему шею и выставил окровавленное острье сзади, пониже затылка.

Поури взмахнул руками, упал, задергался в агонии; на губах пузырилась кровь, и последнее его слово, которое старик смог разобрать, было: «проклинаю».

Поури пробормотал и что-то еще, но этого волшебник уже не слышал.

Торопясь и пачкаясь в его крови, старик взмахнул рукой. Брызги полетели в разные стороны, заклятие вновь набирало мощь, и хаос взывал в отчаянии, понимая, что на сей раз ему уже не прорваться.

* * *

Он оставил позади два мертвых тела, кое-как склоненных в лесной яме-вывортне, да перепаханную, дымящуюся землю на поляне. Секвойи вокруг устояли, только две из них пали под натиском свирепого врага; деревья проводили ушедшего старика долгими и внимательными взглядами, и — не торопись он так покинуть злое место — старик не пожалел бы сил, чтобы сжечь их всех.

Он вновь обрел свой посох. Он вновь обрел силы. Он стал прежним — нет, он стал гораздо сильнее! Теперь он сам устроит свою жизнь. Великий Дом не сможет больше задирать голову перед тем, кто только что спас весь Эвиал. Он может потребовать... да, что же он может потребовать? Золота и прочих побрякушек ему не надо, не ими измеряются истинные величие и власть. Страна, вот что ему, пожалуй, будет нeliшне. Небольшая, но плодородная и живописная страна, с трудолюбивым и покорным народом. О, он станет хорошим и мудрым правителем. Он защитит простых людей от произвола богатеев и избавит почтенных негоциантов

от разбойных нападений на дорогах. Он снизит налоги, будет поощрять науки и искусства, строить общественные здания и цирки, он покончит с преследованиями за веру, он каленым железом выжжет отраву Инквизиции, разъедающей Эвиал, подобно тому, как едкая кислота разъедает сталь любых доспехов. Он будет строгим, но справедливым, его мудрый суд прославится по всему Эвиалу, он... да мало ли что он сможет сделать, заполучив обратно свой посох в придачу с такой необоримой силой!

А народ... народ будет его любить и побаиваться, возглашать ему хвалы и дважды в год приводить в его дворец самую красивую девушку... нет, не приводить, а приносить... на золотом блюде, тщательно протущенную, с подливой из сорока четырех заповедных трав...

Стоп!

Он ошеломленно провел рукой по лицу, неожиданно мокрому от пота. Откуда взялась эта дикая фантазия? С чего это ему могло взбрести в голову, что он всерьез увлечется каким-то ритуальным каннибализмом? Нет, наверное, сказывается эта схватка. Она все-таки далась ему недешево. «Наверное», — успокаивал он себя, после такого в голову и еще чего похлеще взбрести может. Не стоит обращать внимания. Ему нужен отдых, совсем-совсем небольшой отдых.

Нет, пожалуй, немного золота он у Великого Дома все-таки возьмет. Не пристало волшебнику его ранга странствовать пешком. Надо будет нанять достойный караван, а сделать это лучше всего за звонкую монету, не растративая понапрасну с таким трудом и такой ценой обретенных сил. А самое главное — он потребует у Великого Дома некую толику их драгоценностей, что, как известно, много дороже золота. Великому Дому деваться некуда, они не смогут отказать — конечно, если его требования будут разумными. А он, естественно, и

не собирается оскорблять Зачарованный лес, требуя, к примеру, себе корону главы Великого Дома!..

Он шел весь день. Чаща вокруг становилась все гуще, поля на степной окраине остались далеко слева и справа. Волшебник шагал прямо по ведущей к сердцу Зачарованного леса дороге, и знаменитая Эльфийская Стража поспешно убиралась с его пути, прекрасно понимая, во что выльется поединок с *таким* противником.

Неладное он почувствовал наутро третьего дня. Вокруг него уже тянулись рубежи Зачарованного леса, последние лиги, куда еще допускались люди — но куда уже редко заглядывали эльфы, предпочитая оставаться в волшебном Сердце Леса. Вокруг не чувствовалось ни души, даже звери и птицы не замедлили забиться кто куда.

Ему мучительно хотелось есть. И притом сырого мяса, не оскверненного пламенем костра. Хотелось теплой крови. От становящегося с каждым часом все более и более сильным желания его мучило и кружилась голова. Он ничего не понимал — что случилось, что произошло, откуда взялась эта нелепость?..

К полудню он не выдержал. Понятно, что волшебнику его нынешней силы не составило бы труда зачаровать какого-нибудь зайца или куропатку — но откуда-то пришло твердое и непоколебимое убеждение, что добычу должно ловить только голыми руками. Да и пальцы как будто бы у него удлинились, такими, на-верное, удобно хватать и рвать...

Он не ошибся. Под корнями большой сосны свою нору устроили барсуки; чуткого и хитрого зверя можно было бы стеречь до бесконечности, и потому он, слегка закряхтев, протиснулся в узкий и темный лаз головой вперед, вытянув перед собой ставшие какими-то необычайно длинными (правда, и костлявыми тоже) руки.

Он прополз вперед, он настиг в панике бросившихся спасать свое потомство барсуков в каком-то тесном

отнорке, он рвал и душил их своими пальцами, длинными и сильными, каждый из которых заканчивался изогнутым, подобно кинтскому кинжалу, когтем.

А потом он ел, наслаждаясь каждым кусочком свежего, теплого мяса. Барсучата оказались настоящим деликатесом, ко взрослым зверям он не притронулся.

Оставив позади разоренную нору, он побрел дальше.

Сознание прояснилось. Он внезапно увидел себя со стороны и закричал. Закричал от нестерпимого ужаса, взмахнул посохом, отчаянно пытаясь отыскать приводные нити опутавшего его заклинания, стремительно превращавшего его — во что? Или в кого? Мысли мутились и путались, он уже не мог вспомнить многие слова — но сознание непереносимого, кошмарного страха не уходило, он понимал, что превращается в зверя, что его человеческое «я» стремительно гаснет, память распадается — он все равно что умирает.

Страх заставил его вопить и кататься по земле, страх заставил его творить самые сильные из только известных ему заклятий — неизменно безрезультатно.

То ли это было предсмертное проклятие поури, то ли что-то еще — он уже так и не узнал. Он попытался в отчаянии броситься на собственный меч — стоял, стоял над смотрящим вверх острием, но так и не решился. Глухо звывил и побрел прочь, так и оставив меч торчать в расщепе.

Кажется, это было последнее, что он помнил.

Руки отчего-то свисали почти до земли. Плечи неожиданно сгорбились и налились силой, на ногах быстро отрастала густая шерсть. Зачем на нем эти странные тряпки? Они только мешают в лесу.

Он сбросил их без колебаний.

Оставалась еще какая-то палка, зачем — он не понимал. Помнил только, что она важна, очень-очень важна, и ее нельзя бросать ни в коем случае, в отличие от всех других штук, с которыми он расстался без колебаний.

Теплая шкура отлично защищала его и от жары, и от холода. Наплыли тучи, с небес полилась вода — он забыл, как это называется, но это было совершенно неважно. Он с легкостью мог добывать себе пищу, ни один зверь в *его* лесу не мог избегнуть его когтей. Он бегал быстрее всех, играючи настигал зайцев и косуль, волки в ужасе поджимали хвосты и ползли к нему на брюхе, признавая в нем неоспоримого вожака.

Кем он был раньше, он забыл. Могучее тело постоянно требовало пищи, и охота занимала почти все его время. Если он не охотился, то спал в своем логове, устроенном в глубоком овраге, который он перекрыл вывороченными деревьями. Разумеется, никто не осмеливался приближаться к его жилищу.

Однако непонятную палку он так и не бросил. И не расставался с ней ни на миг. На это соображения у него хватило.

Сколько дней прошло, он не знал. Стало чуть холоднее, в лесу появилось много багряной листвы — он с трудом вспомнил слово «осень». Ему попалась новая добыча — неведомый двуногий зверь в страннойвойной шкуре, с длинной изогнутой палкой, на которую была натянута тонкая жила. Он пускал жалящие тонкие ветки. Он успел пустить три, прежде чем тот, что был магом, добрался до него и оторвал голову. Раны оказались болезненными, но тут-то ему и пригодилась та самая палка. Смутное наитие заставило его провести ее концом по кровоточащим дыркам в шкуре — и они тотчас затянулись.

Мясо этой новой добычи так понравилось ему, что он забыл обычную осторожность. Он двинулся в глубь леса, куда обычно забредать не осмеливался, смутно чувствуя некую угрозу, затаившуюся там, но на сей раз не удержался.

Он и в самом деле вскоре нашел еще несколько таких же зверей. Самца, самку и детеныша. Он настиг их

внезапно, на берегу ручья. Самец успел пустить свое летающее жало, но зверя это не остановило.

Он попробовал их всех, хотя, в общем, не был голоден. Детеныш — с длинной золотистой шерсткой на голове — оказался, как он и ожидал, лучше всего.

Он вернулся в свое логово, бросив останки у лесного потока.

Через два дня двуногие сами пришли к нему.

Их было много, и они вели с собой других зверей, наподобие волков, только смелее и свирепее. Каждый из этих зверей по отдельности был ему не опасен, но тут их собралось много, очень много — он забыл название для такого числа.

Они рванулись в его логово со всех сторон. Они нашли все четыре запасных отпорка.

Бежать было некуда. И он стал сражаться. Он убивал направо и налево, инстинктивно стараясь не поворачиваться к ним спиной. Убивал когтями, клыками и неожиданно оказавшейся гибельной для его врагов палкой — с нее то и дело слетало нечто яркое-яркое, жгучее, валившее его зубастых противников одного за другим. Логово наполнялось дымом, он не мог дышать — и ему пришлось выбраться наружу.

Двуногие не теряли время даром. Они окружили овраг со всех сторон. И воздух внезапно тонко и претяжно завыл, словно его наполнила неисчислимая орда крылатых кровососов.

А потом стрелы настигли его.

Он взревел от невыносимой боли — в этих стрелах было нечтo, кроме одного только дерева и острого железа. Что-то... что-то еще...

«Магия!» — внезапно вспомнил он слово. Волшебство. Чародейство. То, на что способна и его палка... нет, не палка ПОСОХ!

Он начал вспоминать.

Весь покрытый кровью, он приподнялся. Звериное

сознание стремительно уплывало, память возвращалась — память, но не прежний облик.

— Погодите! — завопил он, когда лучники придвижнулись еще ближе, продолжая засыпать его стрелами. — Погодите! Это ошибка! Ошибка!.. Остановитесь! Я спас мир! Спас, вы слышите меня или нет?

Стрела ударила его прямо в рот, выбив зубы и пригвоздив к небу язык.

Он взвыл, захлебываясь кровью. Эльфы уже были со всех сторон, они бежали, стреляя на ходу; ему оставалось только одно — вскинуть посох, но его магия неожиданно столкнулась с чужой, и притом равной по силе.

Он понял, что тут собрался весь Великий Дом: принцы и принцессы. Сюда принесли даже тех, кто еще лежал в колыбелях. И не для того, чтобы разговаривать с ним. Они собирались для того, чтобы уничтожить безжалостное чудовище. Но почему же они не хотят выслушать его, если понимают, что он владеет членораздельной речью?

Он захлебывался собственной кровью и уже не мог уследить за всеми противниками. Сорвавшееся с посоха пламя испепелило трех самых храбрых или самых глупых лучников-эльфов, оказавшихся чересчур близко, — но тут еще одна, последняя стрела ударила его в затылок, и мир исчез — исчез в одной ослепительной вспышке боли, положившей конец его мучениям.

* * *

Ученик открыл глаза. Казалось, голова его и в самом деле пробита насеквоздь эльфийской стрелой.

Учитель смотрел на него прямо и строго. Ученику показалось — с печалью.

— Ты был самым лучшим, — сказал учитель.

— Мастер, я...

— Теперь ты понимаешь, что это такое — жажда

вернуть посох? Теперь ты понимаешь, на что она толкнет тебя, когда придет твой день?

— Мастер...

— Молчи. Ты не выдержал самого главного экзамена. Я не могу учить тебя дальше.

— Но учитель, вы же всегда говорили...

— Да, ты талантлив. Ты самый талантливый из всех, кто был у меня за последние шестьдесят лет. Но...

— Но я дрался изо всех сил, чтобы заполучить посох назад, и потому не могу стать волшебником? — Он изо всех сил стискивал зубы, стараясь не расплакаться.

— Да. Ты не можешь стать волшебником. Тьма пустила в твоем сердце слишком глубокие корни. Чтобы вернуть посох, ты пойдешь на любое преступление, станешь резать женщин и пытать детей. Все, ты не мой ученик. Я отрекаюсь от тебя. Ступай.

Ученик резко поднялся. Он был еще молод, но на лбу уже красовался шрам, оставленный, судя по всему, пиратской саблей.

— Прощайте, учитель.

— Уходи. Я не стану желать тебе даже счастливой дороги. Лучше бы тебе не рождаться на белый свет.

— Почему?

— Потому что тебя просто убьют. Ты захочешь отомстить мне, или Волшебному Двору, или Мегане, или ордосской Академии Высокого Волшебства — и тебя просто убьют.

— Отчего же вы не сделаете это сами и сейчас, учитель? — угрюмо спросил бывший ученик.

— Не хочу мазать руки, — последовал краткий ответ.

Молодой человек коротко кивнул и пошел прочь. Он был молод и силен, но понимал, что нападать на учителя посреди его собственного замка — самоубийство.

Он шел прямо через пустой мощеный двор, к распахнутой пасти ворот. За воротами его ждал целый

мир, но юноша сейчас чувствовал себя просто шагающим мертвецом. Мечта была мертва. Она умерла со словами отрекшегося от него наставника.

Что ж, значит, ему придется жить с этим чувством. Ни один чародей во всем Эвиале не станет учить его. Ему теперь и близко не подойти к Ордосу.

Ему оставалось только одно.

Найти тех, кто противостоит его учителю, Волшебному Двору, Академии и всему прочему.

* * *

— Почему ты отказался от него? — хозяйка Волшебного Двора, чародейка Мегана с удивлением смотрела на старого мага. — Он хорош... очень хорош!

— Разве ты не видела его испытания? Разве ты не согласна, что Тьма уже полностью овладела им?

— Гм... может быть, так, а может, и иначе. Но я все равно не стала бы судить так поспешно. Жаль, что слово учителя уже не изменишь.

— Мне тоже жаль, — отозвался старый маг. — Но тебя не было здесь...

— Я тебя и не виню. Что ж... пошлем весть инквизиторам. Рано или поздно этот паренек наверняка свяжется с одним из гнезд последователей Салладорца. Нельзя ссориться со слугами Спасителя, так что, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Совершенно согласен с твоим мудрым решением, достопочтенная Мегана, — стариk поклонился, пряча в бороде хитрую усмешку.

По крайней мере *теперь* ему еще долго не найдется достойного преемника. Того, которому *он* должен был бы отдать свой посох.

А когда ничего не отдаешь, так и возвращать ничего не надо.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЧЬ НЕКРОМАНТА. <i>Роман</i>	5
ВЕРНУТЬ ПОСОХ. <i>Повесть</i>	273

Литературно-художественное издание

Перумов Николай Данилович
ДОЧЬ НЕКРОМАНТА

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *И. Сауков*

Художники *А. Сальников* (обложка), *Лео Хао* (иллюстрации)

Технические редакторы *Н. Носова, Л. Панина*

Корректор *И. Ларина*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых монтажей 25.02.2000.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 13,89.

Доп. тираж 20 000 экз. Зак. № 1250.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksмо.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksмо.ru

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333

E-mail: bookclub@eksмо.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: eksмо_sl@msk.sitek.net

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-79

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково»

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

Тел.: 476-16-90

ООО «Фирма «Книинком»

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

Тел.: 177-19-86

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево»

Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

Тел.: 450-08-84

Отпечатано в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Книжный клуб "ЭКСМО" - прекрасный выбор!

Приглашаем Вас вступить в Книжный клуб "ЭКСМО"! У Вас есть уникальный шанс стать членом нашего Клуба одним из первых! Именно в этом случае Вы получите дополнительные льготы и привилегии!

Став членом нашего Клуба, Вы четыре раза в год будете БЕСПЛАТНО получать иллюстрированный клубный каталог.

Мы предлагаем Вам сделать свою жизнь содержательнее и интереснее!

С помощью каталога у Вас появятся новые возможности! В уютной домашней обстановке Вы выберете нужные Вам книги и сделаете заказ. Книги будут высланы Вам наложенным платежом, то есть БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ! Каждый член Вашей семьи найдет в клубном каталоге себе книгу по душе!

Мы гарантируем Вам:

- Книги на любой вкус, самые разнообразные жанры и направления в литературе!
- Самые доступные цены на книги: издательская цена + почтовые расходы!
- Уникальную возможность первыми получать новинки и супербестселлеры и не зависеть от недостатков работы ближайших книжных магазинов!
- Только качественную продукцию!
- Возможность получать книги с автографами писателей!
- Участвовать и побеждать в клубных конкурсах, лотереях и викторинах!

Ваши обязательства в качестве члена Клуба:

1. Не прерывать своего членства в Клубе без предварительного письменного уведомления.
2. Заказывать из каждого ежеквартального каталога Клуба не менее одной книги в установленные Клубом сроки, в случае отсутствия Вашего заказа Клуб имеет право выслать Вам автоматически книги – "Выбор Клуба"
3. Своевременно выкупать заказанные книги, а в случае отсутствия заказа – книги "Выбор Клуба".

Примите наше предложение стать членом Книжного клуба "ЭКСМО" и пришлите нам свое заявление о вступлении в Клуб в произвольной форме.

**По адресу: 101000, Москва, Главпочтamt, а/я 333,
"Книжный клуб "ЭКСМО"**

В заявлении обязательно укажите полностью свои фамилию, имя, отчество, почтовый индекс и точный почтовый адрес. Пишите разборчиво, желательно печатными буквами.

Отправьте нам свое заявление сразу же, торопитесь! Первый клубный каталог уже сдан в печать!

«НИТЬ ВРЕМЕН»

Серия “Нить времен” – это путеводная нить в лабиринте фантастики! Вечно длящийся эксперимент, уникальный сплав жанров, синтез были и небыли, перекресток стилей; головокружительная динамика действия, тонкий психологизм поступков и философская глубина событий – помноженные на литературный талант Г.Л.Олди, А.Валентинова, М. и С.Дяченко, чьи имена по праву составляют золотой фонд жанра!

НОВИНКИ СЕРИИ:

Г.Л.Олди, А.Валентинов, М.и С.Дяченко «Рубеж», в 2-х томах

Г.Л.Олди «Маг в законе», в 2-х томах

А.Валентинов «Небеса ликуют»

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

«ЗНАК ЕДИНОРОГА»

СТАРАЯ ДОБРАЯ ФЭНТЕЗИ

Как известно из мифов, тому, кому удалось повстречать Единорога, непременно сопутствует удача во всех его начинаниях. Редким везением для ценителей фэнтези являются книги серии «Знак Единорога».

Лучшие мастера жанра открывают читателям врата в сказочные миры, населенные драконами и людьми, эльфами и гномами, орками, гоблинами и другими мифологическими существами. В этих мирах острый меч, меткий арбалет и горячее сердце могут стоить больше, чем ухищрения самого искушенного мага. Здесь любят и жертвуют, сражаются и ненавидят во имя единственной великой цели. Здесь силы Света и Тьмы сходятся в кровавых битвах, чтобы нарушить сложившееся вековечное Равновесие.

НОВИНКИ СЕРИЙ:

- Джон Р. Р. Толкиен «Властелин Колец», в 3-х томах
Эрик Ластбадер «Воин Заката», в 2-х томах
Урсула Ле Гвин «Волшебник Земноморья»
Роджер Желязны «Дилвиш Проклятый»

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги Ника ПЕРУМОВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ ДОБРОЙ ФЭНТЕЗИ

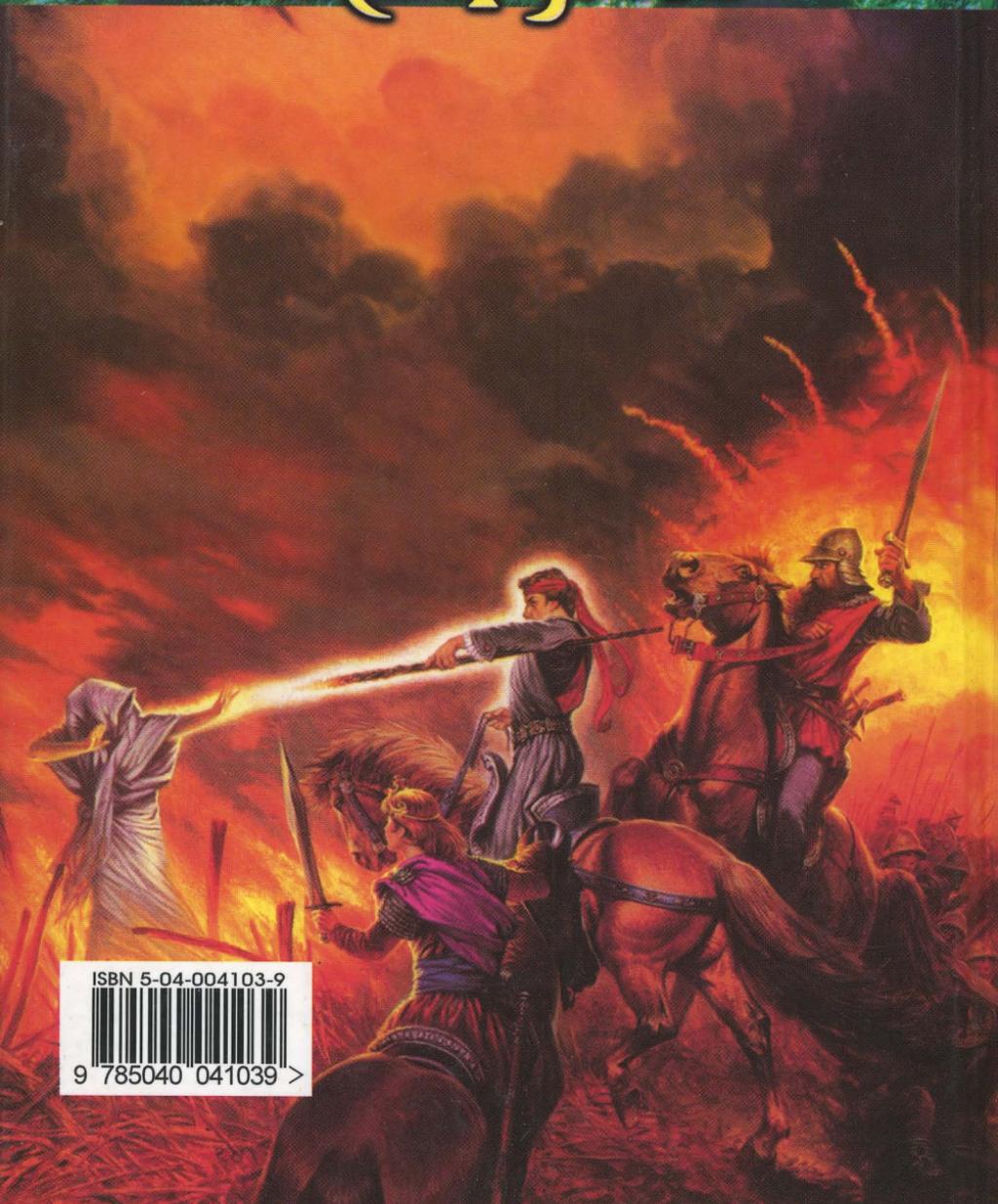
Не только американцы и англичане могут создавать шедевры настоящей классической фэнтези. У Джона Р.Р. Толкиена и Роджера Желязны появился достойный преемник в лице санкт-петербургского писателя Ника Перумова. Фэнтези Перумова сочетает в себе все традиционные достоинства жанра, обогащенные безграничными возможностями русского литературного языка. В его книгах волшебство кажется еще изощреннее, мечи – острее, а герои – неутомимее.

НОВИНКИ СЕРИИ:

- «Алмазный меч, Деревянный меч» в 2-х томах
- «Разрешенное волшебство»
- «Враг неведом»
- «Черное копье»
- «Эльфийский клинок»
- «Адамант Хенны»
- «Черная кровь»
- «Рождение Мага»
- «Странствия Мага»
- «Хроники Хъерварда» в 3-х томах

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

НИК ПЕРУМОВ

ISBN 5-04-004103-9

9 785040 041039 >